

КАЗАХСТАН - СПЕКТР
аналитические исследования

КАЗАХСТАН – 2030

Учредитель: Казахстанский институт
стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан

**Шеф
редактор:** Е. К. Ертысбаев,
Директор Института

**Исполнительный
редактор:** С. М. Акимбеков

**Технический
редактор:** Е. Н. Урсул

**Адрес
редакции:** Республика Казахстан, 480000,
Алматы, проспект Достык 87-б,
Казахстанский институт
стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04
Факс: (3272) 64-49-95
E-mail: office@kaziss.alma-ata.su

Журнал зарегистрирован Национальным агентством
по делам печати и массовой информации Республики
Казахстан 8 сентября 1997 г.

Регистрационное свидетельство №644.

При перепечатке, микрофильмовании и других
формах копирования статей ссылка на журнал
обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не
совпадать с точкой зрения авторов статей.

© казахстан - спектр

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тажин М. М.
Тараков Л. Ю.
Касенов У. Т.
Сыроежкин К. Л.
Султангалиева А. К.

КАЗАХСТАН - СПЕКТР

№ 3 (5), 1998 г.

СОДЕРЖАНИЕ

КАЗАХСТАН

- Сагадиев К. А.*
Исабеков Б. Н. Концепция промышленной политики Республики
Казахстан на среднесрочную перспективу.....3
- Исмагамбетов Т. Т.* Индикаторы гражданственности
и феномен коррупции 15

ВОКРУГ КАЗАХСТАНА

- Касенов У. Т.* Талибы, Афганистан и Центральная Азия 29

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Сыроежкин К. Л.* Финансовый кризис в Юго-Восточной Азии:
истоки и уроки 47
- Арыстанбекова А.Х.* ЮНИСЕФ: во имя будущего детей 85

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Кадырбаев А. Ш.* Золотая Орда и ее евразийские наследники 91

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- Чжан Вон Чан* Республика Корея: специфика процесса
демократизации и модернизации
(с выводом для Казахстана) 102

РЕЦЕНЗИИ 116

SUMMARY 130

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 132

KAZAKHSTAN-SPECTRUM
№ 3 (5), 1998
CONTENTS

KAZAKHSTAN

- Sagadiev K. A.*
Isabekov B. N. "The Concept of industrial policy in the Republic
of Kazakhstan for mid-term prosperity" 3
- Ismagambetov T.T.* "Civilian indicators and the corruption
phenomenon" 15

AROUND THE KAZAKHSTAN

- Kasenov U. T.** "The Taliban, Afghanistan and the Central Asia" 29

INTERNATIONAL RELATIONS

- Syroejkin K. L.* "The financial crisis in South-East Asia:
issues and lessons" 47
- Arystanbekova A. H.* "UNICEF: in the name of the children future" 85

THE PAGES OF THE HISTORY

- Kadyrbaev A. Sh.* "The Golden Horde and its Eurasian heritage" 91

OPINION

- Sjhan Von Shan* "The Republic of Korea: the specific of
the democratisation and modernisation processes
drawing a conclusion for Kazakhstan" 102

- THE REVIEWS 116

- SUMMARY 130

- ABOUT THE AUTHORS 132

КАЗАХСТАН

КОНЦЕПЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ
ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН НА
СРЕДНЕСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ

Сагадиев К. А.
Исабеков Б. Н.

Промышленность Казахстана является главным фактором определяющим уровень индустриализации народного хозяйства, реальность и перспективы экономического суверенитета республики, место и роль государства в современном мировом сообществе.

Казахстан обладает громадными запасами руд, минерального сырья, топливно-энергетических ресурсов, запасами редких, драгоценных и редкоземельных металлов, имеет мощную индустрию добычи и первичной переработки полезных ископаемых, продукция которой вывозится за пределы республики. Вместе с тем Казахстан не располагает многопрофильной, современной базой машиностроения, производствами по выпуску продукции высокой товарной готовности, практически отсутствуют отрасли производящие наукоемкую, технически сложную продукцию, слабо развита индустрия товаров народного потребления, недостаточно используется потенциал химической промышленности, переработки нефти, газа и углеводородного сырья.

В ведущих отраслях промышленности - черной и цветной металлургии, химическом комплексе, высок удельный вес использования энергоемких, экологически грузных технологий, морально и физически устаревшего оборудования, наметилось заметное отставание развития сырьевой базы, ухудшилось качество добываемых руд.

Сложившиеся в республике за многие годы диспропорции в структуре промышленного производства в настоящее время еще более усугубляются кризисными явлениями, застоєм и спадом, поразившими народное хозяйство вследствие практически полного разрушения ранее единого хозяйственно-экономического комплекса страны. В этой ситуации представляется необходимым определить главными целями промышленной политики на среднесрочную перспективу:

- укрепление экономического суверенитета республики;
- исключение кризисных явлений в народно-хозяйственном комплексе в период перехода к рынку;
- стабилизация промышленного производства;

- осуществление радикальной структурной перестройки отраслей промышленности, развитие импортнозаменяющих технологий, наращивание ее производственно-экономического потенциала;

- создание в промышленности системы саморазвивающихся хозяйственно-экономических рыночных структур;

- эффективную интеграцию промышленности республики в экономику стран содружества и мировую экономику;

- ускоренное социально-экономическое развитие отраслей, промышленных комплексов, регионов и республики в целом.

Структурно концепция промышленной политики на ближайшие 3-5 лет может быть представлена следующими взаимосвязанными блоками системных действий.

1. Создание превентивных мер предотвращения острых кризисных явлений в базовых отраслях промышленности.

Цели: - Обеспечить максимальную защищенность работы базовых отраслей промышленности и исключение кризисных явлений в условиях возможно неблагоприятного характера процессов в сфере межгосударственных отношений, материального производства и экономики, стихийных бедствий, а также внутриреспубликанских обстоятельств.

Стратегия и действия для достижения поставленных целей:

- Разработать сценарий-прогноз развития кризисных явлений и процессов, создать механизм функционирования промышленного производства в этих условиях.

- Создать государственный целевой страховой фонд по жизненноважным материально-техническим и сырьевым ресурсам, продукции производственно-технического назначения.

- Создать государственный целевой страховой валютный фонд для обеспечения импорта жизненноважной технологической продукции, сырья, материалов и энергоносителей.

- Подготовить предложения по блоку нормативных актов функционирования предприятий всех видов собственности в условиях чрезвычайно кризисных ситуаций.

- Подготовить и реализовать предложения по заключению и пролонгации договоров с СНГ и зарубежными государствами, гарантирующими получение жизненноважной технологической продукции, сырья, материалов и энергоносителей.

II. Создание и реализация концепции вынужденного автономного функционирования промышленности республики.

Цели: Использовать объективно или субъективно нераскрытый потенциал республики для рационального, автономного саморазвития промышленности республики в условиях крайне невыгодных хозяйственных и внешнеэкономических связей. Стратегия и действия для достижения поставленных целей:

Провести критический анализ ранее разработанных концепций развития промышленности республики в программах бывшего Союза и выработать конструктивную политику автономного саморазвития в основе которой должно быть:

- приоритетное развитие сильных "ключевых" отраслей;

- развитие производств экспортной продукции;

- исключение импорта простой продукции и организация ее производства в республике;

- радикальное развитие производств по выпуску продукции высокой товарности;

- структурная перестройка промышленности.

III. Разработка и реализация программы стабилизации работы промышленности.

1. Разработка и реализация системы мер по убыточным производствам в промышленности.

Цели: Используя установленную в период дестабилизации и острых кризисных явлений картину спада в сфере материального производства, решительно освободить промышленность от отягощающих структур и предприятий-банкротов. Создать условия для новой идеологии перестройки и развития производств. Стратегия и действия достижения поставленных целей:

- Провести анализ и установить реальную картину причин спада производства и экономического банкротства, классифицировать их по макро- и микроуровню на предприятия бесперспективно убыточные.

- Подготовить предложения по ликвидации предприятий-банкротов.

- Разработать механизм вывода убыточных предприятий из состояния экономического кризиса на основе диверсификации производства, акционирования и последующей приватизации предприятий с участием иностранных партнеров.

- Подготовить решения о мерах государственной поддержки объективно убыточным и временно убыточным предприятиям, продукция которых безусловно необходима для народного хозяйства республики.

2. Разработка и реализация системы мер по оптимизации внутриреспубликанских интеграционных связей.

Цели: Достигнуть наивысшего экономического результата в развитии отраслей, промышленных комплексов и холдингов на основе синергетической оптимизации производственно-хозяйственных, экономических, имущественных и т.д. связей.

Стратегия и действия для достижения поставленных целей:

- Подготовить детализированную схему взаимосвязей в промышленном и народнохозяйственном комплексах с учетом движения сырья, материалов, продукции и финансовых средств и других взаимосвязей.

- Разработать и реализовать механизм синергетической оптимизации управления процессом взаимосвязей в промышленном и народнохозяйственном комплексах.

- Разработать и реализовать комплекс предложений о механизме рационально сбалансированного взаимодействия промышленности с инфраструктурой республики (энергетика, транспорт, водное хозяйство, землеустройство, экология и т.п.), обеспечивающие рентабельность работы промышленности.

3. Разработка и реализация системы мер по действенному управлению процессом формирования и функционирования акционерных и холдинговых производственно-хозяйственных структур при проведении 2-го этапа приватизации.

Цели: Обеспечить эффективную реализацию потенциала новых производственно-хозяйственных структур, формируемых в процессе изменения формы собственности на основе экономической целесообразности и перспективы развития. Стратегия и действия для достижения поставленных целей:

- Провести оценку оптимальности внутренних структур, созданных акционерных и холдинговых компаний на предмет степени консолидации интересов участников, устойчивости интеграционных связей, синергетической эффективности и перспектив совместного развития.

- Провести детальный анализ производственно-экономических и социальных программ деятельности акционерных и холдинговых компаний с учетом соответствия их генеральным стратегическим направлениям развития экономики республики и потребностям народного хозяйства в настоящий период.

- Разработать и реализовать на основании проведенных анализа и оценок систему мер по оптимизации структур акционерных и холдинговых компаний.

- Подготовить предложения по совершенствованию механизма государственного регулирования деятельности акционерных и холдинговых компаний.

4. Разработка и реализация программы ресурсного обеспечения за счет внутренних источников и резервов.

Цели: Стабилизировать обеспечение потребностей промышленных комплексов в остродефицитных ресурсах за счет консолидации образующихся

свободных ресурсов, их рационально-сбалансированного перераспределения на хозяйственной основе. Стратегия и действия для достижения целей:

- Создать централизованный банк информационных данных о всех видах образующихся ресурсов (сырье, материально-технические средства, энергоносители, финансы, трудовые ресурсы и т.д.) на настоящий момент, на краткосрочную и среднесрочную перспективу.

- Разработать и реализовать механизм оперативного управления фондом свободных ресурсов.

- Подготовить и реализовать предложение о создании внебюджетного финансового фонда (банка) стабилизации промышленности на возвратной основе.

5. Разработка и реализация системы мер по использованию иностранного капитала для стабилизации работы промышленности.

Цели: Ускорить решение проблемы стабилизации работы промышленности за счет привлечения иностранного капитала.

Стратегия и действия для достижения целей:

- Создать центральный банк информационных данных по предлагаемым объектам для вложения капитала и банк предложений иностранных фирм и промышленно-финансовых групп.

- Организовать устойчивую схему обмена информацией и непосредственных контактов предприятий и инопартнеров.

- Подготовить и согласовать на правительственном уровне программу использования иностранного капитала для стабилизации промышленности, предусматривающую все формы участия: создание совместных предприятий и акционирование, передача в аренду, и концессию, продажа предприятий и залоговое право.

6. Разработка и реализация специальных программ по неотложным мерам вывода крупных предприятий и промышленных комплексов из предельно кризисных ситуаций.

Цели: Ввести из кризиса, стабилизировать работу и обеспечить перспективу экономического развития объектов жизненно важных для народного хозяйства республики. Стратегия и действия по достижению поставленных целей:

- Провести детальный анализ и оценку состояния крупных промышленных объектов, находящихся в предельно кризисной ситуации.

- Разработать программу выхода из кризиса и подготовить предложения по мерам государственной поддержки: льготные кредиты, пошлины и налоги, режимы благоприятствования в торговле, в обеспечении сырьем и материалами.

7. Разработка и реализация предложений по стимулированию роста объемов производства и выпуска остродефицитной для народного хозяйства продукции.

Цели: Ускорить стабилизацию работы промышленности, создать надежную перспективную базу для ее развития. Стратегия и действия по достижению поставленных целей:

- Подготовить предложения и утвердить на правительственном уровне сроком на 2 года номинальные по итогам работы 1998-99гг. объемы производства для предприятий и промышленных комплексов.

- Подготовить и утвердить на правительственном уровне реестр номенклатуры продукции особо важной для народного хозяйства республики.

- Разработать и утвердить на правительственном уровне систему стимулирования роста объемов производства и выпуска остродефицитной продукции включающей:

* освобождение от налога на прибыль объемов производства выше номинального;

* дифференцированное льготное налогообложение прибыли от выпуска особо важной продукции;

* выдача генеральной лицензии на экспорт объемов продукции, превышающей номинальный, с освобождением от экспортных пошлин.

8. Разработка и реализация программы ускоренной стабилизации приоритетного "ядра промышленности".

Цели: Ускоренно достигнуть эффективной стабилизации "ядра промышленности", "валютного локомотива" экономики республики. Стратегия и действия по достижению поставленных целей.

- Провести детальный анализ состояния и оценку перспектив предприятий базовых отраслей для определения "ядра промышленности".

- Разработать программу ускоренной, в течение 1-2 лет, стабилизации "ядра промышленности".

- Разработать и утвердить на правительственном уровне программу мер государственной поддержки программы, предусматривающей концентрацию ресурсных средств для ее реализации.

9. Разработка и реализация системы мер по оперативному регулированию, координации и управлению деятельностью промышленности.

Цели: Обеспечить правительство республики информацией о действительном состоянии промышленности в данный момент и на краткосрочную перспективу, иметь возможность оперативно регулировать процессы промышленного производства координировать взаимосвязи отраслей и промышленных комплексов, принимать рациональные решения по управлению промышленностью в целом. Стратегия и действия по достижению поставленных целей:

- Создать банк данных по информационно-аналитической статистике состояния производств, движения материальных потоков, баланса сырья, продукции и финансов, состояния экологии и т.п.

- Создать и реализовать систему оперативной координации деятельности всех структур промышленности.

- Создать и реализовать систему подготовки краткосрочного прогноза, систему анализа возможных сценариев состояния в промышленности.

- Создать и реализовать систему рекомендательных управленческих решений и анализа результата их выполнения.

IV. Разработка и реализация программы накопления потенциала для ускоренного развития промышленности в условиях "смешанной" экономики.

1. Совершенствование генеральной схемы государственного регулирования промышленностью и функционального механизма взаимодействия между органами государственного управления.

Цели: Базируя на опыте функционирования промышленности в индустриально развитых странах мира, в том числе и бывшем Союзе, создать генеральную схему управления (регулирования) деятельностью и развитием промышленности адекватную настоящей ситуации в республике, тенденциям ее изменения с учетом течения процессов в мировой экономике. Стратегия и действия по достижению поставленных целей:

- Разработать рациональную модель укрепления функционированием и развитием промышленности.

- Создать на базе модели механизм функционального взаимодействия между органами государственного управления: Министерством энергетики, индустрии и торговли, Министерством финансов, Государственным комитетом по имуществу, определив в нем Министерство энергетики, индустрии и торговли головным органом ответственным за проведение промышленной политики в республике, за результаты деятельности и развития промышленности. Разработать, утвердить на правительственном уровне и реализовать систему мер по совершенствованию механизма распределения произведенного продукта с поручением Министерству энергетики, индустрии и торговли:

* устанавливать объемы квот на всю экспортируемую продукцию и для внутреннего потребления;

* согласовывать номенклатуру, объемы и направления экспорта продукции.

- Разработать, утвердить на правительственном уровне и реализовать систему мер по совершенствованию кредитно-инвестиционной политики в промышленности, определив Министерству энергетики, индустрии и торговли функции "заказчика" на фонд преобразования экономики и фонд иностранных кредитов и инвестиций.

2. Разработать и реализовать концепцию создания наиболее эффективной системы государственного управления промышленностью в условиях "смешанной" экономики.

Цели: Создать эффективную систему государственного регулирования промышленными комплексами республики с учетом разнообразного организационно-структурного их строения, форм собственности и хозяйствования.

Стратегия и действия по достижению поставленных целей.

- Проанализировать мировой опыт государственного управления промышленными комплексами в условиях смешанной экономики и подготовить методологическую базу выбора.

- Выбрать рациональную структуру и механизм государственного управления промышленностью в условиях "смешанной" экономики.

- Подготовить и реализовать рекомендации по постепенной адаптации системы государственного управления промышленными комплексами к условиям "смешанной" экономики.

- Подготовить и реализовать для уже созданных акционерных и холдинговых компаний, акционированных предприятий систему мер по максимально эффективному использованию государственного капитала для решения стратегических задач развития экономики республики.

- Систематизировать информацию о предприятиях среднего и малого бизнеса, создать в рамках промышленности организационную структуру и механизм управления малым и средним бизнесом, обеспечить эффективный вклад его в экономику республики.

- Разработать и реализовать систему мер по государственной поддержке малого и среднего бизнеса.

3. Разработка и реализация программы инвестиционной политики в промышленности.

Цели: Обеспечить ускоренное и эффективное развитие промышленности за счет целенаправленного вложения инвестиционных средств в наиболее перспективные проекты.

Стратегия и действия по достижению поставленных целей.

- Разработать научно-обоснованную методологическую базу отбора инвестиционных проектов.

- Провести с использованием методологической базы анализ всех заявленных проектов и определить блок инвестиционных проектов.

- Для инвестиционных проектов, финансируемых из фонда преобразования экономики республики, главное направление вложений связывается с завершением пусковых объектов уже выполняемых проектов и с финансированием новых производств для выпуска особо важной для народного хозяйства продукции.

- Разработать и утвердить на правительственном уровне программу инвестиционных проектов, в том числе по приоритетному перечню, финансируемых за счет иностранных кредитов.

- Осуществлять в приоритетном порядке за счет использования иностранных кредитов инвестирование проектов, направленных на:

* кардинальную реконструкцию и модернизацию крупных промышленных комплексов;

* создание мощных источников дефицитного сырья и ресурсов;

* строительство новых предприятий по выпуску экспортной продукции;

* создание производств по выпуску наукоемкой, остродефицитной продукции;

* конверсию и диверсификацию производств.

- С целью кардинального повышения эффективности использования иностранных кредитов и инвестиций разработать и утвердить на межправительственном уровне концепцию создания специализированного инвестиционного банка реконструкции и развития промышленного комплекса с участием иностранного капитала.

- С целью кардинального повышения эффективности реализации инвестиционных проектов, финансируемых в национальной валюте Казахстана, разработать, утвердить на правительственном уровне и реализовать концепцию создания инвестиционного приватизационного фонда промышленности.

4. Разработка и реализация системы мер по эффективному использованию в интересах промышленности работ в сфере норм и законодательства, экспертиз и стандартизации, патентного дела.

Цели: Повысить эффективность процесса стабилизации и развития промышленности.

Стратегий и действия по достижению поставленных целей.

- Провести анализ, систематизацию и учет всей базовой информации по данным видам работ, создать соответствующие банки данных.

- Разработать положение о фонде интеллектуальной собственности промышленности.

Разработать и реализовать программу стандартизации и аттестации продукции промышленного производства, особенно новых видов. Организовать системную работу в сфере норм и законодательства.

V. *Разработка и реализация программы ускоренного и интенсивного развития промышленности.*

Цели: Используя стратегию ускоренного и интенсивного развития промышленности, основанную на том, что последовательное решение программных задач блоков I-IV позволит стабилизировать промышленность, добиться устойчивой ее работы, создать стартовый потенциал для технологического-экономического "прорыва". Стратегия и действия по достижению поставленных целей.

- Провести детальный анализ и оценку направлений рационального использования стартового потенциала включающего:

* стабильно работающее "ядро промышленности";

* усовершенствованную схему государственного регулирования и управления промышленными комплексами;

* инфраструктуру хозяйствования о устойчивыми элементами рынках;

* надежную интеграцию отраслей и многообразность взаимосвязей между ними;

* созданную кредитно-инвестиционную базу;

* систему норм и законотворчества;

* информационно-аналитическую статистику и т.д.

- Разработать структурную схему программы ускоренного и интенсивного развития промышленности в составе следующих блоков программ:

* государственные национальные программы;

* программы развития отраслей;

* специальные программы;

* целевые приоритетные программы развития промышленных комплексов.

- Разработать принципы функционального взаимодействия блоков на основе концентрации в блоке целевых приоритетных программ главных приоритетов всех других блоков.

- Обеспечить в соответствии с поставленными целями в установленные сроки реализацию уже разработанных программ:

1. Государственную национальную программу развития отраслей металлургического и химического комплекса Казахстана на период 1998-2003гг.

2. Государственную национальную программу создания импорте-замещающих производств.

3. Государственную национальную программу производства товаров народного потребления.

4. Программу развития машиностроения.

5. Государственную программу конверсии предприятий оборонного комплекса.

- Разработать и реализовать блок специальных программ:

1. Программу энерго и ресурсосбережения в промышленности. Программой предусмотреть широкомасштабное внедрение новых энергосберегающих и ресурсосберегающих технологий и оборудования, замену физически и морально изношенного оборудования, организацию выпуска приборов учета расходования энергии и материалов, систему действенного контроля.

2. Программу интеграции промышленности Казахстана в экономику стран СНГ и мировую экономику.

Конкретные действия в рамках программы будут сконцентрированы в направлении создания совместных производств, международных акционерных компаний и консорциумов, создания крупных

технологических корпораций последовательного типа, синдикатов развития, реализации совместных проектов с инвестированием проектов за счет консолидированных средств.

3. Программа подготовки высоко профессиональных кадров для промышленности.

Главными целями программы являются восполнение высокопрофессиональных кадров, уходящих из традиционных для республики производств, особенно из “ядра промышленности”, а также создание “класса новых профессий”, связанного с организацией в Казахстане абсолютно новых производств. Решение этой задачи во многом определит успех в реализации целей ускоренного и интенсивного развития промышленности.

4. Программа кардинального повышения производительности труда в промышленности.

Программа является одной из важнейших так как объективно определяет уровень истиной индустриализации республики. На основании детального анализа состояния данного вопроса в отраслях, промышленных комплексах и на отдельных предприятиях будет реализовываться комплекс разноплановых мероприятий по достижению поставленных целей.

- Разработать и реализовать целевые приоритетные программы развития промышленных комплексов.

1. Целевые приоритетные программы.

Принципиальная основа построения блока целевых приоритетных программ заключается в том, что выбор и реализация их с одной стороны направлены на решение задачи эффективного развития промышленности, а с другой обеспечивают достижение генеральных целей государственных национальных программ.

Разработанные и разрабатываемые целевые приоритетные программы развития промышленных комплексов направлены на решение следующих задач:

- коренное техническое перевооружение, кардинальную реконструкцию и модернизацию предприятий базовых отраслей промышленности;

- ускоренное техническое перевооружение машиностроения, создание и развитие базы современных производств по выпуску машин и оборудования для переработки сельхозпродукции;

- приоритетное развитие “ключевых” отраслей промышленности, обеспечивающих валютный потенциал республики;

- достижение сбалансированного соотношения между экспортом и импортом продукции;

- наращивание экспортного потенциала республики;

- создание и развитие производств по выпуску высококачественной продукции мирового уровня, обеспечения устойчивого экспорта ее и валютных поступлений;

- быстрое наращивание объема выпуска высококачественных товаров народного потребления, в то числе и технически сложных их видов;

- создание производств по выпуску импортозамещающей продукции ;

- создание и развитие производств по выпуску особо важной для народного хозяйства республики продукции, определяющей эффективность работы ее базовых отраслей;

- проведение эффективной рационально сбалансированной конверсии предприятий оборонной промышленности;

- реализация во всей сфере материального производства экономически сбалансированной тенденции максимального повышения товарности продукции;

- комплексная и глубокая переработка рудного и минерального сырья на базе прогрессивных экологически чистых и безотходных технологий и оборудования;

- создание условий для эффективного развития сырьевой базы промышленных комплексов;

- вовлечение в масштабную переработку отходов промышленного производства с максимальной утилизацией;

- экстренное и радикальное улучшение обстановки в районах экологического бедствия;

- развитие и укрепление сферы малого и среднего бизнеса;

- создание фонда редких и редкоземельных металлов, алмазов, драгоценных камней и благородных металлов;

- коренное улучшение социально-экономического развития регионов, повышения занятости населения и обеспечения социальных гарантий.

Для успешной реализации целевых приоритетных программ необходимо создать действенную систему мер государственной поддержки: - обеспечить и развивать нормативно-правовую базу;

- максимально эффективно целенаправленно использовать республиканский фонд преобразования экономики, иностранные кредитные и инвестиционные средства;

- обеспечить условия льготного кредитования и налогообложения;

- обеспечить режим благоприятствования во внешнеэкономической деятельности, в том числе установлении квот и выдачи генеральных лицензий.

Анализ представленной тактики развития промышленной политики Республики Казахстан на среднесрочные перспективы показывает, что в случае ее реализации в полном объеме в установленные сроки, достигаются генеральные цели политики: создать высокоиндустриализованную, рентабельную промышленность республики, способствующую экономического суверенитета Казахстана.

ИНДИКАТОРЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ФЕНОМЕН КОРРУПЦИИ

Исмагамбетов Т. Т.

При всей кажущейся однопорядковости понятий коррупция и взяточничество было бы неверным непомерно сблизить и отождествлять эти явления. Взятничество и злоупотребление служебным положением не всегда сводимы к коррупции. Злоупотребление служебным положением может не подпадать под определение коррупции, данное Законом, если, например, должностное лицо использовало свое положение, отдав соответствующее распоряжение за государственный счет отремонтировать свою личную квартиру. Взятка остается взяткой, если вручена инспектору ГАИ во избежание уплаты штрафа за нарушение какого-либо несущественного правила. Взятка и злоупотребление служебным положением имеют признаки коррупции, если втянуты лицо, находящееся на государственной службе, использование государственных средств и предоставление имущественных благ и преимуществ каким-либо физическим и юридическим лицам. Определение коррупции данное в Закона "О борьбе с коррупцией" поясняет: "Под коррупцией в настоящем Законе понимается не предусмотренное законом принятие лично или через посредников имущественных благ и преимуществ лицами, выполняющим государственные функции, а также лицами, приравненным к ним, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей, а равно и подкуп данных лиц путем предоставления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ"¹. Общая закономерность состоит в том, что укоренившаяся коррупция есть неременный спутник тех обществ, где гражданственность уступает силе вертикального обмена информацией, ресурсами, взаимными обязательствами.

Непомерно высокое влияние и разветвленность госаппарата в советскую эпоху изменило ситуацию вхождения в рынок постсоветских стран. Уже в 1994 г, сложилась ситуация, когда по экспертным оценкам, в Казахстане "на взятки уходит 33% от общей суммы выручки"². Эта особенность привела к угрозе возникновения структуры доходов, аналогичная присвоению чиновничеством некоторых арабских стран до 40% национального дохода. Побочным итогом может стать появление мощного слоя бюрократической буржуазии, заинтересованной навечно закрепить свою функцию обогащения за счет функций, выполняемых государством. По опыту многих стран Африки, Азии, Латинской Америки, а также государств

стабильных демократий известно, что коррупция оказывает разлагающее влияние на все стороны политической, экономической, социальной жизни.

Известная поговорка о том, что «каждый народ заслуживает то правительство которое имеет» подразумевает также отношение гражданам к происходящим в обществе процессам. Феномен гражданственности сложен для выражения в терминах наблюдаемых и доступных для изучения понятий. Двадцатилетнее исследование американского политолога Роберта Патнэма позволило докопаться до основы основ - субстрата гражданственности. Сравнение патерналистского, коррумпированного, мафиозного Юга Италии с более благополучным, с развитыми институтами гражданского общества Севером этой страны принесло этому автору мировую известность, обогатив политическую науку рядом выводов. В качестве индикаторов гражданственности, были выбраны голосование на выборах, участие в референдумах, чтение газет, участие и распространенность общественных ассоциаций. Участие в местной, региональной и национальной политике в регионах Севера Италии предполагает интерес граждан, их высокую явку на референдумы, склонность выражать при голосовании свою позицию, а не волю патрона. В этих же регионах наиболее широкая сеть гражданских ассоциаций и высокий процент читателей газет. Жители менее «гражданственных» регионов Юга Италии «ощущают себя эксплуатируемыми, отчужденными, безвластными... В менее гражданственных сообществах... люди недоверчивы, а изобретенные властью законы постоянно нарушаются»³.

Согласно новейшим исследованиям итальянского социолога А. Баньяско, обобщенным в книге «Италия во времена политической перемен» (Болонья, 1996 г.), клановость и семейноцентризм на Юге не оказывают непреодолимым препятствием на пути формирования современных институтов гражданского общества. Оптимистичное утверждение итальянского исследователя основывается на том, что, во-первых, по данным другого социолога С. Тригилия, в некоторых сферах, например, в процессе создания добровольных объединений культурного характера, динамика развития гражданского общества на Юге даже опережает Север; во-вторых, предполагается, что тенденцию к созданию ассоциаций, более широких, чем традиционная клиентелла, тормозило, в первую очередь, существовавшее вплоть до начала 90-х гг. нашего века сращение структур ведущей партии - христианских демократов с клиентеллярно-мафиозными структурами Юга. Не случайно оживление некоторых секторов гражданского общества совпало с самыми крупными успехами в борьбе с мафией, и в частности впервые произошел прорыв *omerta*, закона круговой поруки⁴.

Опыт Италии показателен политическими моментами, связанными с феноменом коррупции. Как правило, в казахстанской литературе говорится об экономических аспектах коррупции, оставляя в стороне политический. Однако, зарубежные специалисты, изучая коррупцию, относят к ней и покупку голосов избирателей во время выборов, сферы которой пока не коснулась казахстанская коррупция. Избиратель обладает по Конституции ресурсом, который называется «властные полномочия». Эти полномочия он делегирует избираемым лицам посредством специфического вида решения — голосования. Избиратель должен принимать это решение исходя из соображений передачи своих полномочий тому, кто, по его мнению, может представлять его интересы, что является общественно признанной нормой. В случае покупки голосов избиратель и кандидат вступают в сделку, в результате которой избиратель, нарушая упомянутую норму получает деньги или иные блага, а кандидат, нарушая избирательное законодательство надеется обрести властный ресурс. Понятно, что это не единственный тип коррупционных действий в политике. Однако, именно в этом волеизъявлении проявляется отсутствие гражданственности и менее гражданственные регионы многих стран наиболее подвержены коррупции вообще и такому роду коррупции в частности.

Казахстан имеет шанс обогатиться опытом внимательного отношения к основам гражданской активности — индикаторам гражданственности найти сочетание применения власти государства и силы общественного мнения в изживании многообразного феномена коррупции.

Четыре индикатора гражданственности, упомянутые Патнэмом применительно к политической жизни итальянских регионов вполне могут применимы в качестве достаточного доказательства гражданского участия, которое как видим, на опыте судебных процессов последних лет, способно сузить влияние даже столь грозной итальянской мафии.

Первый индикатор - это распространение ассоциаций (общественных объединений), имея в виду не только партии, профсоюзы, культурные объединения, экономические кружки, спортивные клубы и т.п. Ослабление политических партий после 1995 г., паралич деятельности Народного конгресса, Социалистической партии, Республиканской партии, с этой точки зрения есть снижение этого индикатора. В последние годы количество общественных объединений прекратило свой бурный рост. Если, по неполным данным, с 1991 по 1995 г. органы юстиции зарегистрировали около 4 тысяч общественных объединений, то на октябрь 1997 г. было зарегистрировано 4,1 тысяч этих объединений, в том числе 606 республиканских и региональных. Из общего количества общественных объединений лишь 28% прошло перерегистрацию⁵.

Второй - чтение газет, то есть налаженность горизонтального канала распространения информации. Впрочем, оба эти индикатора в казахстанских условиях нуждаются в столь существенных коррективах, что их определяющая роль в определении гражданственности почти исчезает. Если до 1991 г. практически каждая семья выписывала по несколько газет, то теперь не все могут позволить потреблять такое количество печатной продукции. Изменился и диапазон содержательности изданий: от развлекательных до серьезных, критических, немыслимых в эпоху идеологического и политического диктата одной партии и власти.

Третий и четвертый индикаторы гражданственности - это показатели политического участия, активность голосования в ходе выборов и референдумов.

Такие показатели гражданственности как участие в выборах и референдумах выражены в данных электоральной статистики. В референдуме 29 апреля 1995 г. участвовало 91,3% избирателей, в референдуме 30 августа того же года 90,58%. В данном тематическом контексте важны не итоги голосования "за" и "против", а факт и мотивы голосования. Выборы отличались меньшим участием граждан, имеющих избирательное право:

1 декабря 1995 г. в выборах первого Президента Казахстана приняло участие 88,23% электората;

7 марта 1994 г. в голосовании за кандидатов в депутаты Верховного Совета XIII созыва и депутатов маслихатов - 73,52%;

9 декабря 1995 г. на выборах Мажилиса воспользовались правом голосовать 79,84%;

23 декабря того же года на втором туре выборов депутатов Мажилиса участвовало 64,69% избирателей⁶.

Более высокий процент голосовавших на референдумах по сравнению с выборами в Мажилис следует объяснить и более результативной агитационной кампанией, большей заинтересованностью властных структур, на которые была возложена организация и проведение выборов.

Результаты социологического опроса алматинцев, проведенного Информационно-аналитическим центром Верховного Совета после выборов 7 марта 1994 г. показывают интересные закономерности выбора избирателей в пользу того или иного кандидата: "Только пятая часть алматинцев (20,8%) знала тех, кто зарегистрирован в их избирательных округах, 23,3% знали о них приблизительно, 44,6% вообще ничего не знало о кандидатах... Сделали свой выбор заранее 29,4% опрошенных горожан, более трети респондентов (35,8%) определились на избирательном участке. На вопрос о том, что повлияло на Ваш выбор, если Вы не знали своих кандидатов заранее, были получены следующие результаты: род занятий кандидата оказался решающим для 16,4% опрошенных, профессия - для 15,9%,

сведения о выдвижении кандидата - для 9,6%, принадлежность к партии, движению, союзу - для 7,15%. Необходимо отметить, что 15,1% от пришедших на выборы респондентов голосовали за кандидата своей национальности (так проголосовали 17,3% казахов, 18,5% русских), причем 41,6% из них сделали свой выбор заранее, а 55,9% определились на избирательном участке"⁷.

Если учесть, что обращалось внимание при выборе в первую очередь, на их компетентность - 15% опрошенных, независимость позиций - 13,7%, моральные качества (неподкупность, верность слову и т. д.) - 12,7%, привлекательность предвыборной программы - 8,6%, культуру общения, образованность, интеллигентность - 7,6%, патриотизм - 7,2%, принадлежность к определенной общественно-политической организации - повлияла на предпочтение лишь 6,3% избирателей. Таким образом, волеизъявление только пятой части столичного электората было основано ссылкой на знание кандидатов, их биографий и программ, частично - 23,3%. Эта осведомленность коррелирует с заранее сделанным выбором 29,4% респондентов (к уже упомянутой пятой части добавилась почти треть от избирателей, оценивших свое знание кандидатов как частичное. Одновременно налицо то, что основным мотивом при выборе кандидата не была принадлежность к какой-либо политической организации. Высокая доля избирателей, определивших выбор только на избирательном участке требует уточнения: если таковых в общем среди респондентов было 35,8%, что коррелирует с 44,6% ничего не знавших о кандидатах от своего избирательного округа, то из голосовавших за кандидата своей национальности "неосведомленных" было 55,9%. С другой стороны, обращает внимание то, что влияние партийности кандидата, указанной в бюллетени, на выбор избирателей, неосведомленных о кандидатах, несколько не меньше, даже несколько выше значимости для респондентов факта принадлежности кандидата к той или иной общественно-политической организации (соответственно, 7,1% и 6,3%). На наш взгляд, можно сделать вывод, что предвыборная кампания начала 1994 г. оставила электорат в неведении о кандидатах в Верховный Совет. С другой стороны, дефицит индикатора гражданственности ощутим и в показателе участия в политических партиях, голосования за них. Во многом аналогичная ситуация сложилась в декабре 1995 г. При всем сомнении ряда оппозиционных и правозащитных организациях в показателях электоральной статистики следует отметить довольно высокую точность социологических замеров электорального поведения.

Факт незнакомства большинства избирателей с кандидатами и их программами сам по себе показателен. По данным соцопроса "Казахстанской правды" за три дня до выборов Мажилиса 73% избирателей - алматинцев не знали фамилий кандидатов⁸.

Таким образом, налицо невысокие данные индикаторов гражданственности. Основная причина состоит в том, что в Казахстане исторически не сложилось доминирование горизонтальных связей взаимности и кооперации граждан над вертикальными связями авторитета и подчиненности типа "патрон-клиент". Господствующими и прибыльными остаются отношения патрона и клиента. Этот характер отношений наблюдался и не изжит в процессе получения лицензий, в предоставлении налоговых и иных льгот, получении кредитов, продвижении по служебной иерархии. В конечном счете, феномену коррупции способствует отсутствие должной ответственности чиновника перед гражданином-налогоплательщиком с одной стороны, и наличие обязательств перед своим патроном и ниже стоящим клиентом, с другой стороны. Подобная слабость взаимных гражданских связей усиливает феномен множества ситуаций, когда индивид имеет соблазн злоупотребления служебным положением.

Социальное доверие, взаимность и кооперация усилий, лежащие в основе крепких социальных связей гражданского общества нельзя переводить в плоскость рассуждений о морали. "Польза, успех, эффективность - таковы основные понятия, задающие сетку практического мышления... По логике же прагматического мышления вовсе не обязательно стремиться к независимости ради нее самой" (имеется в виду личная независимость - прим. Т. Исмагамбетова.), часто "более выгодно принять противоположную позицию ..., приспособив себя под них"⁹.

Соответственно, горизонтальные связи спланируют на основе совместного участия в каких-либо общественных ассоциациях, совместный интерес цементирует их, а моральные санкции за отход от сотрудничества укрепляют гражданскую вовлеченность. Вертикальные узы скреплены материальным интересом, часто неотрывны от родства и личной дружбы. Пожалуй, самые важные аспекты этой темы, исследованной Патнэмом - исторические и культурные традиции страны, общественная мораль и нравственные нормы.

Применительно к теме коррупции можно отметить, что существенное различие России и Казахстана от Запада не в том, что здесь распространено взяточничество, а там нет, а в отношении к закону и в реакции общества на коррупцию. В этом, пожалуй, мы ближе к менее гражданственным регионам Италии.

Общий подход состоит в том, что борьба с коррупцией не сводится к борьбе с ее проявлениями. Такая борьба всегда "разомкнута" и тесно связана с невыполнимым стремлением урегулировать все стороны жизни общества и государства.

На наш взгляд, ценность внимания к индикаторам находится в том, что власть должна серьезно озаботиться состоянием гражданского общества, ибо оно является одним из главных препятствий для

экспансии коррупции. В частности, реализуя программу борьбы с коррупцией, власть должна озаботиться эффективным привлечением к этому широких общественных кругов, в первую очередь - предпринимательских. Имеются в виду представители "второго эшелона" бизнеса, не допущенного (а часто и не рвущегося — из страха или безразличности) к бюджетной кормушке и потому прежде всего заинтересованного в нормальных правилах экономической игры. Предприниматели, вставшие на ноги в условиях реальной конкуренции, не заинтересованы в сращивании власти и бизнеса, являющемся питательной средой коррупции.

Средства массовой информации, поскольку они считают себя выразителями интересов гражданского общества, также должны подключиться к такой программе.

Внимание к индикаторам гражданственности означает преодоление наследия тоталитарного периода. Этот процесс включает прежде всего:

1. Отход от закрытости и неподконтрольности власти, особенно на региональном уровне.

2. Ориентированность правоохранительных органов и их представителей на защиту прав и интересов граждан, в том числе частных собственников, еще не стала центральной задачей. В противном случае, предприниматели, не находя защиты в сфере права, опять будут искать ее в сфере купли-продажи незаконных услуг чиновников.

3. Отказ от традиции подчинения чиновников не закону, а инструкции и начальнику. Иначе попытки правового регулирования вязнут в старой бюрократической системе, продолжающей работать по своим собственным законам, установленным несколько столетий тому назад. Следовательно, любая антикоррупционная программа должна быть сопряжена с коренным реформированием системы государственной службы.

Проблема таким образом не сводима к застарелой теме неразвитости правового сознания населения и кадровым перестановкам чиновников. Помимо слабого исполнения законов и иных норм, помимо отсутствия культуры и традиции использования права гражданами, проявляются и другие эффекты: в частности, пониженный правовой иммунитет и отсутствие должных гражданских традиций приводит к тому, что практически отсутствует массовое сопротивление "низовой" коррупции.

То есть надо возвращать гражданственность. Фактически имеется в виду ослабление влияния коррупции на деятельность госорганов следующими мерами:

• стимулирование деятельности общественных организаций, отслеживающих случаи, практику и методологию коррупции и распространяющих полученную ими информацию;

• разработка, постоянное применение и использование в средствах массовой информации индексов уровня коррумпированности, позволяющих сравнивать между собой регионы, отрасли, крупные предприятия, решения ветвей власти и деятельность конкретных их представителей;

• создание системы “локальной гласности” (“формирования населения о действиях наиболее выдающихся представителей низовой коррупции (главным образом — силами общественных организаций);

• постоянное информирование общества о ходе реализации антикоррупционной программы (выпуск бюллетеней, информационных материалов и т.п.).

Сущностью антикоррупционной политики должна быть меры, направленные на решение следующих задач:

- организация борьбы с коррупцией на всех “уровнях;
- сужение поля условий, и обстоятельств, благоприятствующих коррупции;
- уменьшение выгод для обеих сторон, участвующих в коррупционной сделке, от заключения последней;
- увеличение вероятности выявления коррупционных действий и наказания за причиненный ими вред;
- влияние на мотивы коррупционного поведения;
- создание атмосферы общественного неприятия коррупции во всех ее проявлениях.

Связь между коррупцией и порождающими ее проблемами двухсторонняя. С одной стороны, эти проблемы усугубляют коррупцию, а их решение может способствовать уменьшению коррумпированности. С другой стороны, масштабная коррупция консервирует и обостряет проблемы переходного периода, мешает их решению. Отсюда следует, что, во-первых, уменьшить и ограничить коррупцию можно, только одновременно решая проблемы, ее порождающие, и, во-вторых, решению этих проблем будет способствовать противодействие коррупции со всей решительностью и по всем направлениям.

В экономической сфере последние годы происходили бурные изменения, появлялись новые непривычные сферы и формы активности, к чему труднее всего приспосабливались властные институты, и к чему не всегда своевременно успевало адаптироваться слабое общественное сознание. Именно здесь более всего ощущался рост коррупции. Ниже приводится далеко не полный перечень основных сфер государственного присутствия в экономике, изобилующих коррупцией:

1. Приватизация государственной собственности;
2. Распределение бюджетных средств;
3. Предоставление эксклюзивных прав (льгот, в том числе — по экспорту и импорту, налогам, лицензирование и т.п.);

4. Банковская сфера (получение льготных кредитов, других уточненных форм “благодарности”);

5. Правоохранительные органы и экономическая преступность.

Как известно, существуют общие, институциональные и прямые меры борьбы с коррупцией. Сами по себе прямые меры могут превратиться в очередную кампанию, проводимую под лозунгом борьбы с лицами, уличенными в злоупотребления служебным положением и коррупции. Однако, борьба с коррупцией шире, чем борьба со взяточничеством и злоупотреблениями служебным положением. Общие меры включают в первую очередь сферу законодательства, формирование отношение общественности к коррупции. Следует заметить, что в первые годы независимости были в большей мере заполнены спорами о преимуществах и недостатках капитализма и социализма, демократии и власти Советов, чем практическими вопросами администрирования, финансов, эффективности коммуникаций, проблем образования.

Практически без внимания остаются отношения политических институтов и индикаторов гражданственности, того что классик политической науки А. Токвиль в книге “Демократия в Америке” назвал “нравами” общества, воплощающимися в деятельности гражданских ассоциаций. Основной упор делается на совершенствовании законодательства, но опять-таки без участия заинтересованных субъектов и без открытого состязания интересов на уровне предпринимательских ассоциаций, профсоюзов, властных структур, местной общественности законы обречены быть несовершенными и подверженными новым дополнениям и изменениям.

Специфика Казахстана состоит в том, что основным источником и инициатором преобразований является государственная власть. В подобных обстоятельствах происходит самоограничение негосударственных институтов, вынужденных приспособляться к доминирующей роли государственной власти. Поэтому остается актуальным нахождение форм, механизмов выявления и трансляции общественных интересов на высший государственный уровень.

Проблема дополнения и корректировки инициатив “сверху” движением “снизу”, в конечном счете, есть одна из сторон вопроса о перспективах гражданского общества в Казахстане. “Там, где эта идея имеет референтом сложившиеся сообщества (Запад), там соответствующие понятия и идеи проверяются на низшем или среднем (меза-) уровне...”. Для уточнения этого вопроса, на наш взгляд, следует согласиться с определением необходимых признаков: артикуляции “уровней” с их автономной логикой; индивид в качестве базовой ячейки; способность к историческому преобразованию¹⁰.

Как справедливо замечает известный казахстанский правовед А. Матюхин: “Государство... - наиболее оформленный, консервативный элемент, а гражданское общество - более изменчиво, динамично, текуче, чутко реагирует на социальные движения и процессы”. Заслуживает внимания отмеченная им особенность, которую можно отнести не только к особенностям законотворчества в Казахстане: “Если в развитых западных демократиях закон появляется в результате сложных взаимодействий государства и политических институтов, с широким участием граждан, то Казахстану присущ легизм, или автолегитимность государства. Практически каждый акт легитимен уже потому, что сам факт его появления состоялся, то есть закон прошел процедуру согласования. Данное положение обусловлено для Казахстана неразвитостью политических институтов, а также исторически традиционной нормированностью социальной стратификации. Почти нет примеров оспаривания правового характера издаваемых законов, с апелляцией к требованиям “Социальной справедливости”¹¹.

Разновидность президентской республики в Казахстане обусловлена продолжающимся переходным периодом в истории государства, и соответствует президенталистскому режиму по типологии политических режимов, данной французским политологом Жан-Люком Шабо. По сравнению со структурой президентского режима, президентализм выражается в большем усилении полномочий президента. Центральной структурой президентализма являются не столько конституционные формы, а общий для таких режимов феномен политического лидерства.

В обозримый период по-прежнему будут востребованы лидерские черты в политическом поведении Н.А.Назарбаева:

- способность объединять общество, находя необходимый консенсус, интегрировать полиэтничное общество в гражданскую общность казахстанцев;

- в силу политических традиций и положений Конституции на него возлагается ответственность за нахождение и принятие оптимальных политических решений;

- выдвижение новых идей, предложений, генерирование оптимизма и социальной энергии, мобилизация имеющихся ресурсов на реализацию политических целей, вселение в массы веры в новые ценности рынка;

- упрочение каналов политической и эмоциональной коммуникации власти и масс через СМИ, встречи с представителями СМИ и избирателями и предотвращение, таким образом, отчуждения граждан от политического руководства.

Как показывает опыт развитых стран, эффективность системы зиждется на высокой политической культуре, чувстве государственной ответственности истеблишмента, умении формировать сильные команды и строгие правила политической игры. В Казахстане комплекс этих признаков в полной мере еще не сформировался.

По уровню распространенности различается верхушечная и низовая коррупция. Первая охватывает политиков, высшее и среднее чиновничество и сопряжена с принятием решений, имеющих высокую цену (формулы законов, госзаказы, изменение форм собственности и т.п.). Вторая распространена на среднем и низшем уровнях и связана с постоянным, рутинным взаимодействием чиновников и граждан (штрафы, регистрации и т.п.). Наиболее распространенный во всем мире источник верхушечной коррупции — государственные заказы и закупки.

В казахстанских условиях основные надежды возлагаются на президентскую власть, которая способна наносить ощутимые удары по верхушечной коррупции. Сложнее дело обстоит с преодолением низовой коррупции.

По подсчетам экспертов российской общественной организации “Технологии — XXI век”, мелкие предприниматели тратят в этой стране на взятки чиновникам минимум 500 миллионов долларов в месяц! В год это оборачивается по России суммой в 6 миллиардов долларов. (Следует добавить, что приведенные расчеты не включают платежи мелких предпринимателей “крышам”.) Предварительный анализ российских экспертов показывает, что 10% всего дохода в мелком и среднем бизнесе тратится на коррупционные сделки. При этом на начальном этапе (регистрация предприятия и т.п.) расходы существенно выше. “Вход в бизнес” требует разрешений примерно множества чиновников. Эти потери напрямую перекладываются на рядовых покупателей и клиентов мелкого бизнеса, поскольку потраченные на взятки деньги закладываются в цену товаров и услуг.

По словам казахстанского вице-министра финансов Ж. Ертлесовой, помимо 42%-ного налогообложения товарной стоимости продукции нормально работающего предприятия, юридическим лицам приходится платить почти половину этой суммы в виде взяток. Наряду с этим, предприятия вынуждены оплачивать платные услуги госорганов: лицензирование, сертифицирование продукции и т.п.¹². Негативно влияют сборы во внебюджетные фонды, что требует учета внебюджетных отчислений, регулирования их в рамках Налогового кодекса. Проблема осложняется расхождением налогового и бухгалтерского учета.

Добавим к этому слабо изученную и практически не контролируемую у нас коррупцию внутри предприятий и негосударственных организаций (пример — предоставление коммерческими банками кредитов за взятки), которая также снижает эффективность экономики.

В процессе преобразований обновление фундаментальных основ экономики и экономической практики существенно обгоняет их законодательное обеспечение. Незрелость законодательства проявляется в невысоком качестве законов, в несовершенстве всей правовой системы, в нечеткости законотворческих процедур. Здесь различные виды коррупции порождаются:

- противоречивостью законодательства и даже отдельных законов, что позволяет чиновникам создавать себе идеальные условия для вымогательства. Кстати, не избежал этой противоречивости с Гражданским кодексом недавно принятый Закон “О нормативно-правовых актах”¹³;

- несовершенство законов, изобилующих двусмысленностями, пробелами, многочисленными отсылочными нормами. В результате довершение законодательного регулирования перекладывается на подзаконные акты органов исполнительной власти, подготовка которых практически неподконтрольна. Тем самым создаются условия для появления нечетких, допускающих произвол в интерпретации инструкций;

- общее пренебрежение к процедурной строгости подготовки нормативных и иных регулирующих и распорядительных актов (законов, президентских указов, постановлений Правительства и т.п.).

Проблемой постсоветских стран является унаследования от тоталитаризма громоздкость бюрократического государственного аппарата. Не чувствуя со стороны государства защиты и неукоснительного соблюдения прав рыночной игры от государства, предприниматель ищет ее у конкретных чиновников, таким образом устанавливаются связи, легко превращающиеся в коррупционные.

Отсутствие гражданского общества не способствует решению проблемы коррупции, поскольку государство в состоянии решать такого рода проблемы только в кооперации с институтами гражданского общества. Спад социально-экономического положения граждан, нередко сопровождающий начальные стадии модернизации, вызываемое этим разочарование, приходящее на смену прежним надеждам, — все это способствует отчуждению общества от власти, изоляции последней. Между тем ни низовая, ни верхушечная коррупция не могут быть преодолены без усилий общественных организаций.

Неукорененность демократических политических традиций в Казахстане также есть фактор усиления коррупции. Этому способствует несформированность политической культуры, незрелость партийной системы, когда партии не в состоянии брать на себя ответственность за подготовку и продвижение своих кадров, попутного “отстрела” претендентов, замешанных в злоупотреблении и коррупции.

Тем самым не воздвигается барьер на пути коррупции путем деятельности этого важнейшего института гражданского общества, поскольку реальная политическая конкуренция служит противовесом и ограничителем для коррупции в политической сфере, с одной стороны, и для политического экстремизма — с другой. В результате снижаются шансы политической нестабильности. И, наоборот, межпартийная политическая конкуренция в борьбе за электорат позволила постепенно снизить коррумпированность выборов в Англии в середине XIX в, а в дальнейшем привела к переходу на тайное голосование в ходе парламентских и муниципальных выборах с 1872 г.

Другое обстоятельство, не способствующее ослаблению коррупции - это слияние власти и экономики, оставленное в наследство тоталитарным режимом с централизованной системой управления экономикой. Разделение полномочий между ветвями власти – предмет конституционных установлений, чему в период 1991-1995 г. уделялось основное внимание. Ныне же борьба с коррупцией ставит во главу угла разделение труда между государственными институтами, призванными создавать условия для нормального функционирования экономики, и свободными агентами рынка. Эта задача не ограничивается сферой принятия законодательных актов, а зависит от окружающего социокультурного контекста, включающего себя культуру гражданственности. Несформированность последней приводит к тому, что административные органы продолжают, особенно на региональном уровне, играть на экономическом поле по тем правилам, которые устанавливают сами для себя. Возможностей достаточно, в том числе путем подзаконных актов изменяя норму закона, оставляя лазейки для злоупотреблений. Такая ситуация неизбежно порождает коррупцию.

Ситуация, однако, не является безнадежной. Политические институты способны активизировать, либо, наоборот, тормозить тенденции, вызревающие в обществе. Влиятельность итальянской мафии сузилась в начале 70-х гг. нашего столетия, когда выросла роль местного самоуправления и, и люди, делавшие политику приблизились к нуждам и интересам граждан на местном и региональном уровне. Впрочем, специфика Казахстана не позволяет механически переносить опыт других стран на отечественную почву.

¹³ Закон “О борьбе с коррупцией” // Юридическая газета. №28. 15 июля 1998 г. С.3.

² Лисова Н., Суиндыков Ж. Преступления, разрушающие экономику // Мысль. 1995. №12. С. 63.

³ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. С. 122, 137-139.

⁴ Левин И.Б. “Уроки итальянского” для России// МЭ и МО. 1997. №9. С. 123.

⁵ Еремин А. Слышен ли голос партий? // Мысль. 1995. №12. С. 31; Амрекулов Н.А. Пути к устойчивому развитию или размышления о главном. Алматы, 1998. С. 272.

⁶ Сообщения Центральной избирательной комиссии, опубликованные в “Казахстанской правде” и “Вестях Казахстана” за 1991, 1994, 1995.

ТАЛИБЫ, АФГАНИСТАН И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Касенов У. Т.

1. АФГАНИСТАН: ВНУТРЕННЯЯ СИТУАЦИЯ

Что изменилось в Афганистане после вывода советских войск? После вывода советских войск из Афганистана в феврале 1989 года в движении моджахедов произошли важные изменения. Во-первых, они потеряли объединявшего их общего врага. Во-вторых, в борьбе против него разные фракции моджахедов настолько окрепли в военном отношении, что стали соперничать друг с другом в борьбе за власть в Кабуле. Дух джихада перестал быть их цементирующей силой. Племенные интересы стали выше общеафганских.

Важнейшее последствие вывода советских войск из Афганистана в феврале 1989 года - обострение внутренней борьбы за власть между различными группировками, сложившимися на этнической основе, и прежде всего между пуштунами и национальными меньшинствами.

С начала XIX века доминирующую роль в государственной жизни Афганистана играли пуштуны, наиболее многочисленными и влиятельными племенными объединениями которых являются дуррани и гильзай. С момента создания пуштунскими племенами афганского государства его эмирами и королями были представители пуштунов за исключением Бачао Сакао ("Сын водоноса"), свергнувшего в 1929 году Аманулли-хана и ставшего падишахом под именем Хабибуллы и профессора теологии таджика Бурхануддина Раббани, ставшего президентом Афганистана в 1992 году.

После апрельской (саурской) революции 1978 года роль пуштунских племен в стране стала падать. Это стало результатом не только этнодемографических процессов, но и больших потерь в ходе сражений с вторгшимися в страну советскими войсками, междоусобной войны в стране, миграции около 3 миллионов афганцев, в основном пуштунов, в Пакистан и другие страны.

Засилье пуштунов в высших эшелонах власти, пуштунская колонизация афганского Туркестана, подавление хазарейского восстания, насильственное обращение кафирских племен в ислам вызывало антипуштунские настроения среди национальных меньшинств Афганистана и толкало их на путь сепаратизма и восстаний.

Окончание "холодной войны" и военно-политической конфронтации между СССР и США во многих регионах мира, в том числе и в Афганистане, кардинально изменило геополитическую роль

⁷ Аренов М., Гмыря С., Сартаев Р. Прогнозные оценки качественного состава нижней Палаты Парламента Республики Казахстан // Панорама. № 37. 23 сентября 1995. С. 7.

⁸ Их даже не знали в лицо // Казахстанская правда. 7 декабря 1995. С. 1.

⁹ Апресян В.Г. Добро и польза // Этический сборник: научно-публицистические чтения, 1991/ Общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 1992. С. 15, 25.

¹⁰ Чешков М.А. Возможности и пределы понятия "гражданское общество" применительно к развивающему миру // МЭиМО. 1996. №6. С. 77, 81.

¹¹ Матюхин А. Гражданское общество в Казахстане. Мысль. 1993. №12. С. 9, 11.

¹² Позиция министерства состоит в том, чтобы не менять принципиально систему налогообложения и не пересматривать ставки налогов // Панорама. 10 июля 1998. С.2.

¹³ Сулейменов М., Басин Ю., Покровский Б. Очередной удар по Гражданскому кодексу...// Казахстанская правда. 2 июля 1998. С. 6.

последнего. Распад СССР и появление на северных границах Афганистана новых независимых государств Центральной Азии также этому способствовало.

Американский исследователь Б.Рубин охарактеризовал произошедшие для Афганистана изменения следующим образом: "Теперь уже ни одна великая держава не поддерживала оружием и деньгами власть пуштунской династии в Афганистане, который перестал быть буферным государством между соперничающими империями и альянсами"¹.

После вывода советских войск и прекращения массированной помощи режиму Наджибуллы путь социалистической ориентации Афганистана не мог не прерваться. 15 мая 1992 года Президент Наджибулла вынужден был уйти в отставку и скрыться от преследований моджахедов в миссии ООН в Кабуле, правящая партия - НДПА - развалилась на "халькистов", перешедших на сторону Г.Хекматъяра и "парчамистов" разделившихся на сторонников Раббани и Дустума. Демократическая Республика Афганистан перестала существовать. Вместо него было провозглашено Исламское государство Афганистан.

В стране развернулась беспощадная вооруженная борьба за власть между различными политическими партиями и движениями, ранее входившими в так называемую "пешаварскую семерку", единым фронтом борющихся с советскими оккупантами.

Прежде всего между Исламской партией Афганистана (ИПА) во главе с Г.Хекматъяром и Исламским обществом Афганистана (ИОА), возглавляемом профессором теологии Б.Раббани. Обе партии выражают идеи исламского фундаментализма, но в отличие от экстремистской ИПА ее соперник ИОА занимает более умеренные традиционалистские позиции. Но вовсе не различия в религиозных взглядах привели к их взаимной конфронтации в борьбе за власть. Основной состав партии Г.Хекматъяра - пуштуны, а Б.Раббани - таджики. Борьба приобрела межэтнический характер.

Среди других группировок, принимающих участие в борьбе за власть в Афганистане, хотя и менее активное - Исламский союз освобождения Афганистана под руководством А.Р.Сайяфа, Исламская партия Афганистана во главе с Ю.Халесом, Национальный исламский фронт С.А.Гилани, Национальный исламский фронт спасения Афганистана С.Моджадди, Движение исламской революции Афганистана М.Н.Мухаммади.

В стране действуют также две проиранские группировки - Партия исламского единства А.А.Мазари (убит осенью 1996 года) и Исламское движение Аятоллы Мохсени.

Характерной особенностью многих группировок является их ориентация на внешних покровителей и спонсоров - в основном на Саудовской Аравии и Ирана.

Примечательно, что и генерал А.Дустум создал в северных провинциях Афганистана в 1992 году Национальное исламское движение Афганистана (НИДА). Среди основных его целей было провозглашено создание в Афганистане Федеративного государства, в котором все народы имели бы равные права в политических, социальных, экономических и культурных сферах жизни.

Как результат жестокой борьбы за власть между различными группировками, разлом Афганистана на три автономные территории сегодня очевиден. В южных и юго-восточных частях Афганистана (включая Кабул) превалируют пуштуны, в то время как север страны контролируется таджиками и узбеками, а территории на запад от Герата - хазарейцами и другими народностями, исповедующими ислам шиитского направления и потому тяготеющие к Ирану.

Как отмечает газета "Московские новости", "бунтарский узбек генерал Дустум способен установить на севере страны "Северную Республику Узбекистан", а юг может быть поделен между пуштунами по обеим сторонам линии Дюранда, неофициальной границе между Афганистаном и Пакистаном. Существуют другие более сложные сценарии распада: образование проиранского правительства в Герате, Хазарейской Республики, "государства таджиков" в центральных и северных частях (на территории древней Арианы) и т.д.².

То, что лидер афганских узбеков генерал Рашид Дустум, глава таджиков Ахмад Шах Масуд и один из руководителей шиитского меньшинства Карим Халили договорились о создании Верховного военного совета Афганистана со штаб-квартирой в Мазари-Шарифе, является очередным подтверждением того, что страна фактически раскололась.

Примерно 90% населения исповедуют ислам суннитского толка, а 10% - шиитского. К шиитам относятся хазарейцы Хазараджата, чараймаки, персы, кызылбаши. Таджики Бадахшана, составляющие около 2% населения страны, принадлежат к исмаилитам - особой секте в шиитском исламе. Примерно 0,5% населения являются представителями секты ахмадия. В Афганистане есть и немусульманские меньшинства - индуисты, армяно-григориане и армяно-католики, иудаисты-евреи.

Ислам в Афганистане перестал выступать как объединяющая сила, поскольку усилилось деление верующих на суннитов и шиитов - два основных направления ислама, и на многочисленные секты. Движение "Талибан" стимулировало конфронтацию в стране как по этнической, так и по религиозной линии. Усилилось противопоставление пуштунского и непуштунского населения, далеко не все верующие в Афганистане приемлют их стремление очистить ислам от всего наносного и утвердить по своему трактуемые законы шариата и тем более внедрить их в жизнь с помощью автомата Калашникова.

Движение "Талибан"

"Талибан" - организация, созданная около двух лет назад учащимися медресе в Кветте и Пешаваре (Пакистан) - преследует цель борьбы с отступниками от ислама и воссоединения страны на основе шариата. С их выходом на авансцену современной истории Афганистана в стране развернулась острая борьба между "фундаменталистами" и "умеренными исламистами". Теперь очевидно, что талибы являются ярыми исламскими фундаменталистами, желающими установить в Афганистане строгий исламский режим.

Почему талибы с большой легкостью взяли под свой контроль три четверти территории Афганистана?

- Афганский народ чрезвычайно устал от войны между враждующими группировками и видел в талибах силу, которая может принести мир и обеспечить единство Афганистана. Уверения талибов, что их единственная цель - "достижение мира в Афганистане путем разоружения всех других группировок" нашли отклик у многих афганцев;

- костяк движения "Талибан" составляют пуштуны, и оно легко заняло провинции, в основном населенные пуштунами;

- Талибы обеспечили свободный транзит грузов и освободили торговцев от поборов полевых командиров на той части территории страны, которую они контролируют;

- Талибы свободны от привязанности к определенной местности в отличие от большинства отрядов моджахедов;

- движению присуща высокая централизация руководства и дисциплина вооруженных формирований.

Вместе с тем у движения "Талибан" имеются и свои слабые места. Прежде всего, стало очевидно, что движение "Талибан" - еще одна группировка, которая вступила в войну за власть в стране.

По своему этническому составу - преимущественно пуштунское, а религиозному - суннитское. Это определило недоверие к нему у непуштунских и шиитских организаций. Движение "Талибан" воспринимается как направленное против не-пуштунов и как антишиитское.

О разломе Афганистана по этническим линиям свидетельствует множество фактов, но прежде всего то, что талибы пополняют свои ряды исключительно за счет пуштунов. Взяв Кабул, талибы под предлогом поиска сторонников Раббани и Масуда организовали тотальные обыски и прочесывание северных его пригородов, населенных таджиками и выходцами из Панджшерской долины. Это вынудило тысячи таджиков бежать в северный Афганистан.

Вердикт улемов (религиозных авторитетов), поддерживающих движение "Талибан", на очередной шуре (совещании) вынесли смертный приговор генералу Рашиду Дустуму за "измену и вероломное нападение на воинов ислама". Ему объявлен джихад, то есть

священная война, которая по мусульманским канонам становится делом чести, первейшей обязанностью каждого "правоверного мусульманина". Объектом джихада также является бежавший из Кабула президент Бурхануддин Раббани.

Взгляды талибов на шариат, несмотря на то, что все они заявляют о своей учебе в медресе, соответствуют самым примитивным народным представлениям о религиозном праве и о религии вообще. Знание Корана у талибов весьма поверхностное. В сознании талибов присутствует допустимость убийства не только иноверцев, но и таких же мусульман, как они сами.

Талибы внушили себе и внушают другим, что говорящие на языках персидской группы (фарси, дари), - плохие мусульмане. Впервые заявив в Парванской долине о том, что дари "враждебен афганскому исламу", талибы перешли грань, за которой начинается разрушение единства и целостности страны. Хотя пуштуны доминировали в государственно-политической жизни Афганистана, официальным языком всегда оставался дари, принадлежащий к группе персидских языков.

Талибы не имеют определенной политической программы и стратегии ее реализации. Они нарушили традиции афганского общества не убивать лидеров других группировок: два года назад убили Мазари, лидера шиитов, а в сентябре 1996 года казнили и всенародно повесили бывшего президента Афганистана Наджибуллу.

Талибы обещали стране мир, но ввергли ее в новый виток крупномасштабной междоусобной войны, теперь уже носящей более ярко выраженный этнический характер (пуштуны - непуштунские народы). А это уже создает реальную угрозу распаду Афганистана как единого государства по этническим линиям.

II. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И АФГАНИСТАН

Исторические связи

Между Афганистаном и бывшими советскими азиатскими республиками существует теснейшая историческая связь. О ней мало говорилось и писалось после завоевания Средней Азии царской Россией в XIX веке и в период до распада СССР в 1991 году и образования новых независимых государств Центральной Азии, как теперь обычно обозначают этот регион.

Афганистан - южный сосед государств Центральной Азии. Протяженность границ с Таджикистаном - 1100 километров, с Узбекистаном - 152,5 километра, с Туркменистаном - 800 километров.

В Северном Афганистане не один век живут таджики, узбеки, туркмены. К числу основных этнических компонентов, составивших народ Афганистана, относятся не только пуштунские, иранские, но и тюркские племена.

В XX веке численность тюркского населения в Северном Афганистане пополнялась за счет миграции из бывших советских азиатских республик. Она была вызвана такими событиями советского периода как гражданская война и подавление басмаческого движения (1918-1925 гг.); коллективизация и новая вспышка басмаческого движения (1928-1932 гг.); массовые репрессии конца 30-х годов.

После ввода Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистан в декабре 1979 года и вплоть до их вывода в феврале 1989 года взаимосвязи между бывшими советскими азиатскими республиками и Афганистаном невольно возобновились и интенсифицировались. Это было связано, конечно, с войной и тем фактом, что советская Средняя Азия играла роль плацдарма для вторжения в Афганистан. В Ограниченном контингенте советских войск было много солдат и офицеров, а в правительственных учреждениях Афганистана и в провинциях - советников и консультантов из Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Казахстана и Кыргызстана. В те времена и много афганцев училось или проходило стажировку в этих республиках.

Афганистан в силу своего географического расположения мог бы играть весьма важную роль в развитии торгово-экономических связей новых независимых государств Центральной Азии в южном направлении. Именно через Афганистан для них лежит самый короткий и экономический путь через Пакистан к портам Индийского океана, в том числе и для нефте- и газопроводов.

Существует три варианта движения автомобильных караванов из Пакистана в Центральную Азию через территорию Афганистана. Первый - через Читраль в Таджикистан. Второй - через Торхам, Джелалабад и Мазари-Шариф в Узбекистан. Третий - через Кветту и Чаман, афганские Кандагар и Герат к Кушке в Туркменистане. Возможно и строительство железной дороги, которая связала бы Кветту с Кушкой.

Однако междоусобные вооруженные конфликты в Афганистане, урегулирование которых не просматривается в обозримом будущем, остаются серьезным препятствием для открытия постоянного автомобильного маршрута между государствами Центральной Азии и Пакистаном и для строительства нефте- и газопроводов через территорию Афганистана.

Риски и угрозы для Центральной Азии

Как отмечает индийский исследователь К.Варико, "Трансграничные передвижения вооруженных таджикских и афганских исламских экстремистов и контрабанда наркотиков и оружия стали главным источником дестабилизации всего региона Центральной Азии"³.

В Центральной Азии действительно не будет стабильности, если Афганистан будет продолжать оставаться базой для вооруженных проникновений и транспортировки наркотиков и оружия.

Говорить о потенциальной военной опасности движения "Талибан" для государств Центральной Азии явно преждевременно. По данным газеты "Красная звезда", вооруженные силы талибов состоят из 40-50 тысяч человек, которые имеют на вооружении около 200 танков, БМП и БТРов, порядка 1000 орудий и минометов, в том числе и системы залпового огня, до 20 вертолетов и самолетов.

На таджикско-афганской границе им могли бы дать отпор 25 тысяч военнослужащих группы российских погранвойск, около 5 тысяч солдат и офицеров 201-й мотострелковой дивизии, порядка тысячи военнослужащих из казахстанского, кыргызского и узбекского батальонов и чуть более 10 тысяч военнослужащих таджикской армии с соответствующим тяжелым вооружением и авиационным прикрытием⁴.

Главное же в том, что вооруженные силы талибов в октябре-ноябре 1996 года не смогли преодолеть перевал Саланг и войти в Панджшерскую долину, которые контролируются соответственно войсками генерала Дустума и Масуда.

Генерал Дустум имеет в своем распоряжении хорошо оснащенную армию. В ее составе два армейских корпуса, тринадцать дивизий, 60 тысяч человек, около 400 единиц бронированной техники, более 300 стволов артиллерии и минометов, несколько десятков установок залпового огня. Его военно-воздушные силы имеют 15 боевых самолетов⁵. Вооруженные силы Масуда насчитывают около 10 тысяч бойцов.

Более реальной для государств Центральной Азии является, во-первых, угроза лавинообразных миграционных потоков из Афганистана в случае нарастания вооруженных конфликтов между различными афганскими группировками.

Во-вторых, проникновение наркотиков: в 1994 году на таджикско-афганской границе было задержано 1.5 тонны наркотиков, в 1995-м - 2.3 тонны, за 9 месяцев 1996-го - 3 тонны. Эксперты ООН и Интерпола утверждают, что талибы контролируют до 45 процентов мирового подпольного рынка героина. ООН определяет общую стоимость на "черном" рынке героина, поступающего из Афганистана, в 70-75 млрд. долларов⁶.

Алматинский саммит 4 октября 1996 года в столице Казахстана Алматы состоялся саммит президентов Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана и премьер-министра России. В принятой по итогам саммита документе было констатировано, что расширение масштабов и усиление интенсивности вооруженного противоборства в Афганистане, по мнению президентов государств Центральной Азии и премьер-министра России, "создает непосредственную

угрозу национальным интересам, безопасности этих государств и Содружества в целом, дестабилизирует региональную и международную обстановку”.

В Совместном Заявлении руководителей Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан записано: “любые возможные действия, подрывающие стабильность на границах Афганистана с государствами СНГ, неприемлемы. Такие действия, кем бы они не предпринимались, будут расцениваться как угроза их общим интересам и на основе статьи 4 Договора о коллективной безопасности, подписанного в Ташкенте 15 мая 1992 года, получат адекватный ответ”⁷.

Исходя из этой оценки событий в Афганистане, участники Алматинской встречи обратились к Совету коллективной безопасности Содружества с призывом срочно рассмотреть ситуацию, складывающуюся на южных рубежах СНГ и принять надлежащие меры по укреплению безопасности внешних границ Содружества.

В Совместном Заявлении содержится также призыв к конфликтующим афганским сторонам, прежде всего к движению талибов, незамедлительно прекратить боевые действия, начать поиски путей достижения общенационального согласия.

III. ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ВНУТРИАФГАНСКОГО КОНФЛИКТА

Внешние факторы

Пакистан

По признанию Беназир Бхутто, сделанному ею в интервью радиовещательной корпорации Би-би-си, когда она еще занимала пост премьер-министра, на территории Пакистана несколько лет назад была создана сеть религиозных училищ-медресе для подготовки афганских беженцев-пуштунов, которым предстояло образовать вооруженные формирования будущего движения “Талибан”. Руководство этим медресе было возложено на пакистанскую фундаменталистскую партию Джамият-уль-улема-и-ислам.

Впервые выпускники этих религиозных школ были использованы пакистанскими властями для охраны автомобильных автоколонн, доставляющих товары из Пакистана в Афганистан, которые стали все чаще подвергаться нападениям и разграблению различными вооруженными отрядами моджахедов.

“Талибы стали обеспечивать безопасность на торговых путях через территорию Афганистана в государства Центральной Азии, а также у нас появилась возможность для возвращения афганских беженцев на родину в составе отрядов “Талибан”, - сказала Б.Бхутто, подчеркнув, что появление этого движения отвечаю интересам Пакистана.

Для Пакистана потенциальной угрозой является то, что этнические конфликты в Афганистане могут распространиться и на его территорию. В ситуации межэтнических столкновений, в основном, между пуштунами с одной стороны и таджиками, узбеками с другой, идея воссоединения всех пуштунов в одно государство (Пуштунистан) может завоевать их умы. Как предсказывают Раджан-Менон и Хенри Барки: “Если конфликт в Афганистане кончится распадом по этническому признакам, то это повлияет на безопасность Пакистана. Независимое пуштунское государство может получить многолетний конфликт между Пакистаном и Афганистаном по поводу “Пуштунистана”.

Откол пуштунского государства может послужить платформой для более значимого Пуштунистана по сравнению с пуштунскими регионами разорванного Афганистана и населенной пуштунами северно-западной пограничной провинцией в Пакистане”⁸.

Обеспокоенность Пакистана в связи с обострением ситуации в Афганистане связана и с тем, что новая волна войны между исламистскими умеренными и фундаменталистами, между пуштунами и этническими меньшинствами может похоронить надежды Пакистана на стабильность в Афганистане, без чего невозможны безопасные торговые пути в Центральную Азию и строительство нефтегазопроводов.

Иран

Шиитский Иран поддерживал свергнутое правительство президента Раббани и проявлял негативное отношение к суннитскому движению “Талибан”. После захвата талибами Кабула министр иностранных дел Ирана Али Акбар Велаяти в своем интервью заявил: “Все, что происходит в Афганистане, имеет влияние на нашу национальную безопасность; поэтому, мы не можем остаться безразличными”. Немного раньше иранский духовный лидер Аятолла Али Хаменеи обрушился с критикой на движение “Талибан”, объявив его “неисламским” и заявив, что оно поддерживается Соединенными Штатами Америки.

Иран поддерживает шиитов в Афганистане, представленных организацией “Хизб-е-Вахдат” (“Братство”), расколовшейся на две фракции. Одна возглавляется Каримом Халили (проиранской ориентации), другая - Акбари, ориентируется на Гульбедина Хекматъяра.

Шииты Афганистана - это в основном хазарейцы и таджики, говорящие на дари (модифицированный фарси). Иран настроен против движения “Талибан” еще и потому, что талибы убили видного лидера “Хизб-е-Вахдат” Абдул Алима Мазари, когда им удалось его пленить.

Неудовольствие Тегерана вызвал и захват талибами Герата. Его губернатор Исмаил Хан вынужден был бежать в Иран. Есть свидетельства того, что Иран оказывает ему поддержку в стремлении вернуть под свой контроль провинции Герат, Фарах и Нимроз.

Зарубежные обозреватели считают, что цель Ирана заключается в том, чтобы шииты в Афганистане, составляющие около 14% его населения, играли большую роль в будущем устройстве страны, чем это имело место во времена правления королей династии Дуррани. Поэтому Иран всячески поддерживает политические партии хазарейцев и таджиков в Афганистане.

Индия

Наблюдая ход событий в Афганистане, Индия испытывает озабоченность, потому что Пакистан поддержал "Талибан" и у него теперь новый сильный союзник. В Индии считают, что распространение исламского фундаментализма из Афганистана на страны Центральной Азии может привести к созданию проафганской коалиции исламских государств, и в этом случае будут нарушены интересы безопасности Индии. Талибы могут оказать поддержку Пакистану в споре с Индией по Кашмирскому вопросу - и мусульманские сепаратисты там могут получить нового внешнего покровителя.

Индия не намерена признавать администрацию исламского движения "Талибан" в Кабуле, продолжая поддерживать правительство Афганистана во главе с президентом Бурханудином Раббани.

Министр иностранных дел Индии Индер Кумар Гуджрал в связи с событиями в Афганистане заявил: "Мы подтверждаем свою поддержку кабинета Раббани и считаем, что народ Афганистана должен решать сам, какое правительство будет руководить страной. Индия решительно настаивает на обеспечении независимости и территориальной целостности Афганистана, прекращении вмешательства извне в дела этой страны. В условиях продолжения поддерживаемой внешними силами интервенции в Афганистане официальное признание движения "Талибан" будет означать согласие с иностранным вмешательством в афганские дела, что абсолютно неприемлемо для Индии".

Соединенные Штаты Америки

США достигли своей цели, оказав огромную помощь моджахедам в их борьбе против советских войск и добившись их вывода из Афганистана. После этого афганские моджахеда были забыты. Из Вашингтона больше не поступало никакой военной и экономической помощи. Однако Администрация Клинтона продолжала наблюдать за событиями в Афганистане, особенно из-за нахождения российских вооруженных сил в Таджикистане.

После того, как господин Эрбакан, лидер исламской партии, стал премьер-министром Турции, а талибы захватили Кабул, США столкнулись с угрозой распространения исламского влияния из Турции и Афганистана в Центральную Азию.

Хотя Центральная Азия географически далека, США и другие развитые западные страны имеют в них значительные интересы из-за их природных ресурсов, в особенности, нефти и газа и частично по причине их стратегического месторасположения между Россией, Китаем и исламским миром.

Центральная Азия располагает огромным энергетическим потенциалом. Есть проект сооружения нефтегазопровода, который протянется из Туркмении в Пакистан через территорию Афганистана. Консорциум, который должен строить через Афганистан нефтегазопровод - совместная американо-саудовская компания.

Приведя эти аргументы, французский исследователь Оливье Руа отмечает: "Претворение в жизнь этого проекта позволит им усилить изоляцию Ирана, открыть путь к морю для Центральной Азии и держать весь этот регион под контролем"⁹.

Утверждения о том, что США негласно поддерживали движение "Талибан", имеют под собой определенную почву. Объективно Вашингтону было бы выгодно утверждение талибов на всей территории Афганистана, который в этом случае играл бы роль регионального противовеса Ирану, поддерживающему изгнанного из Кабула президента Бурхануддина Раббани.

Американские аналитики охарактеризовали движение "Талибан" больше как "антимодернистское", чем "антизападное", и отметили его большую склонность к восстановлению традиционного общества в Афганистане, чем к экспорту исламской революции.

Официальный Вашингтон, конечно же, отвергает подобные утверждения. Отвечая на вопрос о том, поддерживают ли Соединенные Штаты движение "Талибан", Робин Рейфел, помощник государственного секретаря по делам Южной Азии, заявила: "Мы не поддерживаем никакой группировки, ни одного конкретного лица и не оказываем поддержку движению "Талибан". Мы разговаривали с их представителями и призывали их, как, впрочем, и другие группировки в Афганистане, к прекращению боевых действий и началу процесса национального примирения"¹⁰.

Саудовская Аравия

То, что Саудовская Аравия, по сведениям зарубежных средств массовой информации, поддерживает суннитское движение "Талибан", во многом объясняется ее соперничеством с шиитским Ираном.

Саудовская Аравия оказывала большую финансовую поддержку афганским моджахедам во время их борьбы против советских войск. Саудовский монарх имел прямой интерес в попытке разрешить противоречия между афганскими лидерами после падения Наджибуллы. Многие саудовские организации продолжали действовать в афганских лагерях для беженцев. Саудовские деньги попадали в руки движения "Талибан". Соперничество с Ираном во многом определяло желание Саудовской Аравии иметь опору в афганских делах.

Россия

Неурегулированность внутриафганского конфликта, чреватая угрозой распада Афганистана по этническим линиям и обострением проблем “разделенных наций”, представляет собой потенциальную опасность не только для всей Центральной Азии, но и для России, для которой этот регион представляет собой, по мнению многих российских аналитиков, “мягкое подбрюшье”.

В случае прорыва таджикско-афганской границы Россия будет вынуждена строить новые государственные границы. Между тем, по данным заместителя директора Федеральной пограничной службы Российской Федерации А.Манилова, “обустройство одного километра границы обходится государству в 3 млрд.руб., а граница с Казахстаном составляет 6 тыс.км. У государства сегодня нет 20-30 трлн.руб., чтобы закрыть такую границу”¹¹.

Вот почему стратегически важным интересом для России является укрепление государственной независимости центральноазиатских государств, содействие развитию и защите их потенциалов, а также участие с ними в военных и политических союзах для защиты общих границ СНГ объединенными силами.

В обоюдных стратегических интересах России и центральноазиатских государств были подписаны договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, предполагающие взаимные обязательства в области обороны в случае агрессии против одной из сторон, а также договоры о военном сотрудничестве.

Если талибы одержат победу над таджикскими и узбекскими вооруженными формированиями в Северном Афганистане, то их амбиции будут направлены еще дальше на Север. Угроза суверенитету новых независимых государств в Центральной Азии - это и угроза интересам национальной безопасности России.

Ключевое значение в развитии событий в Афганистане и в афгано-пакистанских отношениях имеет пуштунская проблема. В позиции России в отношении этой проблемы многое изменилось после распада СССР. Главный эксперт Института изучения Израиля и Ближнего Востока А.Умнов пишет о политике СССР в отношении пуштунской проблемы: “Традиционно пропуштунская позиция СССР диктовалась серьезными соображениями. Пуштунская власть в Кабуле, во-первых, контролировала такие крупные этнические группы, как таджикская, косвенно укрепляла позиции Москвы в Средней Азии. Во-вторых, она способствовала росту советского влияния среди пуштунов сначала Британской Индии, а потом Пакистана”¹².

После распада СССР и появления на северных границах Афганистана суверенных Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана ситуация коренным образом изменилась. Таджики, узбеки и туркмены по обе стороны границы впервые за последние сто лет получили возможность более тесно взаимодействовать.

В этой новой геополитической ситуации Россия явно изменила свою былую пропуштунскую позицию. Ее главный интерес в изменившихся условиях - сохранить стабильность внешних границ СНГ с Афганистаном, и прежде всего таджикско-афганскую, на которой в связи с событиями в Таджикистане постоянно осуществляются прорывы и гибнут российские пограничники. Добиться этой цели без поддержки таджиков, узбеков и туркменов по обе стороны границы Россия уже не в состоянии.

Хотя формально Россия проводит политику нейтралитета в отношении драматических событий в Афганистане и не оказывает односторонней поддержки той или иной противоборствующей стороне, на деле имеет место определенное взаимодействие с Ахмад Шахом Масудом и Абдурашидом Дустумом. Москва вынуждена это делать хотя бы для того, чтобы как-то сдерживать активность таджикской оппозиции, действующей на контролируемой ими территории Северного Афганистана. Помнит Россия и о том, что именно талибы казнили ее ставленника Наджибуллу и в длительном плене держали российских летчиков в Кандагаре.

Россия выступает за более эффективную роль ООН в урегулировании конфликта в Афганистане. Как подчеркнул министр иностранных дел Российской Федерации Е.Примаков: “В нынешних условиях Россия призывает ООН развернуться лицом и к афганскому конфликту. В этой многострадальной стране возникла действительно критическая ситуация, и нам следует сделать все, чтобы отодвинуть ее от грани распада”¹³.

Россия не хочет раздела Афганистана по этнической линии, поскольку в таком случае владения А.Дустума могут превратиться в еще одно узбекское государство, что приведет к усилению в регионе Центральной Азии роли Республики Узбекистан и ее Президента И.Каримова, не проявляющего особенно дружественных и союзнических чувств по отношению к России.

В этом контексте Москва пытается иметь более дружественные отношения с Ахмад Шахом Масудом, который рассматривается как противовес А.Дустуму и И.Каримову.

Узбекистан. Президент Узбекистана И.Каримов имеет особые отношения с узбекским по происхождению генералом Дустумом, который контролирует ситуацию в Северном Афганистане и потому является надежным барьером на пути талибов к южным границам СНГ.

Однако, являясь оплотом генерала Дустума, Узбекистан отнюдь не желает реанимировать режим Раббани. Так что существующие де-факто буферные “владения Дустума” на севере Афганистана могут оказаться уже и де-юре образованием государственным.

М.Гафарлы в “Независимой газете” пишет: “Угроза расчленения персоязычных Таджикистана и Афганистана на микрогосударства в результате гражданских войн подпитывает идею создания “Великого

Узбекистана" за счет территорий этих стран. Для реализации этого плана есть достаточно сильная военно-политическая фигура - афганский генерал узбекского происхождения Абдул Рашид Дустум, который не исключает возможности расширения нынешнего Узбекистана в случае распада Афганистана"¹⁴.

Президент Узбекистана Ислам Каримов на алматинском саммите определенно высказался за необходимость оказать генералу Дустуму действенную помощь, чтобы продвижение талибов не распространилось на север Афганистана. При этом И.Каримов категорически отверг версию о том, будто бы Узбекистан уже оказывает кому-либо в Афганистане военную помощь. По его словам, силы Дустума безвозмездно получают из Узбекистана лишь хлеб и электроэнергию.

Говоря о сложившейся к моменту встречи на высшем уровне в Алматы ситуации в районе перевала Саланг, И.Каримов сказал следующее: "Этот перевал сегодня практически сдерживает "победоносное" наступление талибов. Если мы хотим действительно не допустить дальнейшей эскалации войны, мы должны сделать все возможное, чтобы Саланг г-н Дустум удержал"¹⁵. Предыстория и логика узбекской политики в отношении Таджикистана и Афганистана следующая. Под лозунгом угрозы фундаментализма лидер Узбекистана в 1992 году объединил усилия с Россией. В результате таджикская оппозиция была вытеснена за пограничную реку Пяндж на территорию Афганистана, а в Душанбе воцарилось правительство Эмомали Рахмонова. Но очень скоро Эмомали Рахмонов и президент Афганистана Бурхануддин Раббани подписали ряд соглашений в обход Узбекистана, а заверения президентов о единстве таджиков никак не могли понравиться Ташкенту. Постепенно складывающаяся ось Кабул - Душанбе - Москва вызывала недовольство Ташкента. В ответ сложилась другая ось: Пакистан - Узбекистан. У нее есть и экономическая подоплека - прокладка транспортной артерии между этими государствами через территорию Афганистана.

Интересно отметить, что генерал Дустум после начала боевых действий между сторонниками Раббани и Хекматияра сначала поддержал Раббани, однако 1 января 1994 года принял сторону Хекматияра и пошел войной на Кабул, где находился Раббани. Разлад между Раббани и Дустумом совпал с началом резкого охлаждения отношений между Душанбе и Ташкентом.

Зависимость Дустума от поставок электроэнергии, зерна, продуктов питания из Узбекистана не является секретом. По данным зарубежных средств массовой информации, генерал Дустум через пограничный узбекский город Термез получает также горючее для самолетов и танков и комплектующие к военной технике. Дустум обладает боееспособными и мобильными частями, военными складами, оставленными Советской Армией. Сегодня Дустум превратился в одного из ключевых игроков на политической сцене Афганистана.

Таджикистан

"Афганский" фактор всегда оказывал влияние на ситуацию в Таджикистане как в политическом, так и в военном плане. Последнее выразилось в создании лагерей подготовки боевиков таджикской оппозиции, в предоставлении им боеприпасов, снаряжения, транспорта, инструкторов, порой даже в прямой поддержке воинскими формированиями.

В ходе разразившейся в 1992 году гражданской войны в Таджикистане десятки тысяч таджиков бежали в Афганистан, где разместились в лагерях беженцев в северных провинциях Бадахшан, Тахар, Балх и Кундуз. К началу 1995 года их число варьировалось от 100 до 120 тысяч человек.

Беженцы стали разменной монетой в руках разных политических сил. Свергнутый талибами президент Б.Раббани оказывал им гуманитарную помощь и содействовал их возвращению на родину. Фундаменталисты Г.Хекматьяр и А.Р. Сайяф взяли часть лагерей под свой контроль, одновременно занимаясь подготовкой и переброской в Таджикистан отрядов боевиков таджикской оппозиции. Генерал А.Дустум сначала занял нейтральную позицию, затем стал оказывать нажим на беженцев, подвергнув бомбардировке их лагерь в Кундузе.

Сайд Абдулло Нури, лидер Объединенной таджикской оппозиции, в связи с ожесточенной внутриусобной борьбой в Афганистане заявил: "Мы поддерживаем нейтралитет со всеми афганскими группировками. Их война - это их внутреннее дело"¹⁶.

В конце октября 1996 года было объявлено, что в политическую коалицию с Объединенной таджикской оппозицией (ОТО), возглавляемой Саидом Абдулло Нури, вошла так называемая внутренняя таджикская оппозиция - блок "Национальное возрождение".

В результате еще более объединившейся таджикской оппозиции нынешнему режиму в Душанбе теперь уже противостоит оппонент, представляющий большинство регионов Таджикистана.

В связи с последними событиями в Афганистане лидеры оппозиционного движения оказались перед выбором: оставаться на стороне этнически родственной им группировки Раббани-Масуда, в зоне влияния которой, кстати, находятся штаб-квартира и основные лагеря оппозиции, либо примкнуть к талибам.

Лидеры оппозиции установили контакт с обеими противоборствующими группировками. Так, начальник штаба вооруженных формирований таджикской оппозиции Давлат Усмон встречался с руководством талибов, а видный лидер оппозиции Туранджонзада заявил о поддержке покинувшего Кабул президента Раббани.

Самое нежелательное последствие событий в Афганистане для таджикской оппозиции - вынужденная передислокация своих вооруженных формирований в подконтрольные им районы

Таджикистана: в Тавильдаринский и Каратегинской зонах республики, а также в Горном Бадахшане. В этом случае возможны серьезные осложнения на таджикско-афганской границе.

В начале лета 1996 года российским пограничникам удалось договориться с афганскими властями о совместных действиях по обеспечению безопасности таджикско-афганской границы. В круто изменившейся ситуации в Афганистане соблюдения этой договоренности с афганской стороны уже не приходится ждать. Отряды таджикской оппозиции с конца сентября уже не один раз предпринимали попытки прорыва границы на участке Калай-Хумбского погранотряда.

Итак, события в Афганистане имеют непосредственное влияние на Таджикистан и его южную границу, так же как и поток наркотиков и оружия из Афганистана. Сегодняшние события могут обернуться региональными катаклизмами. Они могут спровоцировать распад самого Таджикистана, что является для него главной опасностью.

Туркменистан

Позиция Туркменистана в отношении событий в Афганистане определяется прежде всего интересами экспорта газа. В марте 1995 года в Исламабаде президент Туркменистана Сапармурат Ниязов и бывший пакистанский премьер-министр Беназир Бхутто подписали меморандум о строительстве газопровода из Туркменистана в Пакистан.

В ноябре 1995 года в Ашхабаде прошли переговоры, на которые консорциум "Юнокал-Дельта" пригласили российский "Газпром". А в середине мая 1996 года в Ашхабаде меморандум по проекту газопровода был подписан вторично: на сей раз к Туркменистану и Пакистану официально присоединился и Узбекистан.

8 августа 1996 года Туркмения, РАО "Газпром" и "Юнокал-Дельта" подписали в Москве меморандум о взаимопонимании по вопросам создания консорциума для строительства газопровода из Туркмении в Пакистан через территорию Афганистана. Общая сумма предполагаемых инвестиций составляет \$6 млрд.

Президент Туркменистана Сапармурат Ниязов заявил, что Туркмения к 1999 году планирует довести ежегодные поставки природного газа в Пакистан до 20 млрд. куб. м., а к 2002 году - до 40 млрд. куб. м. в год.

Туркменистан не принял участие во встрече в Алматы 4 октября 1996 года президентов Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и премьер-министр России в связи с событиями в Афганистане.

Объяснение официального Ашхабада заключалось в том, что Туркменистан - нейтральное государство и что события в Афганистане не представляют угрозы для него.

В Москве в ходе встреч с Б.Ельциным, В.Черномырдиным и Е.Примаковым в середине октября 1996 года туркменский президент вновь подтвердил наличие особой позиции, заявив, что "не разделяет полностью" итогов алматинского саммита. Единственное, чего удалось добиться московским собеседникам от Туркменбаши, - это туманного обещания "координировать свои действия в отношении афганского кризиса с Москвой"¹⁷.

Мирному урегулированию альтернативы нет

Анализируя сложившуюся ситуацию в Афганистане и прогнозируя будущий исход противоборства конфликтующих сторон, следует учесть, что политические и военные союзы между афганскими группировками всегда носили чисто конъюнктурный характер, легко создавались, но и с легкостью распадались.

Путь исключительно силового решения внутриафганского конфликта бесперспективен. Выдвинутый талибами к своим оппонентам ультиматум сложить оружие, признать движение "Талибан" единственно законной властью и установить в стране господство законов шариата отвергается ими бесповоротно.

Но талибы достаточно сильны для того, чтобы отвергнуть инициативы генерала Рашида Дустума, включающие в себя меры по демилитаризации Кабула, ухода из столицы талибов, обеспечения деятельности миротворческих сил (ООН), проведение всеобщих выборов, а до этого осуществление власти Высшим советом обороны Афганистана, созданном и возглавляемом Дустумом в его родном Мазари-Шарифе.

Составной частью плана Дустума является также обращение к свергнутому в 1973 году королю Афганистана Мохаммед Захир Шаху, живущему сейчас в Италии, с предложением возглавить всеафганскую конференцию ("Лойа Джирга"), на которой можно было бы решить проблему власти и национального примирения. Но и у этой идеи есть много противников.

Челночная дипломатия посланца ООН Норберта Холля зашла в тупик. Его попытки наладить мирный диалог не имели результатов. Талибы больше полагались на другого посредника - теперь уже бывшего министра внутренних дел Пакистана Нурсуллу Бабара, который постоянно летал по маршруту Кандагар-Кабул-Мазари-Шариф и обратно, но также безуспешно.

Охотно принимая посреднические услуги бывшего пакистанского министра, известного как их главного спонсора и вдохновителя, талибы в то же время предупредили Россию, Индию и Иран, что их вмешательство во внутренние дела Афганистана "не останется безнаказанным".

Восстановление мира в Афганистане возможно лишь на основе согласия и сотрудничества всех этнических и религиозных групп страны и всех внешних сил, втянутых во внутриафганские разборки.

Достижению национального примирения между противоборствующими афганскими группировками мешает то, что каждая из них имеет своего внешнего покровителя среди соседних с Афганистаном стран и даже более дальних стран. Давно уже не секрет, что за спиной движения "Талибан" - Пакистан, Саудовская Аравия, а на этапе его становления определенные виды на него имели США.

На стороне свергнутого талибами президента Б.Раббани и его министра обороны А.Ш.Масуда - Индия, Иран. Генерала А.Дустума активно поддерживает Узбекистан. Более склонна поддерживать афганских таджиков и узбеков, нежели талибов, и Россия. По ряду причин Индия, Иран и Россия занимают более сходные позиции в отношении событий в Афганистане.

Похоже на то, что внешние игроки по отношению к Афганистану более заботятся о защите своих геополитических интересов, чем о достижении мира в этой несчастной стране.

Афганистан нуждается в формировании переходного правительства, в котором были бы представлены все противоборствующие силы и которое обеспечило бы проведение свободных выборов или традиционной Лойи Джирги для определения будущего устройства страны.

Очевидно, что решающую роль в достижении национального примирения в Афганистане должна сыграть ООН, которая все еще воспринимается в Афганистане как авторитетная и нейтральная международная организация. Особую роль в восстановлении мира в Афганистане может сыграть Организация Исламская Конференция (ОИК), особенно если в ее рамках активно и слаженно будут взаимодействовать Пакистан и Иран.

¹ Barnett R. Rubin "The Fragmentation of Afghanistan", Yale University Press New Haven and London, 1995. P. 226.

² "Московские новости". №3, 16-23 января 1994.

³ K. Warikoo. Coeplit of Central Asia: Afganistan factor in Tajikistan's crisis. - In a book "Afganistan factor in Central and South Asian politics. Trans Asia information, New Deel 1994. P. 18.

⁴ "Красная звезда". 8 октября 1996.

⁵ Там же. 17 октября 1996.

⁶ "Московские новости". 13-20 октября 1996.

⁷ "Казахстанская правда", 8 октября 1996.

⁸ Rajan Menon and Henri J. Barkey. The Transformation of Central Asia: Implications for Regional and International Security. - Survival. The IISS Quarterly, Winter 1992-93.

⁹ "За рубежом". №42. 18-24 октября 1996. С. 6.

¹⁰ "Время по Гринвичу". 23 октября 1996.

¹¹ "Независимая" газета". 15 октября 1996.

¹² "Независимая газета". 2 октября 1996.

¹³ "Е.Примаков. Международные отношения накануне XXI века: проблемы перспективы". - "Международная жизнь". №10. 1996. С. 13.

¹⁴ "Независимая газета". 25 октября 1996.

¹⁵ "Независимая газета". 8 октября 1996.

¹⁶ "Московские новости". 6-13 октября 1996.

¹⁷ "Сегодня". 16 октября 1996.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ИСТОКИ И УРОКИ

Сыроежкин К. Л.

Бурные события 1997 г. на финансовых рынках Юго-Восточной Азии и их последствия в 1998 г. поставили под сомнение эффективность экономик так называемых "молодых тигров" и их возможности самостоятельного развития и серьезного влияния на мировой экономической порядок. В чем причины этого кризиса, каковы его истоки и природа, какие уроки следует извлечь из него развивающимся, да и развитым странам, какое влияние он окажет на мировой рынок и геополитическую ситуацию в мире и регионе, что необходимо предпринять мировому сообществу, чтобы локализовать негативные последствия финансового кризиса в Юго-Восточной Азии, каким образом будут складываться отношения пострадавших от кризиса государств с ведущими мировыми державами, наконец, каковы экономические и политические перспективы Юго-Восточной Азии, сможет ли она вновь возродиться из пепла, словно сказочный Феникс? Все это - не простые вопросы, требующие скрупулезного анализа не только сложившейся ситуации, но и самой модели "догоняющего развития".

Сегодня на смену доминирующему в 70-е годы оптимизму в оценке потенциала Юго-Восточной Азии приходят две тенденции. С одной стороны, отчетливо наблюдается ликование, порой не скрываемое, по поводу снятия угрозы конкуренции на мировом рынке в связи с выходом на него государств ЮВА, ставится под сомнение утверждение "азиатских тигров" о том, что они нашли ключ к быстрому росту в сочетании рыночной экономики и авторитаризма. С другой - в самой Азии поднимается волна антизападной, прежде всего, антиамериканской параноии. Однако, и в этом смысле мы солидарны с точкой зрения Г. Киссенджера, "дело в том, что поборники обеих моделей - и в Юго-Восточной Азии, и в финансовых центрах мира - не предвидели сегодняшнего кризиса". И в сложившейся ситуации "очень важно, чтобы по окончании этого кризиса, когда Азия вновь станет динамичной частью света, Америку рассматривали как друга, который дал конструктивный совет и помог в общих интересах, а не как грабителя, который запугивал и навязывал горькие социальные и экономические лекарства в основном в американских интересах"¹.

Не менее важно и другое обстоятельство. Если международная финансовая система плохо прогнозирует кризисы и не препятствует их распространению, она часто создает новые проблемы своим типичным средством решения их - пакетом помощи МВФ. Но всегда

ли этот “пакет” приемлем и адекватно работает в условиях разных стран. В Юго-Восточной Азии этот “пакет” для решения самых ключевых проблем не приемлем, поскольку большинство правительств имело достаточные бюджеты, а долги сосредотачивались главным образом в частном секторе. Предлагаемые МВФ экономические средства должны быть сбалансированы с учетом их возможных социальных и политических последствий. “МВФ не должен превращать экономический кризис в политический кризис, чтобы не вызвать националистическую идеологическую реакцию против той самой глобальной рыночной системы, которую он старается защитить”².

Истоки. Модель “догоняющего развития”

Десятилетиями страны Юго-Восточной Азии были известны как “летающие гуси”. Во главе этой стаи находилась Япония, прокладывая новые пути и передавая свое богатство, отдельные отрасли промышленности и опыт новым странам Восточной Азии с их “чудодейственной экономикой”, которые следовали за ней с попутным ветром. Среди этих стран были Южная Корея и Тайвань, буквально по пятам шли Таиланд, Малайзия, Китай и другие страны данного региона. Восточная Азия казалась невосприимчивой к спаду, демонстрируя высокие темпы развития за счет упора на экспорт изделий обрабатывающей промышленности и мобилизации своих громадных ресурсов сбережений и дешевой рабочей силы.

Этот успех во многом был предопределен выбранной Японией стратегией экономического развития, в основе которой лежал принцип “экспорт ориентированной индустриализации”. Эта стратегия предусматривала перестройку промышленного производства с упором на освоение науко- и техникоёмких технологий (автомобилестроение, бытовая электроника, промышленность полупроводников) и выпуск соответствующей промышленной продукции, с последующим ее экспортом на мировые рынки. Практическая реализация этой стратегии, большую часть элементов которой наследовали впоследствии и другие государства Юго-Восточной Азии, осуществлялась за счет:

- организации широкомасштабной программы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). По всему миру Япония закупала лицензии новейших технологий на производство конкурентоспособной продукции, на новый качественный уровень были подняты отечественные конструкторские разработки, к которым привлекались иностранные специалисты, происходила интенсивная подготовка технического персонала. За счет перестройки промышленности на основе новой технической базы стал возможным

быстрый рост промышленного производства в 50-70-х годах. Были созданы современные отрасли, производящие конкурентоспособные на мировом рынке товары, что позволило японским корпорациям во всевозрастающих масштабах наращивать внешнеэкономическую экспансию;

- естественно, что для столь масштабной программы требовались серьезные финансовые средства, которые восполнялись за счет иностранных займов и целенаправленных государственных ассигнований;

- свою положительную роль сыграло и то обстоятельство, что на начальном этапе модернизации стоимость рабочей силы в Японии была относительно низкой, и это предоставляло дополнительную возможность эффективного использования ограниченных финансовых средств. В 60-х и первой половине 70-х годов большинство исследователей отмечало в качестве ведущей причины японских успехов дешевизну японских товаров, базирующуюся на низкой заработной плате японских рабочих и служащих;

- не последнее значение имел и цивилизационный фактор, позволивший в процессе модернизации применить традиционную систему организации управления предприятием, в основе которой лежала институция “иэ” - дом, семья. Существование этого института заключалось в том, что отношения в компании строились в виде семейных отношений в рамках японского “иэ”, все работники компании рассматривались как члены одной семьи, пользующиеся ее благами и обязанные добросовестно трудиться во имя ее процветания³.

Наконец, самой главной чертой “японской модели” являлась громадная роль государства в экономическом развитии страны. Государство здесь напоминает чуткий барометр, моментально реагирующий на экономические затруднения и принимающий почти автоматические меры, необходимые для регулирования рынка. Государство в Японии давно, по меньшей мере с послевоенного времени, стало инструментом обеспечения эффективного функционирования хозяйства страны, сохранив при этом за собой все остальные функции, необходимые для нормального развития общества⁴. Роль государства в регулировании экономических процессов в стране заключается в следующем⁵:

- экономическое программирование, позволяющее реализовать функцию целеполагания;

- определение форм и методов государственного регулирования экономики;

- налоговая политика;

- регулирование в сфере кредитования⁶;

- государственное предпринимательство⁷;

- поощрение картелирования и монополизации⁸, высокая степень монополизации внешней торговли, существование крупных торговых монополий - "сого сёся" и финансово-промышленных групп - "кейрецу", не имеющих по объему и разнообразию деятельности аналогов в других капиталистических странах;

- активная роль государства в регулировании внешнеэкономических связей, выполнение функций координации и стимулирования деятельности японских корпораций по освоению зарубежного рынка.

Существенное, если не определяющее, значение имело и то обстоятельство, что Япония первой вступила на путь "экспорт ориентированной индустриализации". При этом, воспринимаемая развивающимися странами как политика "помоги преуспеть своему соседу", японская помощь (в рамках программы ОНР - официальная помощь развитию, в которой на долю Японии в 90-е годы приходилось более 20%) преследовала абсолютно утилитарные цели и содействовала экономическому росту, прежде всего самой Японии. В 50-е годы эта помощь фактически осуществлялась в виде выплаты военных репараций. В 60-е в ней преобладали иеновые займы в связи с необходимостью обеспечения зарубежных рынков для сбыта японских товаров. В 70-е, когда частные компании Японии активизировали зарубежные капиталовложения, упор был сделан на финансирование инвестиций в инфраструктуру.

Было время, когда японская экономика собиралась захватить весь мир. В конце 80-х годов американцы и другие громко выражали тревогу по поводу того, что японцы скупают слишком много иностранных компаний и доминируют на некоторых рынках. В последние годы японские зарубежные инвестиции сосредоточились в основном в странах Восточной Азии, куда шла приблизительно одна треть японских промышленных инвестиций. В настоящее время в странах Восточной Азии работает 60% персонала, нанятого японскими компаниями за рубежом, здесь же находится 57% иностранных компаний, принадлежащих японскому капиталу. В 1996 г. 78% зарубежных компаний, основанных японцами, приходилось на страны Восточной Азии. Зарубежные инвестиции - это в основном дело крупнейших японских компаний. 200 крупных японских компаний сделали 80% всех зарубежных инвестиций. Япония удерживает первое место по размерам собственности за рубежом, на конец 1997 г. за вычетом задолженности иностранным государствам она составила почти 124,6 трлн. иен (\$920 млрд.), увеличившись по сравнению с 1996 г. на 20,5% - во многом, правда, под влиянием нынешнего падения курса иены к доллару⁹.

Все это - слагаемые успеха "японской модели" развития, но они же и составляющие кризиса, который периодически переживает экономика Японии. Сегодня японская экономика, хотя она по-прежнему занимает второе место в мире, похожа на медведя, который никак не может проснуться от спячки.

Легкие деньги долго питали большой бизнес. Теперь надо платить по счетам. Поразительная экономическая экспансия и надежный рынок акций и недвижимости конца 80-х годов вызвали приятное головокружение у президентов банков Токио. И повсюду: от Джакарты до Сеула - кредиторы процветали в обстановке, казалось, бесконечного спроса на многоэтажные офисы и роскошные кондоминиумы.

Реформы шепотом ушли в пьянящие 80-е годы, когда казалось, что натиск японских компаний невозможно остановить, а некоторые японские и западные комментаторы считали, что Япония разработала более новую и лучшую форму капитализма, чем та, которая практиковалась в других странах. Помимо спекулятивных лет конца 80-х годов, экономический рост Японии замедлился уже с начала 70-х годов. Тот жалкий рост, который был достигнут за последние пять лет, был связан главным образом с пакетами государственных ассигнований. С 1992 г. правительство израсходовало более \$700 млрд. на "экономическое стимулирование"¹⁰. Эти расходы должны были обеспечить экономический рост, но привели к увеличению государственного долга и активизировали инфляцию. Валовой внутренний продукт сократился, упали курсы акций на фондовой бирже в Токио.

Несмотря на рекордно низкий банковский процент и массивные инъекции государственного финансирования, экономика Японии остается в состоянии кризиса, и это продолжительное замедление темпов экономического роста выявило двойственное состояние ее экономики. В автомобилестроении, электронике и производстве металлообрабатывающих станков, где имеют значение прикладная технология и экспорт, Япония все еще занимает ведущее место в мире. Но значительная часть ее промышленности защищена от иностранной конкуренции. Именно этот второй эшелон японской промышленности, как оказалось, является крайне неэффективным, не желающим реструктурироваться, а без радикальной реструктуризации его долгосрочные перспективы весьма сомнительны.

Проблемы японских компаний целиком коренятся в тех громадных суммах, которые они многие годы инвестировали, мало задумываясь над прибыльностью. Воспользовавшись ростом цен на бирже, чтобы получать легкий доход от акций, компании инвестировали почти 20% ВВП в начале 90-х годов. В Америке эта цифра была вдвое меньше. Как ни странно, инвестирование не прекратилось, даже когда этот пузырь лопнул: компании

воспользовались преимуществом рекордно низких процентных ставок и стали инвестировать еще больше. Поощряемые дерегулированием в розничной торговле, торговцы, например, в полтора раза увеличили свои торговые площади с 1990 г.

К этому причастна также и корпоративная налоговая система. Ставка налогов с компаний - особенно более мелких, у которых мало возможностей скрыть свои прибыли - колеблется в пределах чуть выше 50%, в сравнении с 41% в Америке. Попытки скрыть прибыль от такого высокого налога приводят ко всякого рода укрывательству со стороны корпораций. Один из худших примеров такого укрывательства - стремление администрации компании как можно скорее уменьшить стоимость своих активов независимо от длительности их полезного существования. Результаты всего этого - потрясающего количества неприбыльных инвестиций.

Однако, один из худших аспектов японской бухгалтерии - ее отношение к дочерним фирмам. Они вовсе отсутствуют в счетах главной компании, если пакет ее акций достигает менее 50%. А если они владеют меньшей долей, то главные компании в Японии могут скрыть неприятные факты от налоговых инспекторов.

Но самая большая бомба замедленного действия в японской бухгалтерии это ужасающее количество не обеспеченных фондами пенсионных обязательств, которые накопились и теперь угрожают разорить многие фирмы. Это происходит как раз когда ускоряется старение населения Японии. По данным аналитика Тимоти Марэйбла цифры пенсионной задолженности, которые (иногда) показывают компании в своих отчетах, минимальные, а не фактические. Изучив данные 26 крупнейших японских фирм, ведущих отчетность по американской системе, Марэйбл установил, что в среднем активы их пенсионных фондов обеспечат всего лишь 60% предполагаемых пенсионных выплат¹¹.

Все это привело к тому, что государственные финансы оказались в ужасном беспорядке. Государственный долг за последние пять лет резко возрос, и правительство очень хотело бы ужесточить фискальную политику, чтобы ограничить его, но это не будет содействовать экономическому росту. В интервью американской телекомпании Си-Эн-Эн генеральный секретарь правящей Либерально-демократической партии Коити Като заявил 4 мая, что финансовая система Японии "поражена раковой опухолью" невозвращаемых кредитов, которые банки страны легко выдавали в период активных биржевых и земельных спекуляций начала 80-х годов и теперь не могут вернуть. Сумма этих безнадежных долгов, по ряду оценок, достигает трети ВВП Японии, превратившись в настоящую мину замедленного действия: достаточно нескольких "неосторожных движений" - и в стране начнется волна банкротств. Ситуация в финансовой сфере сбивает уверенность бизнесменов, резко осложняет доступ к новым

кредитам, что приводит к сокращению объема инвестиций и раскручивает замкнутый круг застоя. Дело усугубляет и отчетливо проявившаяся неэффективность японского государственного аппарата, который, обладая мощными рычагами контроля над национальной экономикой, тем не менее "проморгал" начало депрессии и во многом загнал ее вглубь.

Почти по аналогичной схеме осуществлялось "догоняющее развитие" и в Южной Корее. "Южнокорейская модель" зарождалась в начале 60-х годов и с тех пор постоянно развивалась и модифицировалась. Ее главное и общее принципиальное отличие, как и "японской модели" от классического западного варианта общественного развития заключалось в том, что она не складывалась естественноисторическим образом, а была смоделирована субъективным фактором - правящими кругами государства¹². Четыре главных фактора объясняют поразительный экономический рост страны. Первый - определяющая роль правительства в ходе реформ. Второй - обоснованная недостатком природных ресурсов стратегия экспортного ориентирования. Третий - изобилие дешевого и в то же время хорошо подготовленного и дисциплинированного труда. Четвертый - благоприятный для деловой активности международный климат¹³.

Однако, в отличие от Японии, в Южной Корее имела место так называемая "модель двойного роста". Сначала импортзамещение подготовило в Южной Корее первичную базу для экспорт ориентированной индустриализации в трудоемких отраслях, затем углубление экспортной ориентации вызвало новую волну импортзамещения, но уже в капиталоемких отраслях. В дальнейшем в экспортную ориентацию начинают втягиваться и некоторые капиталоемкие отрасли. Все это способствовало ускорению процесса формирования национальной экономики. Из этой схемы, скорее всего, напрашивается вывод о том, что не только импортзамещение, но и экспортная ориентация выступали в качестве переходных ступеней, ведущих к формированию полноценной современной экономики, и что, по крайней мере, в южнокорейском варианте эти две стратегии тесно взаимодействовали, а не исключали друг друга¹⁴.

Как и в Японии, главной чертой южнокорейской модели являлась громадная роль государства в экономическом развитии страны. Оно фактически выполняло значительную часть тех функций, которые в странах первичной модели являлись функцией соответствующих прослоек класса буржуазии, в том числе и новую функцию искусственного "выращивания" капиталистов. К числу этих функций российский востоковед Н. Симония относит:

- плановое управление экономическим развитием;
- кредитно-финансовая монополия;

- контроль над внешней торговлей и внешним финансированием экономического развития Южной Кореи;

- формирование частного бизнеса, и главное - формирование корейских монополий - чеболов, которым правительство обеспечивало льготные кредиты, субсидии, льготное налогообложение, требуя от них строгого следования указаниям правительства относительно специализации и товарной номенклатуры, ценовой политики и т. д.¹⁵.

Реформы начались и продолжались под руководством правительства через государственное планирование. Задачи и курс реформ были сформулированы в первом пятилетнем плане экономического развития на 1962-1966 гг., в котором четко прослеживалась стратегия экспорт ориентированной индустриализации. Структурная реорганизация предусматривала решительный поворот от аграрной экономики к современной экономике обрабатывающей промышленности и экспортной торговли. На первых ступенях индустриализации модернизировались традиционные для Южной Кореи отрасли легкой промышленности, особенно текстильной. Самыми высокими темпами развивались тяжелая и химическая промышленность, производство машин и оборудования, электроника, судостроение, автомобилестроение для внутреннего и внешнего рынка.

ВВП Южной Кореи возрастал следующим образом (в скобках указана величина ВВП на душу населения в долл. США): 1970 г. - \$8,1 млрд. (253), 1975 г. - \$20,9 млрд. (594), 1980 г. - \$60,6 млрд. (1 597), 1985 г. - \$91,1 млрд. (2 242), 1990 г. - \$251,8 млрд. (5 883), 1995 г. - \$451,7 млрд. (10076).

Во внешней торговле во много раз увеличился объем южнокорейского экспорта - с \$30 млрд. 283 млн. в 1985 г. до \$128 млрд. 058 млн. в 1995 г. Ведущее положение в экспорте занимают машинное и транспортное оборудование - \$65,7 млрд. в 1995 г. промышленные товары - \$40,8 млрд. химические и связанные с ними продукты - \$8,94 млрд.

В результате проведенных преобразований изменилась структура хозяйственного комплекса Южной Кореи и структура ее трудовых ресурсов. Так, доля сельского хозяйства, рыболовства и добывающей промышленности в общей хозяйственной структуре снизилась с 34,8% в 1966 г. до 23,5% в 1976 г. и 6,6% в 1995 г. Доля работающих в этих отраслях среди всех занятых уменьшилась с 50,4% в 1970 г. до 34% в 1980 г., 17,9% в 1990 г. и 12,5% в 1995 г. Доля интенсивно развивающихся обрабатывающих отраслей в хозяйственной структуре страны возросла с 20,5% в 1966 г. до 27,2% в 1995 г. Доля работающих в них среди всех занятых увеличилась с 14,3% в 1970 г. до 22,5% в 1980 г. и 23,5% в 1995 г. Доля третичных отраслей в структуре хозяйства страны увеличилась с 44,7% в 1966 г. до 66,2%

в 1995 г. А удельный вес занятых в них среди работающего населения возрос с 35,3% в 1970 г. до 43,5% в 1980 г., 54,5% в 1990 г. и 64,0% в 1995 г.¹⁶.

Быстрый и стабильный подъем экономики Южной Кореи осуществлялся до 1988 г. Затем, особенно с 1989 г., появились серьезные трудности. Замедлился экономический рост, возросла инфляция, уменьшился баланс платежей, увеличился внешний и внутренний долг, обнаружилось предпосылки возникновения "японской болезни" - значительное количество невозвратных кредитов и большой удельный вес краткосрочных займов во внешнем долге страны¹⁷. Это явилось результатом разбалансирования и деградации системы конкурентных отношений, что в свою очередь было обусловлено растущей неэффективностью управления со стороны правительства, погрязшего в коррупции и бюрократизме. К этому добавилось значительное ослабление действия таких ранее благоприятных факторов, как низкие цены, соответствующая требованиям современной технологии квалификация труда, не говоря уже об усилении враждебности международной экономической среды.

Централизованное управление отраслями крупного предпринимательства, политика экспортной индустрии создали коррумпированную структуру, приведшую к усилению власти бюрократии и слиянию интересов государства и бизнеса, что нашло воплощение в создании чеболов - крупных финансово-промышленных групп¹⁸.

Вступивший в 1993 г. в должность нового Президента Республики Корея Ким Ён Сам как одну из первоочередных задач провозгласил политику оживления и подъема народного хозяйства, выдвинув новую экономическую парадигму, названную "новая экономика". В главных чертах эта парадигма предусматривала искоренение коррупции среди чиновничества и других слоев корейского общества, стимулирование национального хозяйства и восстановление дисциплины.

Однако все карты спутал именно президент Ким Ён Сам, который нарушил сложившиеся "правила игры", инициировав кампанию расследований против коррупции в южнокорейском обществе. Жертвам кампании пали оба бывших президента, генералы Пак Чжон Хи и Ро Дэ У. Кроме того, выяснились факты существования секретных фондов поддержки политических деятелей, финансируемых, естественно, чеболами. Серьезность намерений Ким Ён Сама по оздоровлению общества привели к длительным срокам заключения для обоих опальных президентов. Пострадали вплоть до тюремного заключения и лидеры некоторых чеболов. Поскольку все это проходило на фоне уверенного экономического роста Южной Кореи середины 90-х годов, последовавшее за процессом против президентов некоторое охлаждение отношений между чеболами и государством не имело серьезных последствий¹⁹.

Эти последствия стали очевидными позднее, когда в результате принятых в первой половине 90-х годов мер по "открытию" южнокорейской экономики²⁰ страна вступила на грань экономического кризиса. Как сообщило южнокорейское управление по контролю над инвалютой, на конец 1996 г. внешний долг Южной Кореи превысил \$110 млрд. и составил 23% ВВП. Общий размер внешних займов вырос на 41,6% по сравнению с 1995 г. и к концу 1997 г. достиг \$140 млрд., превысив 27% ВВП. Крупнейшие корпорации Южной Кореи обанкротились, и государство было вынуждено принять ряд мер, направленных на реформирование чеболов, принятие режима жесткой экономии и реструктуризацию экономики страны.

Другой пример "догоняющего развития" являет собой Индонезия. Процесс экономических преобразований в которой, в отличие от Японии и даже Южной Кореи, не сопровождался соответствующей демократической модернизацией. Более того, еще первый президент Республики Индонезия Сукарно считал, что практикуемая на Западе демократия разделяет общество, в то время как Индонезия нуждается в единстве, что европейский либерализм не соответствует индонезийской культуре, в которой подчеркивается иерархия, но равенство, консенсус, но неразделенность в обществе. Глубоко стратифицированное индонезийское общество сохраняет свое единство благодаря отношениям "бандк-анакбуах" - "патрон-клиент"²¹.

В основных своих чертах эту идеологию унаследовал и второй президент Республики Индонезия Сухарто, дополнив ее концепцией так называемого "нового порядка", в рамках которого, по справедливому замечанию У. Касенова, "доступ к экономическим благам был возможен в обмен на политическую лояльность". Принадлежность к "клану Сухарто" стала залогом экономического процветания отдельных фирм и материального благополучия руководителей.

Однако нельзя сказать, что "режим Сухарто" был лишен каких бы то ни было позитивных характеристик. Напротив. Сухарто получил в наследство страну с разрушенной сомнительными экспериментами экономикой, конфронтацией с внешним миром, гигантским внешним долгом, инфляций в 600% в год, дефиците всего самого необходимого, доходом на душу населения в \$60. Среди безусловных достижений режима следует признать, что ему удалось вывести страну на передовые рубежи в Юго-Восточной Азии. Сухарто начал действовать в стиле народной мудрости: "Прежде чем украшать свое гнездо, накорми птенцов". Доходы на душу населения за три десятилетия возросли в 15 раз (\$1021 в 1997 г.), ежегодный рост экономики составлял не менее 5%, за чертой бедности в настоящее время живут в три раза меньше индонезийцев, чем прежде. В страну хлынул поток иностранных инвестиций, причем 65% все

отечественных и зарубежных инвестиций были вложены в производство готовой продукции и способствовали увеличению занятости и развитию отдаленных бедных районов.

В обмен Сухарто получил неоспоримую власть и, главное, карт-бланш на обустройство детей, родственников и друзей. Уже к середине 80-х годов в Индонезии "официальное" и "личное" переплелось столь тесным образом, что к стране вполне стала применима формула: говорим "первая семья" - подразумеваем бизнес, говорим "бизнес" - подразумеваем первую семью²³. Протекционизм в отношении "клана Сухарто" и привел страну сначала к финансово-экономическому, а в апреле 1998 г. и к политическому краху. Неумные аппетиты "клана" заставили государство "жить в долг". Объем внешних заимствований (\$136 млрд.) почти сравнялся с суммой иностранных инвестиций (\$141 млрд.). При этом собственно правительственная задолженность составляет \$52,3 млрд., частного сектора - \$65 млрд. и еще \$15,3 млрд. числятся в виде ценных бумаг и долговых обязательств, выраженных в индонезийской валюте.

Пока поступали новые займы, производство развивалось. Но это не могло развиваться бесконечно, настала пора платить по старым счетам. Только в прошлом году на погашение и обслуживание внешнего долга были истрачены примерно \$21 млрд.

С учетом продолжающегося падения курса рупии²⁴ и решительного протеста МВФ о введении "жесткой увязки" курса рупии к курсу доллара (кстати говоря, вполне обоснованного²⁵), сворачивания в результате нехватки оборотных средств отечественного производства финансовая пропасть, в которой оказалась Индонезия, становится еще шире. Экономика страны не смогла одновременно удовлетворять и растущие потребности 200-миллионного населения, и непомерные аппетиты "клана Сухарто".

Подводя итог анализу этих трех главных моделей "догоняющего развития", можно отметить, что долгое время казавшиеся незаметными из-за стремительного роста проблемы, вдруг для всех стали очевидными. Сегодня эти модели действуют уже не столь четко. Япония силится выйти из продолжающейся пять лет стагнации. Переживающая резкий спад по основным статьям экспорта Южная Корея задается вопросом, неужели проходит то время, когда она являлась промышленным генератором. В Сингапуре и Таиланде, где фондовые биржи пережили кризис и ожидается снижение темпов роста, плановики хотели бы знать, располагают ли еще эти страны рабочими и управленческим персоналом, необходимым и для того, чтобы сделать следующий рывок в наукоемкие отрасли производства. В Индонезии наблюдается почти полный экономический и политический крах. Почти в каждой стране торговые балансы

ухудшились, и прогнозы насчет роста уменьшены почти на два процента. И ответ на вопрос: почему это произошло, представляется весьма актуальным.

Как нам представляется, главные истоки возникновения кризиса Юго-Восточной Азии, а также препятствия для дальнейшего поступательного экономического развития видятся следующим образом:

- регион оказался перегружен в таких отраслях, как автомобилестроение, производство полупроводников, бытовая электроника и химическое производство, страны региона начали конкурировать в экспорте данных товаров по сути между собой;

- капитал слишком часто направлялся в государственные компании или частные конгломераты, находящиеся под протекторатом государства, которые не соизмеряли аппетиты внешних займов с собственными возможностями, что порождало так называемый "японский синдром", связанные со стремительным увеличением невозвратных кредитов. Мелкие и средние предприятия, составляющие "второй эшелон" экономики, испытывали острую нехватку средств и фактически не развивались;

- узкие рынки рабочей силы толкали к повышению заработной платы, тогда как растущие изобилие увеличивало спрос на товары и жилье; не обеспеченные адекватным производством, эти потребности вели к увеличению внутреннего государственного долга;

- широко распространившаяся коррупция стала одной из основных примет экономики этих государств; мешая малому и среднему предпринимательству, она способствовала расширению государственного протекционизма, nepотизма, росту внешнего и внутреннего долга, отпугивала некоторых иностранных инвесторов и привела к изъятию иностранных капиталов из экономики страны;

- существуют и внешние причины. Замедление темпов европейской экономики и сопротивление некоторых государств Севера проникновению на их национальные рынки азиатской продукции затруднили сохранение высокого уровня экспорта для Юго-Восточной Азии, что существенно ограничило валютные поступления в их экономику, а также их возможности заплатить по старым счетам.

Нельзя не обратить внимания и на изменения, произошедшие в системе управления потоком мировых капиталов. По-новому на историю с "внезапностью" кризиса позволяет взглянуть выступление 6 июня 1997 г. директора-распорядителя МВФ М. Камдесса сформулировавшего проблему назревших перемен более чем определенно: "До сегодняшнего момента мандат МВФ был ограничен лишь задачами текущих платежей, а не движением капиталов. Сейчас... предстоит открыть новую главу в незавершенном Бреттон-Вудском договоре, а именно, ввести поправку, прямо призывающую МВФ содействовать либерализации движения капиталов

предоставляющую нашему Фонду надлежащие полномочия для надзора за ограничениями на движение капиталов. ...Не побоюсь сказать, это будет исторический шаг!" В середине декабря 1997 г., то есть как раз в разгар кризиса, 100 стран - участниц ВТО после очень трудных переговоров подписали новое международное соглашение о либерализации финансовых рынков. Отныне споры, возникающие по вопросам движения финансовых капиталов, будут разрешаться специальной комиссией ВТО, которая и будет решать, какие санкции применять к нарушителю и заодно обеспечивать всеобщность их исполнения всеми странами - участницами соглашения. Частные компании приобретают юридически закрепленные политические права, становясь истинными "гражданами мира". По общему признанию за этим, в первую очередь, стоят интересы крупнейших транснациональных компаний, стремящихся преодолеть национальные границы и вывести себя из-под национальной юрисдикции какого-либо государства. Совпадение двух событий - объявления о начале нового этапа управления мировыми финансами и кризиса в Азии - дает большой соблазн считать последний чем-то большим, нежели простой случайностью²⁶.

То, что основной удар кризиса пришелся по наиболее крупным странам азиатского региона, закономерно. Бурный рост в странах Восточной Азии в прошлые годы традиционно приписывался их агрессивной промышленной политике и могущественным финансово-промышленным группам, получавшим поддержку со стороны государства. Концентрация "политической воли" и экономических ресурсов в руках элиты этих стран с некоторого момента стала представлять собой угрозу глобального характера.

Как все началось

Можно по-разному оценивать причины возникновения финансовых кризисов, периодически имеющих место в различных регионах мира, искать пороки моделей "догоняющего развития", обусловившие их возникновение, обвинять конкретные страны и даже конкретных лиц в их интенсификации, но вряд ли это поможет понять их истинную подоплеку. По-видимому, прав Г. Киссинджер, когда говорит, что "частое возникновение финансовых кризисов свидетельствует о структурной, а не о региональной природе этой проблемы". У каждого кризиса было три общие черты: неадекватная экономическая политика стран-должников, чрезмерная возможность получать кредиты и внезапное изменение политики США или рынков, не подлежащее контролю страны-должника²⁷.

Глобализация экономической жизни, жесткие правила мирового разделения труда, ограниченность рынков сбыта, стремление получать наибольшую прибыль за счет экспорта высокотехнологической продукции и перенасыщение этой продукцией рынков сбыта,

\$30 млрд., почти иссяк, поставив под сомнение способность страны выплатить огромный (\$100 млрд.) внешний долг, значительная часть которого подлежит выплате в этом году.

Дополнительным фактором возникновения кризиса явилось, находящееся вне пределов азиатского контроля, неожиданное повышение курса доллара США в 1995 г., падение курса иены и девальвация юаня. Свою лепту в процесс катализации цепной реакции финансовой паники во всей Азии внесло и значительное увеличение налогов, введенное Рютаро Хасимото в апреле прошлого года. Через несколько недель после этого японская экономика, которая только начинала выходить из семилетнего спада, пережила крах потребительского спроса, деловых инвестиций и импорта, который мог бы предсказать любой начинающий экономист. Что еще хуже, рост налогов побудил мощные промышленные компании Японии выбросить на азиатские и мировые рынки по демпинговым ценам товары, которые они не могли продать на местном рынке, - политика по принципу "разори соседа" начала действовать.

К июлю все последствия налоговой политики Р. Хасимото стали очевидны в потоке мрачных экономических показателей, порочный круг завершил свой закономерный виток: начала исчезать уверенность в биржевом рынке Японии и неправильно управляемой банковской системе; курс иены по отношению к доллару упал, вызвав эффект домино и девальвацию валют азиатских соседей Японии, что привело к еще большим потерям для японских банков, дальнейшему спаду на японском биржевом рынке и новому витку порочного круга.

И дело не только в том, что государства ЮВА в той или иной мере явились последователями "японской модели" экономического развития, как мы видели, это не везде было так. Дело в той экономической политике, которую начала проводить Япония в целях преодоления экономического кризиса в собственной стране и ее возможностях, хотя, может быть, и ненамеренно³¹, но оказывать сильнейшее воздействие на финансово-экономические системы стран региона. Экономическое доминирование Японии в Азии гарантирует, что спираль будет закручиваться, пока Хасимото не объявит о явном изменении своей налоговой политики. Пока японское правительство продолжает идти на риск экономической депрессии, мало надежды на стабилизацию в Индонезии, Кореи или Гонконге, независимо от того, будут ли их правительства подчиняться инструкциям МВФ и являются ли их экономики "международно конкурентоспособными" и "здоровыми в своей основе".

Паника в Индонезии происходила по той же схеме, что и в Таиланде, хотя она вскоре усугубилась политической нестабильностью. Экономический кризис там, может быть, и не возник бы, если бы не спекулятивная реакция на события в Таиланде. Но, когда она началась, местные инвесторы и иностранные фонды проявляли еще большую

нервозность из-за особых условий в Индонезии, связанных с приближающимися президентскими выборами. Национальная валюта Индонезии в течение нескольких месяцев подешевела по отношению к доллару в четыре раза, и, несмотря на принятые меры, продолжает падать. Местные компании и частные лица перевели в зарубежные банки более \$80 млрд. Внешний долг частных компаний страны приблизился в конце 1997 г. к \$65 млрд. Валютные резервы сократились до \$16,33 млрд. на конец февраля 1998 г. с \$28,85 млрд. в июне 1997 г.³²

В дополнение к проблеме безнадежных кредитов японских заимодавцев у банков в Индонезии, Малайзии, на Филиппинах, в Таиланде и Сингапуре накопилось безнадежных займов на общую сумму \$73 млрд. - сумму равную 13% всей продукции экономики этих стран.

Стремительное падение обменного курса по отношению к доллару в конце прошлого и начале нынешнего года, необычайно быстрый рост цен - до 300% в январе - феврале на основные виды продуктов и товары первой необходимости, включая керосин, при остающейся без изменений зарплате взбудоражили обездоленные мусульманские массы. "Народный гнев", подогретый призывами мусульманских проповедников развернуть "джихад" ("священную войну против спекулянтов"), сопровождался разграблением товаров и имущества³³. С февраля Индонезию сотрясали студенческие демонстрации, которые в апреле достигли своего апогея и стоили президенту Сухарто его кресла. И хотя преемником Сухарто стал его любимец Юсуф Хабиби, занимавший до этого пост вице-президента страны, для "клана Сухарто" наступили мрачные времена.

Опасаясь обвинений в nepотизме, Хабиби не включил в состав сформированного им правительства дочь Сухарто Сити Хардианти Рукмана (Татут) и партнера Сухарто по игре в гольф Мохаммада Хасана, тут же отправил в отставку друга Татут Хартоно, занимавшего пост министра внутренних дел, был смещен с должности командующего стратегическим резервом зять Сухарто Прабово Сибианто, младший сын Сухарто Томи был освобожден от высокой должности в ПТ Тимор Путра Насиональ.

Однако основные последствия финансового краха, как ожидается, еще впереди. Если Индонезия не выдержит спекулятивного натиска и система "лопнет", то, как предупреждают некоторые западные экономисты, архипелагу грозят чудовищные экономические последствия. В этом случае прогнозируется рост ставок банковского процента от 50 до 100%, чтобы удержать владельцев рупий от желания поменять их на доллары. Это, в свою очередь, вызовет в течение года катастрофическое - на 15% - сокращение объема индонезийской экономики, возможный обвал рупии до 25 тыс. единиц за доллар США, фактическую остановку всего производства, дальнейший рост

естественная конкуренция стран-экспортеров - вот неполный перечень причин, создающих условия для возникновения финансовых кризисов²⁸. До тех пор, пока экономика и финансовая сфера стран "догоняющего развития" оставались относительно закрытыми, а национальная валюта не являлась свободно конвертируемой, перепады на мировом рынке не оказывали существенного влияния на эти страны. Как только происходит открытие экономики, национальная валюта "привязывается" к твердым валютам развитых стран, так национальный рынок оказывается под воздействием конъюнктуры мирового рынка. С увеличением доли транснациональных предприятий в экономике стран "догоняющего развития" они становятся более тесно интегрированы в мировой экономический порядок. С учетом же того обстоятельства, что в качестве основы "догоняющего развития" принимается стратегия экспортной ориентации, зависимость от основных мировых рынков - США, Японии и Европейского союза - становится еще более значительной, поскольку замедление темпов экономического развития в этих странах и необходимость противодействия потенциальным конкурентам затрудняют сохранение высокого уровня экспорта для них. В этом смысле экономическая политика США, Японии и стран Европейского союза ответственны за непрекращающуюся цепную реакцию падения национальных валют в странах Юго-Восточной Азии. Это, во-первых,

Во-вторых, происшедший финансовый взрыв неотделим ни от общей ситуации перепроизводства (особенно в экспорт ориентированных областях), ни от мировой задолженности, сумма которой достигает \$32 триллионов. Экономика стран-членов АСЕАН, в которой доминирует финансовый капитал, функционирует в какой-то мере как продолжение 200 крупнейших компаний, господствующих на планете. Важнейшие решения в области инвестиций и производства, касающиеся этих стран, принимаются административными советами многонациональных компаний. Могущество этого транснационального комплекса проявляется, в частности, через присутствие японских фирм, которые сами почти полностью находятся под контролем 15-20 финансово-промышленных объединений²⁹.

Есть и третий аспект этого финансового кризиса. Все страны Юго-Восточной Азии в 90-х годах привлекали значительные иностранные инвестиции³⁰. Многие из этих инвестиций повысили экспортный потенциал и тем самым помогали создать главный механизм долгосрочного роста. Однако в середине 90-х годов все большая доля иностранных средств, по-видимому, направлялась на спекулятивные инвестиции на рынках недвижимости. После дерегулирования финансовых рынков во многих странах коммерческие банки начали заимствовать доллары за границей и кредитовать местных строителей недвижимости. Когда банки давали эти займы в местной валюте, они рисковали стать жертвами снижения валютных курсов, поскольку

ценность таких займов снижалась относительно ценности их долларовых заимствований. Однако, даже когда внутренние займы на строительство недвижимости давались в долларах, банки все равно шли на риск, поскольку местные строительные организации не могли выплатить займы, выданные в долларах, в случае ослабления местной валюты. Условия фиксированных валютных курсов создавали (ложную) уверенность у финансистов, идущих на такой риск. Таким образом, когда рынки собственности ослабели в 1996 г. и валюты обесценились в 1997 г., банки оказались под двойным ударом недействующих займов и многоликой неплатежеспособности, а основная нагрузка легла на банки основного заемщика - Японии, породив так называемый "японский синдром".

Японская банковская система натолкнулась на стену, когда цены на акции и собственность начали рушиться в 1990 г. и с тех пор никак не могут подняться. И вот теперь этот недуг распространяется на всю Восточную Азию. Оказалось, что от Сеула и Токио до Тайбэя и Бангкока кредиторы предоставили примерно \$660 млрд. реально нефункционирующих займов, выданных переоценившим свои возможности строительным фирмам, убыточным государственным предприятиям и задолжавшим корпорациям с политическими связями.

Кризис в Таиланде отлично показывает всю вышеперечисленную гамму обстоятельств. На макроэкономическом уровне Таиланд проводил в большинстве случаев правильную политику при низкой инфляции, сбалансированном бюджете, высоком уровне сбережений и обратимости валюты. Тайскую валюту - бат - Центральный банк сначала привязал к твердым валютам "семерки", затем - к доллару США. Это гарантировало от девальвации, и в Таиланд хлынул капитал из внешнего мира. Этот поток увеличился, поскольку тайские заемщики имели возможность использовать разрыв между тайскими и американскими процентными ставками, беря займы в долларах в Америке и конвертируя их в баты в тайских банках по более высоким ставкам, что давало возможность получать большие случайные прибыли. Таким образом стоимость активов и цен акций поднялась до неприемлемых размеров, тогда как делалось слишком много неразумных инвестиций.

По мере того как азиатский экспорт становился все менее и менее конкурентоспособным и азиатские балансы по текущим операциям сводились с дефицитом, приток капитала в Таиланд прекратился. Цены на недвижимость начали падать, стоимость залога в банках подскочила вверх, и иностранные инвесторы и банки начали изымать свои фонды. Это превратилось в неуправляемый поток, когда тайские заемщики принялись обменивать свои баты на доллары. В течение нескольких недель тайский запас иностранной валюты, составлявший

безработицы. Согласно имеющимся оценкам, число безработных к концу текущего года может возрасти с нынешних 5-6 до 13 млн. человек.

Таким образом, крах валют в странах Юго-Восточной Азии, который начался в Таиланде, был неизбежным следствием длительного периода крупных дефицитов текущих статей платежных балансов и неправильной попытки Таиланда, Индонезии, Малайзии и Филиппин сохранять финансируемые обменные курсы своих валют в отношении доллара США. Текущий дефицит Таиланда, который состоит из суммы его торгового дефицита и процентов по его зарубежным обязательствам, с 1990 г. превышал 4% ВВП страны, а это означало, что Таиланд должен был каждый год привлекать такую же сумму иностранного капитала. Такие крупные дефициты по текущим статьям неизбежно привели к резкому понижению стоимости местной валюты, когда иностранные кредиторы и местные инвесторы забеспокоились о том, что заемщик не сможет обслуживать свои долги. Крупный дефицит текущего счета Таиланда сохранялся удивительно долгое время, поскольку кредиторы верили, что Таиланд, возможно, отличается от других стран, так как значительная часть капитала поступала в качестве прямых инвестиций японских промышленных компаний и займов от связанных с этими компаниями банков. Кредиторы также черпали свою уверенность из того факта, что в Таиланде был высокий уровень сбережений, а государственный бюджет имел положительное сальдо, считая, что дефицит по текущим статьям отражает исключительно высокий уровень деловых инвестиций, а не расточительность правительства или потребителей. Но главная причина, почему иностранные фонды продолжали поступать в Таиланд, а местные фонды оставались в стране, заключалась в сочетании относительно высоких процентов ставки на депозиты в тайландских батах и обещаний, что курс бата будет оставаться на прежнем уровне.

Однако фиксированный курс бата по отношению к доллару оказалось невозможным удержать. Нажим в пользу девальвации бата усиливался в 1996 и 1997 гг., когда курс японской иены по отношению к доллару снизился на 35%. Поскольку Япония является главным торговым партнером Таиланда, резкое повышение курса доллара (а значит, и бата) по отношению к иене сделало тайландские товары более дорогими, а, следовательно, и менее конкурентоспособными и предвещало еще больший торговый дефицит в будущем. Иностранные спекулянты, а также отечественные инвесторы начали продавать бата.

Крах тайландской валюты распространился на Индонезию, Малайзию и Филиппины, поскольку финансовые инвесторы стали беспокоиться по поводу большого дефицита текущих счетов этих стран и их высокого соотношения между иностранными долгами и местными

ВВП, ослабления их конкурентоспособности в торговле. В результате возникшей паники из стран Азии отхлынуло \$105 млрд. По данным экспертов, только за ноябрь-декабрь 1997 г. из региона ушло более 20% иностранного капитала и около 12% местного.

Прошедший 1997 г. нанес тяжелейший удар и по Южной Корее - стране, чья экономика занимала до этого 11-е место в мире, а объем ВВП на душу населения достигал \$10 тыс., и которая, казалось, вот-вот уверенно войдет в десятку мировых держав.

Проблема Южной Кореи не связана с завышенным курсом обмена ее валюты и чрезмерным дефицитом текущего баланса. Курс южнокорейской воны в последние годы не фиксировался, но постоянно приспособлялся, чтобы поддерживать конкурентоспособность Южной Кореи. Одной из составляющих кризиса стал крах рынка полупроводников, которые были одной из важных статей экспорта Южной Кореи. Он привел к тому, что дефицит текущих статей увеличился с 1,7% ВВП в 1995 г. до 4,7% в 1996 г. К середине 1997 г. он уже опустился обратно - до 2,5% ВВП и должен был понизиться еще больше, но к этому времени вступил в действие другой фактор.

Корея попала в беду в середине 1997 г., потому что ее деловые и финансовые институты наделали краткосрочных иностранных долгов, которые намного превышали запасы Кореи в иностранной валюте. По подсчетам американских коммерческих банков, краткосрочные долги Южной Кореи составили к октябрю 1997 г. \$110 млрд., что в три раза превышало резервы иностранной валюты этой страны. В условиях, когда инвесторы нервничали относительно положения развивающихся рынков вообще и в Азии в особенности, не было ничего удивительного в том, что южнокорейская вона стала объектом атаки

Волна банкротств, которую в январе прошлого года спровоцировал обвал концерна "Ханбо", усилилась падением таких крупных бизнес-групп, как "Самми", "Дайнон", "Киа", "Санбануль", "Тэиль", "Хэтхэ", "Чинро", "Саньен моторс", "Халла", "Мандо", "Чхонго" и многих других.

Нашумевшее в начале декабря падение группы "Халла" и ее филиала "Мандо машинери", нанесшее удар по судостроению и, особенно, по автосборочным заводам страны, оказалось в итоге лишь каплей в море. Вслед за ними рухнули фармацевтическая компания "Самсунг якпхум", книжное издательство "Кемонса" и два крупных кожевенных концерна: "Капаччи", объединявшего 20 производителей и задолжавшего около миллиона долларов, а также "Тэхон" (\$610 тыс.). Список продолжили четвертая по величине в Южной Корее страховая фирма "Тонсо" (86 филиалов в стране и за рубежом, \$320 млн. долгов) и маклерский дом "Корио".

Рекордсменом по числу банкротств оказался декабрь прошлого года, когда стало известно, что взамен финансовой помощи МВФ жестко требует проведения реструктуризации экономики,

реформирования крупных семейных корпораций. Тогда только в Сеуле объявили о своей несостоятельности 1.226 корпораций и фирм. Это в два раза больше, чем в октябре (560) и в ноябре (568). А по всей стране в декабре стали банкротами свыше трех тысяч компаний (1.469 в ноябре) - в среднем за сутки по 45 компаний в Сеуле и по 100 фирм - в масштабах страны.

Высокому количеству банкротств способствовала лихорадка на южнокорейской бирже, где совокупный индекс курса акций (КОСПИ) в среднем "нырял" в течение года на 441,61 единицы - с 792,29 до уровня в 350,68 пункта. Недостаток свободных денег в стране и падение обменного курса воны к доллару привели к тому, что на краю банкротства оказались даже некоторые университеты и колледжи страны, задолжавшие частным ростовщикам. Многие университеты, позаимствовавшие у Мирового банка от 500 тыс. до миллиона долларов на приобретение за рубежом новейшего оборудования для своих лабораторий и лекционных залов.

Если задаться вопросом о причинах краха таких крупных гигантов, как "Ханбо", "Киа" или, например, "Тэиль пресижн", чей ежегодный оборот совсем недавно превышал один триллион вон (более \$1 млрд.), то причин здесь несколько. Первая и главная в том, что все банкроты стали жертвами сложившейся практики функционирования финансово-промышленной системы и протекционистской политики государства по отношению к чеболам. Отсюда второй фактор, связанный с привычкой чеболов чрезмерно полагаться на все новые и новые займы для финансирования своей агрессивной деловой экспансии в зачастую неизведанные для них области бизнеса.

Другими словами, нынешние проигравшие сейчас расплачиваются за то, что играли слишком быстро и неосмотрительно и оказались вынужденными расплачиваться непомерными для производства суммами в результате того, что займы брались на короткие сроки и под высокие проценты³⁴. По имеющимся данным, у Южной Кореи в конце прошлого года насчитывалось от \$65 млрд. до \$70 млрд. краткосрочных иностранных займов, выплаты по которым должны быть произведены в течение года, а у центрального банка инвалютный запас составлял всего \$30 млрд³⁵.

Другую проблему в регионе являет собой Япония. Будучи крупнейшим экспортером капитала в мире, она слишком велика и слишком богата, чтобы нуждаться в деньгах МВФ. Но Япония на грани распада, растет число банкротств корпораций, и биржевой индекс Никкей снижается до уровня, который чреват большими потерями для акционеров японских банков, брокерских и страховых компаний. Депрессия во второй экономической державе планеты продолжается уже восемь лет, и ситуация, по мнению большинства экспертов, пока не имеет заметной тенденции к улучшению.

Состояние внутреннего потребительского рынка современной Японии очень сложное. Всюду господствуют мрачные настроения, и доверие потребителей подорвано. Падение потребительского спроса в сочетании с сокращением государственных инвестиций тяжело ударило по корпорациям, доходы которых резко упали.

Но более неотложной проблемой остается состояние финансовой индустрии. Положение японских банков, у которых накопилось непогашенных займов на несколько сотен миллиардов долларов вследствие краха цен на земельные участки в конце 80-х годов, остается шатким. Прекратила существование Yamaichi Securities - фирма со столетней историей, одна из "большой четверки" брокерских компаний Японии. Банкротство Yamaichi - свидетельство углубления кризиса в финансовом секторе Японии, который длится уже седьмой год. Спекулятивный бум оставил в наследство массу так называемых плохих (то есть с минимальной надеждой на возврат) долгов.

Плохие долги японских банков в начале этого года оценивались минимум в \$200 млрд. Обеспечением большинства плохих долгов служат закладные на земельные участки, цена которых сейчас в среднем на 70% ниже, чем в конце 80-х годов. Возникла угроза не возврата еще целой серии кредитов (на сумму \$150-270 млрд.), предоставленных японскими банками заемщикам из ЮВА. Таким образом, общая стоимость разрешения японского банковского кризиса может составить до \$500 млрд., или около 11% ВВП Японии³⁶.

Следствие плохих долгов - низкие кредитные рейтинги банков, что обуславливает высокие проценты по ссудам на международном кредитном рынке для японских заемщиков и ухудшает их показатели прибыльности. Это ведет к дальнейшему падению котировок банковских акций и уменьшению доверия инвесторов, оттоку капитала и дальнейшему понижению рейтингов. Круг замыкается.

Однако финансовые проблемы оказались неединственными. Сейчас, когда и нефинансовые компании также переживают большие трудности, Япония, возможно, вступает в порочный круг, в котором опасения насчет состояния ее банков и нефинансовых фирм усугубляют друг друга. Каждый день поступают все более мрачные известия. 3 апреля рейтинговое агентство "Мудиз" даже заявило о неуверенности в том, что Япония заслуживает своего высокого кредитного рейтинга.

В тяжелом положении находится также и производственный сектор. Из крупных автомобильных компаний, например, "Таёта" и "Хонда" являют собой поразительные исключения - они только что получили рекордные прибыли. Но другие - "Мицубиси моторс", "Ниссан" и "Мазда" - стоят на коленях, их долг колоссален.

Низкие продажи компьютеров и бытовых приборов внутри страны наряду с резким падением цен на дисплейные запоминающие устройства за границей подорвали положение больших электронных

групп Японии. Все три электрических конгломерата - "Хитачи", "Тосиба" и "Мицубиси электрик" - несут все растущие издержки на жестоко конкурентном рынке дисплейных запоминающих устройств.

Ожидаются и еще худшие известия. Промышленное производство сократилось на 3% в феврале. Потребители не расходуют деньги. Уровень безработицы поднялся до рекордных 3,6%. Ожидают, что в следующем году он достигнет 5,2%. Прибыли корпораций в финансовом году, закончившемся 31 марта, как полагают, снизились на 15%. "Мицубиси электрик корпорейшн", возможно, объявила об убытке в 1997 г. в \$680 млн. из-за слабого спроса на ее приборы и из-за неприятностей в ее отделении полупроводников. "Тосиба", видимо, также сообщит о том, что ее прибыли до уплаты налогов снизились на 64% - до \$77 млн. Алекс Кинмонт, стратег "Морган Стэнли" ожидает, что прибыли производителей сократятся на 30% в текущем финансовом году, а непроизводственных фирм - на 20%³⁷.

Имеется также реальная опасность того, что Японии грозит свой валютный кризис. Иена ослабела, как никогда, за два года. В июне этого года впервые за последние семь лет курс национальной валюты упал ниже отметки 140 иен за доллар США

Единственным светлым пятном остается экспорт, но и он не может быть решением вопроса. Даже если резкое увеличение экспорта было бы возможным (что сомнительно ввиду того, что промышленное производство переместилось за границу), такое экспортное наступление было бы невыносимым: никто в Японии не хочет новых торговых конфликтов с Соединенными Штатами и соседями по Юго-Восточной Азии, которые, для преодоления кризисной ситуации наверняка будут наращивать собственный экспорт.

Попытки решения проблем

Таким образом, в то время как мир восхищался успехами экономики "азиатских тигров", фактически эти успехи частично сводились к питаемой за счет долгов спекулятивной кампании строительства курортов с площадками для гольфа, многоэтажных офисных башен и роскошных кондоминиумов, которые все больше становились двигателем роста. Те деньги, которые все же попадали в производство, часто шли просто на сборку автомашин и электронной аппаратуры, лишь увеличивая глобальное перепроизводство этой продукции. Именно поэтому оценка причин возникновения финансового кризиса в Юго-Восточной Азии ведущими финансистами мира звучит почти одинаково.

По мнению бывшего представителя Франции в МВФ Марк-Антуана Омана, в странах ЮВА "произошел классический пример финансового перегрева. Причина его в аккумуляции непокрытых дефицитов в непрерывном наращивании инвестиций и одновременном задолженностей". Небывалый бум в экономике вызвал большой

интерес к Азии. Стало модно, престижно, прибыльно вкладывать сюда средства. Однако банковский сектор с устаревшей системой и методами ведения дел не сумел справиться с последствиями столь бурного развития экономики, и случился "перегрев" - взаимные многократные и многоступенчатые задолженности, необеспеченные кредиты, неподтвержденные обязательства всплыли при первых же требованиях их погашений.

По мнению председателя совета управляющих Федеральной резервной системы США Алана Гринспэна, нынешние невзгоды стран Юго-Восточной Азии - прямое следствие ряда совершенных ими политических ошибок. В частности, они допустили чрезмерное повышение курсов своих национальных валют, не смогли удержать под контролем торговый дефицит, потворствовали спекулятивным сделкам, загнавшим на нереальные высоты цены на недвижимость и котировки акций на фондовых биржах. В результате эти страны потеряли доверие как внутренних, так и международных инвесторов. Естественно, они не могли не поплатиться за это в условиях, когда "даже отдельные лица с помощью современной технологии способны в кратчайшие сроки осуществлять массированные финансовые операции" и когда стало возможным "нарастание убытков невиданными прежде темпами".

По мнению президента Всемирного банка Джеймса Вулфенсона, азиатский кризис отличается от латиноамериканского. Разница между ними в том, что в Латинской Америке до кризиса довела неверная правительственная политика, в Азии же правительства действовали умело, но не смогли удержать под контролем частный сектор, уверовавший в то, будто астрономические темпы развития можно поддерживать бесконечно.

Все они признают серьезность проблем, с которыми столкнулись страны Юго-Восточной Азии и эхо которых разнеслось по развивающимся рынкам всего мира. Все они предупреждают, что, если не принять безотлагательных и энергичных мер к преодолению последствий кризиса, он может распространиться за пределы региона и больно ударить по интересам наиболее развитых в экономическом отношении государств³⁸, включая США. Вместе с тем все они говорят и о том, что "курс лечения" предусматривает проведение реформ, жизненно необходимых самим пациентам и настоятельно рекомендуемых их западными партнерами. Этот курс невозможен без "горьких пилюль", прописанных МВФ. Покладистым "больным" гарантируется помощь в лечении в виде финансовых инъекций, в общей сложности превышающих \$100 млрд. Строптивым грозят отлучением от этого "лекарства", что чревато финансовой агонией.

Однако, как показали события середины-конца 1997 г., пораженные кризисом страны поначалу отнюдь не горели желанием пользоваться услугами заокеанских "эскулапов". Например, Южная Корея долго

искала альтернативные пути выхода из финансового тупика и даже предлагала учредить нечто вроде азиатского фонда взаимопомощи. Президент США Билл Клинтон отрядил уговаривать Сухарто известного американского политика и дипломата, бывшего вице-президента страны Уолтера Мондейла. Руководители и эксперты МВФ и МБРР также наперебой убеждали главу Индонезии в том, что жесткая привязка национальной валюты к курсу американского доллара - отнюдь не панацея. Малайзия вовсе отказалась от помощи МВФ, более того, премьер-министра Малайзии Махатхир Мохамад фактически обвинил развитые страны и, прежде всего США в интенсификации финансового кризиса в Азии, недвусмысленно намекнув, что они, опасаясь возрастающей конкуренции со стороны азиатских государств, проводят политику по принципу "разори своего соседа"³⁹.

И с этим выводом в определенном смысле можно согласиться, поскольку предложенная МВФ схема помощи странам ЮВА интересна тем, что Запад оказывает помощь странам Азии за счет ранее бежавших из региона капиталов, которые теперь возвращаются под защитой МВФ. Уйдя из страны как дешевые инвестиции, они были вложены по большей части в 30-летние государственные облигации США, в результате чего Америка получила самые дешевые деньги за последние десятилетия. Теперь же США и МВФ возвращают значительную часть финансовых активов в форме "стабилизационных кредитов" для пострадавших государств, но под беспрецедентно высоким процентом (доллар убегает из стран ЮВА, соглашаясь всего на 5-6% годовых в США, а возвращается в "страны с высоким кредитным риском", соглашаясь не меньше, чем на 30% годовых). При данной схеме основной долг ляжет на государство-получателя, и оно в итоге окажется выключенным из активной промышленной политики. Тем самым в этом регионе планируется полномасштабная смена экономических систем, главной задачей которой станет резкое ослабление роли государства в делах национальной экономики⁴⁰.

Тем не менее, нарастающий финансовый дефицит и надвигающийся экономический коллапс заставил большинство стран Юго-Восточной Азии принять условия МВФ. Таиланд был первой страной, прибегшей к финансовой поддержке МВФ. В ходе двух первых траншей МВФ Таиланд получил \$8,7 млрд., затем был получен кредит в размере \$1,9 млрд., а общая сумма финансовой помощи МВФ этой стране на сегодняшний день достигла \$22 млрд. Более того, в ближайшее время США планируют предоставить ему дополнительный кредит в сумме \$3-5 млрд.

В конце 1997 г. МВФ открыл кредитную линию на \$18 млрд. Индонезии⁴¹, выдвинув при этом ряд требований: демонополизацию, структурная перестройка экономики и реформирование банковского

сектора, принятие жесткого бюджета, отмена большинства действующих ранее ограничений в банковском и кооперативном секторе.

Однако возникшие разногласия с МВФ и неверие в финансовую политику руководства страны привели к стремительному обвалу рупии в январе 1998 г. и падению стоимости акций национальных компаний. Ситуация тут же была оценена МВФ, который дал понять Джакарте, что от ее готовности поступательно идти путем реформ и рекомендаций фонда зависит предоставление очередного транша. После нескольких визитов в страну официальных представителей МВФ и министерства финансов, совета национальной безопасности и Госдепа США президент Сухарто официально заявил о готовности Джакарты неукоснительно следовать их рекомендациям по проведению экономических реформ, о чем было составлено соответствующее соглашение между Джакартой и МВФ.

Как явствует из этого документа, Индонезии пришлось взять на себя ряд весьма серьезных обязательств. Основные положения согласованной программы заключаются в следующем:

- Макроэкономика: программа призвана предотвратить спад производства и сдержать инфляцию в этом году в пределах 20%, несмотря на резкое обесценивание рупии.

- Бюджет 1998/99 г. будет пересмотрен в соответствии с согласованными макроэкономическими показателями. По оценкам МВФ, это означает, что бюджет придется свести с небольшим дефицитом в размере примерно 1%.

- Финансовая транспарентность: счета фонда по восстановлению лесов и инвестиционного фонда будут включены в бюджет 1998/99 г.

- Госпроекты: средства должны расходоваться лишь на жизненно необходимые проекты⁴².

- Денежно-кредитная политика: должна оставаться жесткой до восстановления доверия к национальной валюте⁴³.

- Структурные реформы: программа предусматривает скорую отмену всех ранее действовавших ограничений⁴⁴.

Предписанные МВФ "лекарства" оказались достаточно горькими для Индонезии. 5 мая 1998 г. в соответствии с требованиями МВФ Индонезия была вынуждена сократить правительственные субсидии на топливо и электричество, а также увеличила цены на проезд в общественном транспорте. Это незамедлительно привело к росту цен на топливо и электричество, вызвав активизацию назревавшего недовольства. Ситуация накалилась до такого предела, что потребовала принятия срочных политических мер по ее локализации. Результат - отставка Сухарто и серьезное потеснение позиций его клана.

В декабре 1997 г. Сеул попросил у МВФ \$20 млрд. для восстановления положения в экономике. Именно эта сумма требовалась Южной Корее для погашения текущей задолженности

по краткосрочным иностранным займам и прекращения "бегства капитала" из страны. Поскольку общие иностранные долги Южной Кореи составляли всего около 30% ВВП, это явно был случай временной нехватки ликвидности, а не фундаментальной несостоятельности. Более того, поскольку дефицит текущего платежного баланса был очень небольшим и быстро сокращался, не было необходимости в традиционной политике МВФ, которая предусматривает сокращение государственных расходов, более высокие налоги и жесткие условия кредита⁴⁵.

Вместо этого МВФ организовал пул поддержки из официальных источников - МВФ, Всемирный банк, правительств США, Японии и некоторых других стран - на сумму \$65 млрд., для предоставления займа Южной Корее с тем, чтобы заемщики из частных корпораций смогли выполнить свои обязательства по иностранной валюте перед американскими, японскими и европейскими банками. В обмен на эти фонды МВФ потребовал провести фундаментальную реконструкцию южнокорейской экономики и осуществить спорную макроэкономическую политику, предусматривавшую повышение налогов, сокращение расходов и повышение процентных ставок.

По желанию МВФ Южная Корея должна обеспечить:

- непереносимое сокращение темпов экономического роста (1-2% вместо имеющихся 3%);
- снижение на 9% стоимости товаров;
- проведение реструктуризации промышленных и финансовых структур по схемам, предложенным МВФ (по прогнозам, прекратят свое существование 15-16 банков);
- долги обанкротившихся финансовых учреждений государство должно взять на себя (\$10 млрд.);
- проведение либерализации движения капиталов⁴⁶;
- проведение либерализации политики экспорта и импорта⁴⁷;
- крупные промышленные конгломераты должны потерять часть своей самостоятельности и будут вынуждены подчиняться воле специально организованных комиссий, которым представляется право решать их структурные и организационные вопросы;
- объявление запрета на предоставление займов в связи с банкротством предприятий;
- крупнейшим промышленным гигантам МВФ предлагает сократить количество производств, а в случае банкротства владельцы предприятий должны будут выплатить долги за счет продажи личного;
- государственный бюджет сокращается с \$50 млрд. до \$45 млрд.;
- численность госслужащих снижается на 20% (120 тыс. человек);
- гражданам страны предложено сократить личные затраты на 10-20%⁴⁸;

Программа МВФ выделила восемь структурных проблем южнокорейской экономики, которые, по мнению авторов программы, должны были быть пересмотрены. Иностранные инвесторы не должны приобретать южнокорейские предприятия путем скупки их акций или владеть контрольным пакетом акций в южнокорейских деловых предприятиях. Внутренние финансовые рынки Южной Кореи не должны быть полностью открыты для иностранных банков или страховых компаний. Импорт некоторых видов промышленной продукции все еще должен быть ограничен, особенно японских автомашин. Кроме того, МВФ заявил, что он предоставит кредит только в том случае, если Южная Корея приступит к реформированию системы чеболов и проведет реформу в сфере трудового законодательства, ликвидировав систему "пожизненного найма" рабочих и служащих.

Однако даже обещанный МВФ заем не повысил доверия к способности Южной Кореи оплатить долги, поскольку МВФ настойчиво подчеркивал, что эти деньги будут предоставлены только в том случае, если Южная Корея докажет, что она исполняет программу МВФ. Неудивительно, что после объявления программы, рейтинговые агентства понизили долги Южной Кореи до статуса "бросовых" облигаций. В результате к концу декабря, валютные резервы Южной Кореи почти исчезли, они сокращались темпами в \$1 млрд. в день.

Правительство США и МВФ поняли, что первоначальная стратегия провалилась, и договорились ускорить предоставление \$10 млрд. из ассигнованных займов для того, чтобы предотвратить банкротство. Федеральная резервная система США и другие крупные центральные банки обратились к ведущим коммерческим банкам и призвали их разработать скоординированную программу возобновления краткосрочных займов и реструктуризации более долгосрочных займов. Банки согласились пролонгировать займы, срок погашения которых наступал, и кризис был предотвращен.

Успех Южной Кореи, добившейся изменения сроков погашения своего 22-миллиардного долга после того, как МВФ предоставил ей в декабре в виде помощи в общей сложности \$58,5 млрд., вызвал чувство уверенности, что страна справляется с наихудшим финансовым кризисом. Не меньшую роль в укреплении этой уверенности играет и редкий патриотизм, проявленный гражданами этой страны, которые собрали в помощь государству около 50 тонн золотых украшений на сумму почти \$30 млрд.

Однако, как подчеркивают сами корейские экономисты, "самую большую опасность для экономической реформы представляет самодовольство". Истина в том, что Южная Корея еще не в полную меру взялась за решение структурных проблем своей экономики, включая обремененные долгами промышленные группы,

неплатежеспособные банки и растущую безработицу, несмотря на множество впечатляющих политических инициатив со стороны нового правительства.

Задолженность корпораций представляет крупнейшую проблему, поскольку она почти парализовала имеющую недостаточный оборотный капитал банковскую систему, когда в прошлом году увеличилось число случаев банкротств, вызвав кризис внешней задолженности. Совокупный корпоративный долг, по имеющимся оценкам, почти в два раза превышает валовой внутренний продукт.

Этот чрезмерно большой долг трудно обслуживать, поскольку экономика погружается в спад. Убытки корпораций, видимо, в этом году сильно возрастут после того, как зарегистрированные на фондовой бирже компании сообщили, что в 1997 г. их убытки в общей сложности составили 4,5 млрд. вон, несмотря на рост ВВП в 5,5%. Оказавшиеся в трудном положении конгломераты по-прежнему получают поддержку чрезвычайными займами, вместо того, чтобы позволить им обанкротиться. Почти 40% банковских кредитов за последние шесть месяцев были выданы в форме таких чрезвычайных займов.

Хотя, по официальным оценкам, не выплаченные займы в прошлом году составили примерно 6% от общей суммы кредитов, аналитики, используя более жесткие международные критерии, считают, что подлинная цифра по меньшей мере составляет 15% - и она может в этом году возрасти до 30%, если вновь произойдут крупные банкротства⁴⁹.

Под нажимом МВФ и иностранных инвесторов правительству Южной Кореи удалось принять некоторые законодательные акты, касающиеся проведения структурной реформы. Нынешний финансовый кризис в стране, вызванный в основном невыносимо крупными внешними и внутренними займами этих групп, предоставил правительству Ким Дэ Чжуна возможность сделать то, о чем его предшественники только вели разговоры, - сократить размеры системы чеболов. Еще до того, как официально занять пост президента, Ким созвал глав ведущих чеболов и заявил, что они должны быстро изменить свой образ действия. Среди его требований были требования о том, чтобы они сделали свои операции более прозрачными, публикуя общие финансовые отчеты, прекратили займы дочерним фирмам под гарантии активов других компаний в той же группе, стали более подотчетными перед держателями акций и радикальным образом уменьшили свои размеры путем продажи части бизнеса и сокращения расходов.

Однако, создается впечатление, что первый шок от финансового кризиса уже прошел, и наступает пора благодущия. Во всяком случае, несмотря на достаточно трудное положение, в котором оказались

крупные промышленные конгломераты Южной Кореи, их руководство считает его временным и не предпринимает усилий в реформировании самой системы чеболов.

В не меньшей степени южнокорейское правительство обеспокоено и ростом безработицы. "Узаконивание увольнений означает поворот в сторону "жесточкого" капитализма американского образца, заменяющего конфуцианский капитализм в Корею" с его обещанием обеспечения надежной работой", - говорят корейские аналитики. Правительство первоначально предсказывало, что безработица возрастет с 3,1% в декабре прошлого года до 6% в текущем году при потере 1,2 млн. рабочих мест. Однако когда в Южной Корею каждый месяц терпят банкротство свыше 3 тыс. предпринимателей и ежедневно теряют работу в среднем 10 тыс. человек, число безработных вскоре, как ожидают, достигнет, по самым скромным подсчетам, 2 млн., или почти 10% рабочей силы.

Это - серьезная проблема, которая может привести к социальным потрясениям. И хотя поддержка проводимых правительством реформ пока достаточно сильна, и, как показывают опросы общественного мнения, 65% опрошенных одобряют усилия в этом направлении, уже сейчас налицо и беспокоящие свидетельства сопротивления, такие, как бойкот импортных потребительских товаров.

Таким образом, главным действующим лицом в локализации финансового кризиса в Юго-Восточной Азии оказался МВФ, который действует в основном таким же образом, как он действовал в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе, настаивая на фундаментальных изменениях в экономических и социальных структурах в качестве условия получения его займов. Помимо этого, МВФ настаивает на проведении традиционного набора фискальных мер (повышение налогов и сокращение государственных расходов) наряду с ужесточением условий кредита (включая повышение процентных ставок), которые успешно применялись в Латинской Америке. Однако эти меры не всегда адекватны ситуации в странах ЮВА, именно поэтому эти страны из программ болезненных и всеобъемлющих реформ сделали вывод, что они должны избегать обращаться за помощью в МВФ. Именно так и поступает сейчас Малайзия, хотя условия в ней приблизительно такие же, как в Таиланде и Индонезии. В более общем плане жесткие условия программ приведут к тому, что будет трудно заставить какую-либо страну работать вместе с МВФ до тех пор, пока это не станет абсолютно необходимым.

Имея дело с банковским кризисом в результате резкого и неожиданного оттока фондов, МВФ действовал так, как если бы его непосредственной задачей было бы за несколько месяцев преодолеть слабость и коррупцию правительственных структур и разрушение институтов, существующих многие десятилетия. В некоторых странах

ЮВА программа экономии, предложенная МВФ, вызвала фактическое прекращение основной торговли. Жизнеспособные компании в жизнеспособных отраслях экономики подтолкнули к банкротству из-за того, что жесткие меры МВФ подорвали внутреннюю банковскую систему, и это произошло в обществах, где отсутствует сеть социального страхования. Поэтому неудивительно, что кризис экономического превратился в ряде государств в кризис политический, потребовав либо смены, либо ужесточения действующего политического режима. Как подчеркнул бывший посол США в Китае Джеймс Лилли, "в Азии налицо крупная социальная революция в результате международного вмешательства"⁵⁰.

С другой стороны, желание не попасть в руки МВФ в перспективе приведет к тому, что страны с развивающейся рыночной экономикой будут стремиться накапливать большие резервы иностранной валюты и ограничивать доступ на свои рынки "финансовых спекулянтов" из развитых стран, а в случае возникновения критической ситуации пытаться решать свои вопросы самостоятельно. Один из уроков азиатского кризиса заключается в том, что страны с большими резервами валюты не подвержены успешным атакам на финансовых рынках. Гонконг, Сингапур, Тайвань и Китай имеют очень большие резервы, и все они вышли из кризиса сравнительно без потерь.

Наконец, в Азии все больше и больше нарастает убежденность в том, что развитые страны действуют здесь по принципу "разори своего соседа", и даже если они и одержат победу над местными правительствами, в будущем их ожидает здесь "партизанская война за освобождение" - именно так заявил с трибуны прошедшего в июне форума "Будущее Азии" премьер-министр Малайзии М. Махатхир⁵¹. Перспектива мало приятная, если не сказать удручающая.

Уроки

Общая оценка объективных наблюдателей сводится к тому, что валютные кризисы 1997 г. в Юго-Восточной Азии свидетельствуют не о конце азиатского роста, а, скорее, о рецидиве - хотя и трудно предсказуемом - той финансовой нестабильности, которая часто сопровождает быстрый экономический рост.

Верно и то, что валютные кризисы, если ими правильно управлять, не ставят под вопрос основную стратегию роста за счет экспорта в этом регионе или его перспективы среднесрочного роста. К 2025 г. Азия, вероятно, вновь займет свое место в центре мировой экономики. К этому году на Азию может приходиться 55-60% мирового дохода, а доля Запада может снизиться примерно с 45% сегодня до 20-30%.⁵² Учет данного обстоятельства и требует анализа тех уроков, которые можно извлечь как из опыта развития государств ЮВА, так и причины возникновения финансового кризиса.

Еще в 1994 г. экономист Массачусетского технологического института Пол Крагмен подверг критике быстрый рост Восточной Азии, считая его неубедительным и даже сомнительным, поскольку он основывался в значительной мере на больших инвестиционных затратах, а не на росте производительности⁵³. Пол Крагмен был прав, отвергая мнение, будто "чудесный" рост Азии при очень высоких показателях может длиться вечно, но он ошибался относительно прочности экономического развития Азии и создал ошибочное представление о дальнейших его перспективах.

Во-первых, эмпирические утверждения Пола Крагмена относительно инвестиций и производительности как факторов роста были неубедительны. Большинство исследователей установили, что быстрый рост в Азии был следствием роста как производительности, так и капиталовложений, хотя, возможно, главным источником общего роста ВВП действительно были именно инвестиции, а не чистый прирост производительности. Во-вторых - и это, может быть, даже важнее, - рост, основанный на быстром наращивании капиталовложений (то есть реальных инвестиционных затратах), может быть весьма желательным, пока сами инвестиционные затраты удовлетворяют требованиям рынка в том смысле, что ставки дохода должны превышать капитальные издержки. Но критика Пола Крагмена справедлива в одном основном моменте. В той мере, в какой рост определяется накоплением капитала, а не чистым приростом производительности, предельная продуктивность капитала, скорее всего, будет сокращаться по мере того, как капитал на каждого работающего в азиатской экономике будет возрастать до уровня западных экономик, что собственно и подтвердил опыт развития стран ЮВА.

Каковы основные идеи, которые лежали в основе политики "догоняющего развития" и были продемонстрированы странами Юго-Восточной Азии, в чем их плюсы и минусы, чем обусловлено следование той или иной модели? Все это - не простые вопросы, и ответы на них требуют специального исследования. В данной работе мы конспективно попытаемся ответить на один из них: каким образом развивающиеся страны Юго-Восточной Азии пытались догнать развитые державы мира. Последние четыре десятилетия дают возможность выделить три концептуальные идеи.

Первая - доктрина "большого скачка", апробированная в период индустриализации в СССР в 30-е годы и в Китае в 1958-1961 гг., в основу которой была положена идея увеличения степени "огосударствления" средств производства и превращения страны "в одну большую коммуну". Реализация данной доктрины дает возможность за счет применения рабского труда и концентрации усилий на определенных отраслях производства в короткие сроки добиться повышения уровня производства. Она создает видимость

“стремительного” движения вперед, но все это - иллюзия. Очень скоро становится очевидно, что за “дутыми цифрами” стоят горе и нищета, разрушение производительных сил общества и что самое ужасное - уничтожение генофонда товаропроизводителя. Культивирование “уравнительности распределения” порождает иждивенческие настроения и недооценку стоимости собственно труда как в количественном, так и особенно в качественном аспектах. По своим разрушительным последствиям для общества данная доктрина не имеет себе равных.

Вторая идея - это доктрина “замены импорта”, или “защиты молодой индустрии”, суть которой в том, что национальная промышленность получает передышку для того, чтобы догнать иностранных конкурентов. Однако эта доктрина имеет один существенный недостаток. Защита молодой промышленности часто превращается в защиту одряхлевшей промышленности, в результате чего предприятия не хотят проявлять инициативу, полагаются только на подачки государства и медлят с внедрением новой технологии. Причем, как доказал опыт развивающихся стран, “защита молодой индустрии” лучше работает на больших рынках - пример Китая 70-80-х годов, в более мелких странах Латинской Америки, Южной Азии, Центральной Европы и других районах эта идея почти всегда приводила к неудаче.

Третью доктрину, характерную для азиатского образа мышления, японский экономист Канама Акамацу в 30-х годах удачно назвал моделью “летающих гусей”. Согласно этой доктрине, страны постепенно движутся к технологическому развитию, следуя примеру стран, находящихся непосредственно перед ними в процессе развития. В какой-то мере модель “летающих гусей” можно рассматривать как естественный результат воздействия рыночных сил: экономики с избытком рабочих рук и нехваткой капитала на международном рынке становятся конкурентоспособны в трудоемких секторах. По мере того, как сбережения и образование создают резерв капитала и квалифицированной рабочей силы вырастают более капиталоемкие и требующие более высоких квалификаций сектора промышленности.

При этом, если определяющим институтом для доктрины “большого скачка” являлась государственная собственность в промышленности, а для доктрины “замены импорта” - частная собственность, опирающаяся на протекционизм, то для модели “летающих гусей” необходима экспортная платформа. Идея экспортной платформы состоит в том, чтобы создать в экономике анклав, открытый для иностранных инвесторов и интегрированный в глобальную экономику, свободный от проблем инфраструктуры, безопасности, господства закона и торговой политики, которые обременяют остальную экономику. Азиатские правительства создали несколько вариантов такой экспортной платформы, включая экспортно-

промышленные зоны, таможенное хранение, специальные экономические зоны и систему возврата таможенных пошлин. Правительства поддерживали эти институты макроэкономической политикой, стимулируя экспорт трудоемкой продукции, особенно с помощью соответствующих обменных курсов.

И, следуя модели “летающих гусей”, страны Юго-Восточной Азии добились столь впечатляющих успехов, что мир заговорил об “азиатском экономическом чуде”. Однако, если и есть какое-то “азиатское чудо”, то оно в том, что несколько правительств, воспользовавшись ранним опытом Японии и опытом друг друга после 60-х годов, смогли создать благоприятную экономическую обстановку для выгодных частных инвестиций - почти всегда при участии иностранных партнеров, - несмотря на наличие серьезных неблагоприятных моментов в общей политической и экономической обстановке. В большинстве случаев они это делали, создавая среди более слабых экономических институтов капиталистический анклав, который постепенно распространялся на всю экономику.

С 1965 по 1995 год подушный доход возрос более чем в семь раз у четырех “азиатских тигров” и примерно в четыре раза - в Юго-Восточной Азии и Китае. И, как мы видели, у всех этих процветающих экономик есть нечто общее. Они сделали основную ставку на быстрый рост экспорта, следовали разумной налоговой политике, имели высокие уровни сбережений, проводили политику государственной поддержки повышения грамотности и начального образования, не подрывали сельское хозяйство и добились быстрого перехода к низким уровням рождаемости.

Именно это обстоятельство дает основания утверждать, что основные причины “азиатского кризиса” лежат не в экономике, а в политической сфере. Азия достигла быстрого роста вопреки своим институтам. Общей проблемой в этом регионе было создание систем управления и закона за рамками экспортных платформ, отвечающих нуждам сложной высокодоходной экономики. В большинстве стран Азии власть закона остается слабой. Сильные центральные правительства контролируют мощную и политизированную бюрократию, которая может игнорировать местные интересы, судебную систему и даже права частной собственности. Корпоративные и личные интересы в большинстве случаев превалировали над интересами государства, что, в конечном итоге, и привело к “финансовому перегреву”.

Особенности функционирования “системы чеболов” в Южной Корее, корпоративные интересы “клана Сухарто” в Индонезии, государственный протекционизм и попустительство по отношению к нескольким крупным финансово-промышленным группам в Японии, породившие, с одной стороны, переизбыток финансовых средств в руках крупных компаний и их спекулятивные устремления,

а с другой - недостаток этих средств в других отраслях экономики; амбициозная уверенность в стабильности национальной валюты и ее жесткая привязка к европейским валютам и доллару США в Таиланде, Индонезии и на Филиппинах - вот главные внутренние составляющие, которые привели к кризису.

И в этом смысле совершенно прав профессор университета в Нью-Мексико Грегори Глисмэн, который, анализируя уроки "азиатского кризиса", подчеркивает: "Страны, которые не могут или еще не обеспечивают цивилизованные меры защиты человеческих и гражданских прав, не совершенствуют свои банковские, инвестиционные политики, защиту прав собственности и целого набора современных рыночных механизмов защиты, останутся в стороне от инвесторов, преследующих экономическую прибыль, не зависящую от трудно предсказуемого политического риска. Инвесторы могут просчитать риск на тех рынках, которые они понимают. Однако на рынках, искаженных неэкономическими политическими отношениями, риски предугадать невозможно. Хорошие деньги найдут место куда уйти, и причем быстро"⁵⁴.

Очевидность данного вывода усиливается и тем обстоятельством, что в последние годы на мировом финансовом рынке наблюдается отчетливая тенденция к замене традиционных кредиторов, таких, как банки и страховые компании, "хеджевыми" и пенсионными фондами. Эти фонды располагают большими ресурсами и технологией, позволяющей почти мгновенно переводить фонды по минимальным ценам. В периоды роста это ускоряет рост, в периоды спада это может вызвать панику.

Акционерный капитал - инвестиции в фиксированные продуктивные активы - выигрывает при последовательно растущей экономике в стране-должнике. Но портфельный капитал рассчитан на быструю спекулятивную прибыль. Менеджеры фондов склонны первыми инвестировать с высоким риском в странах, где можно получить большую прибыль, а затем бежать при первых признаках кризиса для защиты своих быстрых прибылей. У них также есть стимул производить краткосрочные продажи и получать прибыль от снижения стоимостей, которые они тем самым повышают. Результатом становится беспрецедентная неустойчивость финансовых рынков. Именно эти тенденции помогли распространить кризис из Таиланда в другие страны Юго-Восточной Азии, а теперь угрожают другим странам.

Чрезмерная доступность краткосрочных иностранных кредитов, которые можно легко заработать обратно, породила иллюзию неисчерпаемости финансовых средств и спекулятивные устремления крупных транснациональных корпораций и даже частных лиц. Пока экономика стран Юго-Восточной Азии находилась на подъеме, предоставление иностранных кредитов подкреплялось уверенностью

кредиторов в их скором возврате, эти кредиты поступали, обременяя страны-должники повышающимся внешним долгом и, с учетом неэффективности и высокого уровня протекционизма в использовании кредитов, проблемой "невозвратных кредитов". Как только наметился кризис перепроизводства и у кредиторов возникла неуверенность в способности стран-должников вернуть предоставленные им займы, возникла паника и из экономики стран Юго-Восточной Азии были почти мгновенно изъяты огромные финансовые средства. Другими словами, когда экономика стабильна, краткосрочный долг не является для нее проблемой, когда же экономическая ситуация осложняется, краткосрочный долг ложится на страну тяжелым бременем. Кризис показал - азиаты явно не успели пожать урожай своей экономической политики последних двадцати лет. Прежде чем они смогли подготовить себя в качестве независимых игроков на мировом рынке, более искушенные западные коллеги лишили их основного стартового преимущества - свободных денег. И это - еще один из уроков "азиатского кризиса".

Наконец, необходимо сказать и о роли международных финансовых институтов. Без сомнения МБРР и МВФ являются теми организациями, которые призывают на помощь, когда положение становится безвыходным. Но являются ли предлагаемые ими меры тождественными для всех без исключения стран, насколько приемлем способ выдавать пакет мер спасения, которые имеют тенденцию превращать экономический кризис в политический? Это - вопросы, которые должно поставить перед мировым сообществом и поставить их нужно срочно. Сегодня становится очевидно, что, несмотря на спад первой волны "азиатского кризиса", он отнюдь не завершен, а его отголоски уже слышны далеко за пределами региона. Если же страны Юго-Восточной Азии войдут во вторую фазу кризиса, который все больше принимает очертания политического, то можно с уверенностью предсказать ее катастрофические последствия не только для стран региона, но и всего мира.

¹ "Washington post". February, 9.1998.

² Ibidem.

³ Nakane Chie. The Japanese Society. - Berkeley, Los Angeles. 1970. P. 2.

⁴ Васильев Л. С. История Востока. - М., 1994. Т. 2. С. 482.

⁵ См.: Мильнер Б.З., Олейник И.С., Ропинко С.А. Японский парадокс (реальности и противоречия капиталистического управления). - М., 1985. С. 175-196.

⁶ Уже в конце 60-х годов Япония занимала первое место среди развитых капиталистических стран по использованию заемного капитала в предпринимательской деятельности. Доля заемных средств в капитале корпораций составляла 78,3% по сравнению с 41,8% в США, 46,9% в Англии и 55,0% в ФРГ. В 1978 г. доля заемных средств в промышленных инвестициях составляла уже 86,8%.

⁷ Существование большого количества государственных, полугосударственных и общественных корпораций в Японии позволяет государству использовать их в качестве инструмента экономического регулирования.

⁸ Уже к середине 70-х годов японская экономика стала высокомонополизированной. В ней доминируют несколько ведущих групп: Мицубиси, Мицуи, Сумитомо, Дайити-Канге, Санва, Фуе. В 1977 г. эта большая шестерка распоряжалась активами в 150 трлн. иен, что составляло 30-40% активов японских корпораций и финансово-кредитных учреждений.

⁹ "Financial times". 1997. №33; "Экономическая газета". 1998. №22. Май.

¹⁰ "Economist". January, 14.1998.

¹¹ "Economist". April, 16.1998.

¹² Симония Н. Уроки китайских и южнокорейских реформ. - "Свободная мысль". 1996. №9. С. 39.

¹³ Семенов В. Опыт Южной Кореи: влияние конфликта и порядка на реформы. - "Проблемы теории и практики управления". 1997. №6. С. 31.

¹⁴ См.: Там же. С. 40.

¹⁵ См.: Там же. С. 41-42.

¹⁶ См.: Семенов В. Указ. соч., с.32.

¹⁷ В Южной Корее сейчас от \$65 до \$70 млрд. краткосрочных иностранных займов, выплаты по которым должны быть произведены в течение года, у центрального же банка инвалютный запас составляет всего \$30 млрд.

¹⁸ Чжан Вон Чан. Трансформация политической системы обществ переходного типа: мировой опыт и Казахстан. - Дисс. на соискание уч. степени кандидата полит. наук. - Алматы, 1998. С. 67.

¹⁹ См.: Сакен Мурзагалиев. Азиатский финансовый кризис и его влияние на инвестиционный климат в Казахстане. - "Деловая неделя". 1998. №5. 6 февраля.

²⁰ Уже в 1990 г. прямые инвестиции составляли 66,6% всех внешних поступлений; в 1993 г. уровень либерализации импорта Южной Кореи достиг 98,8%, в 1994 г. сельскохозяйственный рынок был открыт на 92,3% (против 50% в 1978 г.)

²¹ См.: Касенов У. Уход Сухарто: уроки индонезийского кризиса. - "Деловая неделя". 1998, №22, 5 июня.

²² Там же.

²³ Состояние Сухарто и его ближайших родственников, по самым скромным оценкам, достигает \$16 млрд. Некоторые источники говорят о \$40 млрд. Согласно данным ЦРУ, обществу богатство семьи Сухарто оценивается в \$30 млрд. и "клану Сухарто" принадлежит 15% экономики Индонезии.

Как бы там ни было, но судя по количеству принадлежащих клану компаний, эти данные близки к действительности. Так, друг президента Сухарто Ликм Сион Лионг владеет 600 компаний; другой друг Боб Хасан - 90; дочь президента Сухарто Сити Хардианти Рукмана - 55; дочь Хети Хедиати Пробово - 23; сын Бомбанг Трихатмодьо - 50; сын Сигит Харьюданто - 39; сводный брат президента Сухарто Пробосутедьо - 38; свояк Хашим Джоджохадикусомо - 40.

Баловень семьи Сухарто, его младший сын Хутомо Мандала Путро по прозвищу Томми, назвал свою шикарную яхту "Obsession", можно перевести как "Одержимость" или "Навязчивая мысль". Томми - фанат автомобильных гонок и в качестве такового получил от папаша подарок в 50 млн. долларов, которые потребовались на строительство в Джакарте автодрома для проведения соревнований по скоростным гонкам по формуле "Grand Prix". А еще Томми владеет крупным районом в Новой Зеландии и акциями предприятия по производству популярных в Индонезии "сладких" сигарет. Старшему сыну и дочери Сухарто преподнес треть акций Банка Центральной Азии. Сын президента Трихатмодьо взял в 1993 г. под контроль принадлежащую государству систему спутниковой связи, а годом позже продал 25% акций предприятия за 600 млн. долларов германской телекоммуникационной компании.

²⁴ В июне 1997 г. курс рупии равнялся 2400-2500 рупий за доллар, в январе 1998 г. - 17000 рупий за доллар, в феврале правительство Индонезии объявляет, что курс рупии будет напрямую привязан к курсу доллара США. Рупия пошла вверх - 7600 за доллар США. Однако МВФ и президент США Б. Клинтон жестко предупредили Индонезию не делать этого, и рупия снова начала падать, достигнув в марте 1998 г. уровня 10000 за доллар США. При этом, падение курса рупии всего на 100 пунктов означает для правительства рост расходов по обслуживанию внешнего долга на \$145 млн. Вот почему стремительное обесценение индонезийской валюты поставило Индонезию на грань финансового краха. К тому же частные индонезийские корпорации, как сообщалось, в первом полугодии должны выплатить около \$30 млрд. долгов по кредитным обязательствам. Это вынуждает скупать доллары, что, в свою очередь, "давит" на рупию, толкая ее вниз.

²⁵ Имеющиеся расчеты показывают, что валютных резервов Индонезии для введения системы по принципу "жесткой привязки" недостаточно, тем более что доверие к рупии подорвано, а банковский сектор чрезвычайно ослаблен. Индонезийские резервы в валюте оцениваются в \$17-19 млрд. Система "привязки" требует, чтобы находящиеся в обращении внутри страны деньги покрывались без каких-либо оговорок средствами в твердой валюте. Согласно данным Центрального банка Индонезии, для этого необходимо иметь в пределах \$80 млрд., а таких резервов у Индонезии нет.

²⁶ Макушкин А. Уроки азиатского кризиса и Россия. - "Свободная мысль". 1998. №6. С. 25-26.

²⁷ См.: "Washington post". February, 9. 1998.

²⁸ Успех Гонконга в 50-х годах не прошел незамеченным для его соседей - Тайваня и Южной Кореи, затем Сингапура в 1965 г. и Малайзии в начале 70-х годов. Страны Юго-Восточной Азии стали яростно бороться друг с другом за привлечение электронных фирм, не сумевших закрепиться в Карибском бассейне, Мексике, Центральной Америке и в других местах. К 1975 г. на Восточную Азию уже приходилось примерно 95% всех работавших на оффшорных сборочных заводах мира по выпуску электроники. К середине 70-х годов дело было сделано: бедные восточноазиатские страны были захвачены мировой электронной революцией, обошедшей стороной Латинскую Америку, Центральную Европу и Черную Африку. Например, известная малайзийская фирма "Протон" зависит от импортируемых из Японии комплектующих. А от деятельности одной только компании "Мацусита" зависит около 6% валового национального продукта Малайзии. Чтобы составить себе более или менее точное представление о последствиях шока, порожденного сочетанием падения цен и роста производства, достаточно знать, что с электроникой связаны четверть экспорта Гонконга, Тайваня и Таиланда и половина экспорта Сингапура.

²⁹ См.: "Monde Diplomatique". 1997. October.

³⁰ На протяжении многих лет главы корпораций и политические руководители Азии занимали у иностранцев гораздо больше денег, чем можно было их разумно инвестировать. Азиатские компании с 1992 года задолжали остальному миру по крайней мере 700 млрд. долларов.

³¹ По оценкам группы экономистов, в период 1990-2010 годов средние темпы экономического роста в Японии составят низкий уровень в примерно 2,2%. В то же время этот показатель в Южной Корее, Китае и странах АСЕАН будет составлять 6-8%. Результатом этого может стать значительное изменение "экономической карты" мира. Доля стран Азии в глобальном ВВП увеличится с 25,4% в 1990 г. до 31% в 2010 г., а доля США и стран Западной Европы снизится, соответственно, с 27 и 34% до 24 и 31%. Доля же Японии сократится с нынешних 15,8 до 13,6%. Очевидно, что подобная перспектива вряд ли отвечает интересам ведущих государств мира, включая и Японию, что дает основания рассматривать звучащие иногда в адрес развитых стран обвинения об их непосредственном участии в интенсификации финансового кризиса в Юго-Восточной Азии не лишними оснований. Опасаясь потерять лидирующие позиции в регионе, Япония и ряд крупных западных инвесторов вполне могли спровоцировать кризис и сделать им это было не столь уж сложно.

³² "Деловая неделя". 1998. №10. 13 марта.

³³ Под "спекулянтами" в Индонезии подразумеваются китайские торговцы, контролирующие подавляющую часть торговли и экономики на архипелаге. Китайское этническое меньшинство в Индонезии насчитывает более 4 млн. человек, но китайцы контролируют более трети ВВП страны

³⁴ Как показал опыт изучения финансового положения 30 крупных чеболов, по состоянию на начало прошлого года, когда началась полоса банкротств, их собственные наличные ресурсы составляли всего 18% от взятого займа в банках. Надо учесть и то, что у ряда банкротов определенная часть средств уходила на всевозможные взятки, то есть они не участвовали в обороте и не давали прибыли. Почти 75% экспортных отраслей промышленности Южной Кореи рушатся под бременем своих долгов. Восемь ведущих банков страны поражены "японским синдромом", около 40% их финансовых обязательств составляют ссуды с высоким кредитным риском, которые, возможно, никогда не будут возвращены.

³⁵ "Экономическая газета". 1997. №52. Декабрь.

³⁶ Кобяков А. Самое крупное банкротство в истории Японии. - "Эксперт". 1997. №46. 1.12. С. 57.

³⁷ "Business Week". 1998. April, 13; "Economist". 1998. April, 16.

³⁸ По оценке западных экспертов только страны Европы предоставили азиатским странам кредитов и ссуд на сумму в \$350 млрд. Больше всего денег в Индонезию вложил немецкий банк Commerzbank - в общей сложности \$1,35 млрд., Deutsche Bank - 1,19 млрд., Westdeutsche Landesbank - \$708 млн. Германские банки несут сейчас потери в Южной

Корею, где их вложения оцениваются в \$16 млрд. В списке проблемных банков присутствуют также кредиторы Франции (Credit Lyonnais - \$1,25 млрд., BNP - \$1,02 млрд.), Великобритании (YSBS - \$1,11 млрд., Royal Bank of Scotland - \$969 млн., NatWest - \$709 млн.), Нидерландов (ING - \$907 млн., Rabobank - \$532 млн., ABN Amro - \$524 млн.). Все упомянутые 11 банков входят в рейтинг ста крупнейших банков мира по размеру активов. Убытки грозят европейским банкам также в Сингапуре (главным образом английским и швейцарским) и Таиланде (английским, французским и швейцарским). ("Независимая газета". 16.01.1998).

³⁹ См.: "Экономическая газета". 1998. №5. Февраль.

⁴⁰ Макушкин А. Указ. соч., с.27.

⁴¹ С учетом различных объемов этой помощи каналов может достигать \$43 млрд. в течение 3 лет.

⁴² Немедленно останавливаются 12 проектов по развитию инфраструктуры, за некоторыми из которых стоят дети Сухарто либо приближенные к нему лица. Прекращается бюджетная и внебюджетная поддержка авиационных проектов Ай-Пи-Ти-Эн. Немедленно отменяются все специальные налоговые и кредитные льготы для проекта по созданию легкового автомобиля.

⁴³ Под давлением МВФ правительство Индонезии в конце прошлого года закрыло 16 "неблагополучных" банков, где также присутствовали интересы "клана Сухарто".

⁴⁴ С 1 февраля монополия БУЛОГ ограничивается только рисом; это означает, что упраздняется ее монополия на импорт и распределение сахара, на распределение пшеничной муки; полностью дерегулируется внутренняя торговля сельхозпродукцией; упраздняются все ограничительные рыночные процедуры, компании получают право производить и экспортировать свою продукцию на рыночных условиях; упраздняются цементный, бумажный и фанерный картель; для привлечения иностранных инвестиций с 1 февраля упраздняются все официальные и неофициальные барьеры для инвестиций в плантации по производству пальмового масла, снимаются все ограничения на инвестиции в оптовую и розничную торговлю; принимаются меры по борьбе с засухой, в том числе и направленные на обеспечение работой бедноты; тарифы на все продовольственные товары снижаются до уровня не выше 5%; тарифы на непродовольственную сельхозпродукцию уменьшаются на 5%; особое внимание уделяется финансированию мелких и средних предприятий для чего Азиатский банк развития составит отдельную программу, детали которой будут объявлены особо.

⁴⁵ "Foreign affairs". 1998. March-April.

⁴⁶ Ранее в Южной Корее существовали лимиты для зарубежных бизнесменов в приобретении акций предприятий и учреждений - не более 20% от общего пакета акций, для банков - не более 10%, с начала 1998 г. все ограничения снимаются.

⁴⁷ До начала 1998 г. корейские экспортеры пользовались направленной поддержкой государства, получая от него значительные поощрительные суммы (на \$1 экспорта до 400 корейских вон), с 1998 г. таких льгот не будет. Напротив - прекращается действие всех ограничений на ввоз каких бы то ни было товаров в Южную Корею из-за границы.

⁴⁸ См.: "Panorama". 1998. 14, 30 января.

⁴⁹ "Financial times". 1998. №33.

⁵⁰ См.: "Экономическая газета". 1998. №6. февраль.

⁵¹ См.: "Известия". 16.06.1998.

⁵² "Foreign affairs". 1997. November - December.

⁵³ См.: "Foreign affairs". 1994. November - December.

⁵⁴ Цит. по: "Деловая неделя". 1998. №24, 19 июня.

ЮНИСЕФ: ВО ИМЯ БУДУЩЕГО ДЕТЕЙ

Арыстанбекова А. Х.

ЮНИСЕФ - во всем мире это слово знакомо и сразу вызывает в памяти благодарность миллионов людей, особенно, детей. Их благополучие служит путеводной звездой и основной целью ЮНИСЕФ уже более 50 лет.

Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), единственная организация системы ООН, деятельность которой посвящена исключительно детям. Он сотрудничает с другими учреждениями ООН, правительствами и неправительственными организациями для создания и поддержания на местном уровне служб, обеспечивающих первичную медико-санитарную помощь, питание, базовое образование, чистую питьевую воду и элементарную санитарную в развивающихся странах, а также в странах с переходной экономикой. Отсутствие или недостаток таких служб уносит множество жизней самых младших граждан Земли, и одна из задач Фонда - сократить эту страшную дань.

В 1996 году Детский фонд отметил свой полувековой юбилей, в ознаменование которого Генеральная Ассамблея ООН провела специальное торжественное заседание. Выступая с высокой трибуны, представители государств-членов Организации Объединенных Наций по достоинству оценили благородную работу Фонда и воздали ему должное за значительный прогресс в деле улучшения положения детей и матерей во всем мире.

Детский фонд ООН был создан Генеральной Ассамблеей в 1946 году для облегчения страданий детей в Европе после ужасов Второй мировой войны. С октября 1953 года, когда Генеральная Ассамблея расширила мандат ЮНИСЕФ, фонд начал работать в развивающихся странах в интересах детей, будущему которых угрожала нищета, предотвратимые болезни, недоедание, нехватка микроэлементов и отсутствие возможности получить образование.

ЮНИСЕФ был воплощением духа того времени, решимостью коллективно решать проблемы. Он и сегодня воплощает этот дух на благо детей всего мира. Многие из лучших намерений и побуждений в мире связаны с детьми, и ЮНИСЕФ помогает реализовать их на практике, сводя воедино необходимую политическую волю и материальные ресурсы.

Ежегодно в развивающихся странах умирают более 12 миллионов детей, причем, большинства этих потерь можно было бы избежать. В настоящее время простые меры и недорогие терапевтические средства уже спасают жизни миллионов детей. В этом плане ЮНИСЕФ помогает соответствующим службам на местах обеспечить

иммунизацию, витаминные добавки, йодирование соли, пероральную регидратационную терапию, безопасное водоснабжение, санитарии, а также работает по совершенствованию учебных планов и подготовки учителей.

Многое было достигнуто благодаря уникальному партнерству в интересах детей, которого добился ЮНИСЕФ за 50 лет своей деятельности. С 1946 года смертность детей в возрасте до пяти лет в мире снизилась практически вдвое; с 1950 года в мире постоянно растет число учеников начальных школ. Введение одной лишь иммунизации с 1980 года спасло жизни почти 20 млн. детей.

Постепенное сокращение и последующая ликвидация неравенства по признаку пола и содействие полному осуществлению прав девочек и женщин также занимают важное место в работе ЮНИСЕФ.

Естественно, многое еще предстоит сделать. И в этом плане хотелось бы подчеркнуть исключительно важное значение, которое имеет Конвенция о правах ребенка, принятая единогласно Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 году. Она придала новую энергию и порождает новые идеи в борьбе за интересы детей, расширяя сферу мер, которые можно предпринять для обеспечения того, чтобы ресурсы и забота семей, общественности и всего мира в первую очередь направлялись на удовлетворение потребностей детей.

Конвенция явилась знаменательным договором, который расширил правовые границы нашего мира, включив в них и юридически обосновав потребности детей и обеспечив правовую и нравственную основу для их благосостояния. Эта Конвенция - результат многолетних исследований, обсуждений, переговоров, проводившихся правительствами ЮНИСЕФ и многими другими международными организациями - утверждает права всех детей на здоровье и плодотворную жизнь.

В 1994 году Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в Штаб-квартире ООН подписал Конвенцию о правах ребенка. Она стала первым международным документом, к которому Республика присоединилась в качестве суверенного государства. В настоящее время ее ратифицировала 191 страна, в том числе, Казахстан, и таким образом она стала наиболее широко и быстро принятой конвенцией о правах человека в истории. Для достижения ее полной универсальности необходима ратификация лишь двух остающихся стран.

ЮНИСЕФ, руководствуясь этой Конвенцией о правах ребенка, проводит работу по достижению целей Всемирной встречи в интересах детей, которая состоялась в 1990 году в Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

При упоминании этой Встречи, перед моим взором до сих пор живо встают события тех поистине исторических дней, участником которых мне посчастливилось стать в качестве члена советской делегации и министра иностранных дел Казахстана.

В этой первой в истории ЮНИСЕФ Встрече участвовало 159 стран, 71 страна была представлена главами государств или правительства. Участники форума приняли принципиально новые обязательства по обеспечению выживания и развития детей и одобрили 27 целей в области здоровья и благосостояния детей и женщин, которые должны быть достигнуты правительствами к 2000 г. Многие из этих целей были отражены в политических программах и планах правительств разных стран мира, что гарантирует дальнейшие целенаправленные усилия для улучшения благосостояния детей.

Имеющиеся на сегодняшний день в ЮНИСЕФ данные позволяют сделать вывод о том, что в реализации целей Всемирной встречи на высшем уровне достигнут определенный прогресс. Например, смертность в возрасте до пяти лет продолжает снижаться во всем мире на фоне дальнейшего улучшения питания детей, роста посещаемости начальной школы и повышения грамотности среди взрослых. Полиомиелит практически полностью искоренен; улучшается охват пероральной регидратационной терапией и во многих странах улучшилась работа по иммунизации против кори. Достигнуты значительные результаты в области грудного вскармливания, обеспечения питьевой водой, санитарии и т.д.

Тем не менее, с учетом той же статистики, представляется, что достижение основных целей к 2000 году будет сопряжено с трудностями как на глобальном уровне, так и на уровне многих регионов.

Национальные, региональные и глобальные обзоры прогресса в достижении поставленных на конец десятилетия целей в отношении детей высветили реальные трудности и проблемы, требующие безотлагательного решения. К их числу относятся продолжающийся рост масштабов нищеты в мире, резкое сокращение официальной помощи в целях развития (ОПР) и ресурсов, выделяемых на оказание основных социальных услуг, широкомасштабное распространение пандемии ВИЧ/СПИДа и увеличение числа детей, нуждающихся в срочной гуманитарной помощи.

ЮНИСЕФ, который сыграл ведущую роль в организации Встречи на высшем уровне в интересах детей, ныне помогает правительствам в их усилиях по улучшению положения детей.

Большую помощь и содействие в этом деле Детский фонд получает, кроме стран-доноров, от национальных комитетов по делам ЮНИСЕФ (их в мире 37), неправительственных организаций, которые собирают деньги на различные мероприятия и обеспечивают непосредственную поддержку программам ЮНИСЕФ в развивающихся странах. Во многих странах мира послы доброй воли ЮНИСЕФ из числа всемирно известных кинозвезд, артистов и спортсменов оказывают бескорыстную поддержку благородной деятельности Фонда, привлекая к его деятельности внимание различных слоев общества.

Свою деятельность ЮНИСЕФ строит на убежденности в том, что люди, действующие воедино, могут творить чудеса. Сотрудничество - вот принцип его отношений с правительствами, другими учреждениями ООН и неправительственными организациями.

С первых дней вступления в ООН, состоявшегося 2 марта 1992 года, Казахстан тесно сотрудничает с ЮНИСЕФ. Во время своего первого визита в Нью-Йорк на 47-ю сессию Генеральной Ассамблеи в октябре 1992 года Президент Казахстана Н.А. Назарбаев подписал Декларацию, принятую на Всемирной встрече на высшем уровне в интересах детей в 1990 году.

Плодотворное сотрудничество установилось между ЮНИСЕФ и Республиканским Детским благотворительным Фондом "Бобек", возглавляемым С.А. Назарбаевой, который за активную работу по защите интересов детей Казахстана был удостоен специального статуса при ЮНИСЕФ и Департаменте общественной информации ООН.

Детский Фонд ООН оказывает помощь Казахстану по многим направлениям его деятельности, связанной с улучшением здоровья детей и матерей Республики, в частности, в регионе Аральского моря, специально разработав и реализовывая в этих целях программу ASPERA.

Работая в соответствии с принятой в 1995 году страновой программой для Казахстана, ЮНИСЕФ занимается вопросами иммунизации, питания, водоснабжения и санитарии, стратегии развития, образования и защиты детей.

В настоящее время мы привлекаем ЮНИСЕФ к активному сотрудничеству в преодолении последствий испытаний на бывшем ядерном полигоне вблизи г. Семипалатинска в свете реализации специальной резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 16 декабря 1997 года по этому вопросу.

Фонд активно поддерживает усилия Казахстана, направленные на выполнение Конвенции о правах ребенка. По инициативе и поддержке ЮНИСЕФ и Республиканского Фонда "Бобек" в ноябре 1996 года в Алматы был проведен международный круглый стол "Выполнение Конвенции о правах ребенка в Центральной Азии и Казахстане", на котором был принят соответствующий Меморандум, отражающий неуклонное стремление и твердые обязательства парламентов и правительств Центральноазиатских государств защищать и обеспечивать благосостояние и благополучие детей и женщин. Казахстан высоко ценит плодотворное сотрудничество с ЮНИСЕФ, и надеется на дальнейшее развитие эффективного взаимодействия с ним.

Говоря о сотрудничестве Казахстана с ЮНИСЕФ, мне хотелось бы с благодарностью и уважением отдать дань памяти Джеймсу Гранту, долгие годы бессменно возглавлявшему Детский фонд ООН. Именно он, будучи Исполнительным директором ЮНИСЕФ, положил начало

сотрудничеству Фонда с Казахстаном, уделяя личное внимание проблемам нашей страны. Мне вспоминается, как буквально через несколько дней после нашего вступления в ООН, по поручению г-на Гранта в нашу страну была направлена первая миссия Исполнительного совета ЮНИСЕФ для ознакомления с положением детей и матерей Республики.

Исполнительный Совет является руководящим органом ЮНИСЕФ, который, в составе 36 членов определяет основные направления деятельности, анализирует программы и утверждает бюджет Фонда. Секретариат ЮНИСЕФ, Штаб-квартира которого находится в Нью-Йорке, проводит работу через свои многочисленные бюро (более двухсот), расположенные более, чем в 160-ти странах мира.

Признавая активное сотрудничество Казахстана с ЮНИСЕФ, государства-члены ООН, избрали Казахстан в 1997 году в члены Исполнительного совета ЮНИСЕФ на трех летний период до 2000 года. С 1 января 1998 года Постоянный Представитель Республики Казахстан при ООН избрана Вице-Президентом Исполнительного Совета от Азиатской группы государств.

В соответствии с обязанностями, возложенными на Вице-Президента Исполнительного Совета, нами проводятся консультации с членами Азиатской группы при принятии соответствующих резолюций и решений по наиболее важным вопросам повестки дня сессий ИС ЮНИСЕФ, определению позиций государств-членов группы по вопросу о стратегии мобилизации ресурсов, улучшению внутренней и оперативной деятельности Фонда на местах и т.д. Данное обстоятельство свидетельствует о возрастающей роли нашей страны на международной арене в решении важных задач, стоящих на повестке дня перед ООН, программами и фондами ее системы.

Общие реформы происходящие в ООН, непосредственным образом коснулись и ЮНИСЕФ. Переживаемые Организацией трудные времена перемен и обновления, отягощенные в немалой степени и отсутствием стабильных финансовых поступлений от государств-членов, заставили ООН пересмотреть свои цели и задачи, рационализировать свою деятельность и устранить дублирование в работе ее различных структур.

В соответствии с программой реформирования, предложенной Генеральным Секретарем ООН Кофи Аннаном, в 1998 году Программа развития ООН, Фонд ООН по народонаселению и ЮНИСЕФ были объединены в Группу ООН по вопросам развития.

В этой связи Казахстан не раз высказывался за то, чтобы ЮНИСЕФ не потерял своей уникальности и индивидуальности. Сегодня нарастает потребность разработки стратегии ЮНИСЕФ на будущее, в которой в тоже время учитывались бы нерешенные проблемы уходящего столетия, по-прежнему стоящие перед Фондом.

ЗОЛОТАЯ ОРДА И ЕЕ ЕВРАЗИЙСКИЕ НАСЛЕДНИКИ

Кадырбаев А. Ш.

Спор о евразийском наследии Золотой Орды - державы, образовавшейся в результате распада Монгольской империи Чингиз-хана на территории средневекового Казахстана, а также Руси, Крыма, Поволжья, Кавказа, Западной Сибири, Хорезма, не только не утратил злободневности, но и вспыхнул с новой силой в наше время. Свидетельством этого являются попытки определенных официальных лиц и научных кругов Татарстана отнести историческое наследие Золотой Орды исключительно к отождествлению с казанско-татарским этносом и его историей, что изрядно отдаёт мифотворчеством, поскольку научно доказано происхождение казанских татар от волжских булгар, тюркоязычного этноса, чья государственность была сокрушена монголами.

Данная "историческая версия" с претензией на золотоордынское наследие появилась буквально у нас на глазах и речь здесь идет скорее о конструировании прошлого, исходя из современной политической конъюнктуры, т.е. о явлении, называемом "изобретением традиций". В связи с этим представляет немалый интерес проблема золотоордынского наследия по отношению к другим тюркским, и не только тюркским народам Центральной Азии и Восточной Европы. А истоки этой проблемы уходят в монгольскую эпоху, со времени которой и начинается наш рассказ.

При всем трагизме эпоха монгольских завоеваний XIII века не была проста и однозначна. Это относится и к такому сложному конгломерату как империя Чингиз-хана и его преемников, в числе которых и Золотая Орда. Поэтому абсолютно негативное отношение к монгольскому завоеванию и всему, что с ним связано, видимо, не совсем правомерно. Этому мнению, в частности, придерживался такой серьезный исследователь данной эпохи как В.В.Бартольд¹, а также Л.Н.Гумилев². Создаваемые в основном в результате кровавых завоеваний, эти империи в дальнейшем играли и определенную цивилизующую роль. Ведь создание империи при всем неприятии насилия, крови - это и попытки, хотя далеко и несовершенные, человечества к интеграции. Примеры тому, не один Иран царей Ахеменидов, держава Искандера Зуль-Карнайна, Тюркский каганат, Арабский халифат, Византийская, Французская и Британская, Османская и Российская империи, но даже и то, что принесла монгольская экспансия. Созданные в итоге походов Чингиз-хана и его преемников государства, частью которых стал средневековый

Одной из таких проблем является снижение поступлений ресурсов в общий бюджет Фонда. С учетом этого, Исполнительным Советом в сотрудничестве с Секретариатом ЮНИСЕФ, предпринимаются шаги, направленные на выработку стратегии финансирования Фонда на предсказуемой и долгосрочной основе. Важным в этом направлении является усиление работы со странами - донорами, Всемирным Банком и другими финансовыми институтами, а также с частным сектором.

В этой связи, хотелось бы отметить, что государства-члены ИС ЮНИСЕФ, в том числе Казахстан, высоко оценивают работу Исполнительного директора ЮНИСЕФ Кэрол Беллами, которая возглавляет деятельность ЮНИСЕФ по разработке ее стратегии в области мобилизации ресурсов.

Став во главе Детского Фонда в 1995 году, она инициировала разработку Программы по повышению эффективности системы управления ЮНИСЕФ, осуществленную Фондом в период с 1995 по 1998 гг.

Отрадно отметить, что за этот сравнительно небольшой период своей деятельности на данном посту, по официальному приглашению главы нашего государства, К. Беллами дважды посетила Казахстан и лично ознакомилась с существующими у нас проблемами. Недавно, во время ее визита в Республику в мае с.г., она приняла участие в открытии в Алматы Регионального офиса ЮНИСЕФ для Центральной Азии, переведенного из Исламабада. То обстоятельство, что именно Алматы была выбрана в этих целях также свидетельствует о тесном сотрудничестве Казахстана с ЮНИСЕФ.

За полувековую историю своего существования Организация Объединенных Наций, наряду с признанием ее бесспорных заслуг в современном мире, нередко подвергалась и продолжает подвергаться критике - порой справедливой, порой малообоснованной. И только Детский Фонд ООН - ЮНИСЕФ - за более, чем 50 лет своей деятельности всегда оставался и остается единственной организацией системы ООН вне поля критики. И это - заслуженно, благодаря своей неустанной и преданной деятельности во имя детей всего мира.

Казахстан, являют собой пеструю картину во всех отношениях. Более того, разные наблюдатели отмечали возникновение гораздо большей политической устойчивости после образования этих государств во всей Евразии от Восточной Европы до Китая, в том числе и на просторах Казахстана.

К тому же отсутствие пространственных перегородок в пределах этих обширных империй создавало возможность сблизить народы Евразии. Культуры тюркских, славянских, монгольских, финно-угорских, иранских, кавказских и других народов Евразии длительное время формировались и развивались, находясь в единой системе связей, что сближало их, определяя во многом сходство их жизненного уклада, менталитета и приводило к объединению в единые многонациональные государства, каковыми и были империи потомков Чингиз-хана, такие как Золотая Орда.

Поэтому лишь отрицательный взгляд на них как на "дикие орды" был бы исторически несправедлив. Спектр здесь очень разнообразен: соответственным должно быть и отношение к реалиям жизни во всей их подлинной светотени и сути последствий.

Монгольские завоевания и их последствия представляют последние страницы казахстанского средневековья. Уже в 1260 году, после распада империи Чингиз-хана, земли Казахстана вошли в состав улуса Джучи или Золотой Орды, а также улуса Чагатай. Хотя монголы принесли в казахские степи собственное общественное устройство, уже на рубеже XIII-XIV вв. они приняли ислам и "потом смешались и породнились с кыпчаками, и все они стали точно кыпчаки", - как пишет арабский летописец Ал-Омари. А тюркские племена кыпчаков были основным населением евразийских степей от Иртыша до Днестра и Дуная, в том числе и на просторах Казахстана. Особенно заметную роль в истории Казахстана сыграла эти два столетия Золотая Орда. Первоначально Золотая Орда входила в состав огромной Монгольской империи. Ханы Золотой Орды в первые десятилетия ее существования считались подчиненными верховному монгольскому хану в Каракоруме в Монголии. Ордынские ханы получали в Монголии ярлык на право царствовать в улусе Джучи. Но начиная с 1266 года золотоордынский хан Менгу-Тимур впервые приказал отчеканить на монетах свое имя вместо имени всемонгольского государя. С этого времени начинается отсчет самостоятельного существования Золотой Орды. Во главе западной части этого государства стоял хан из потомков внука Чингиз-хана - Бату (он же Батый русских летописей), сына старшего сына Чингиз-хана - Джучи. Восточной частью правили зависевшие от него наследники Орду (братья Бату). Сначала завоеванные степи Казахстана были распределены между братьями Бату и превратились в удельные владения. Удельные правители выставляли для ханского войска определенное количество конных воинов и отчисляли в ханскую казну часть податей.

собираемых с населения удела. В XIV в. Золотая Орда была разделена на четыре больших улуса, чьи наместники - улусбеки возглавляли большие армии и одновременно ведали вопросами управления в подвластных районах. Всем ордынским войском командовал военачальник - беклярибек. Иногда его влияние превышало власть хана, что часто приводило к кровавым междоусобицам. Время от времени могущество беклярибеков, например, Ногай, Мамай, Едигей усиливалось настолько, что они сами назначали ханов. По мере укрепления государственности в Золотой Орде рос аппарат управления, его правители взяли за образец администрацию завоеванного монголами государства Хорезмшахов. Согласно этому образцу при хане появился визир, своеобразный глава правительства, который отвечал за все сферы невоенной жизни государства. Визир и возглавляемый им диван (государственный совет) распоряжались финансами, налогами, торговлей³.

Внешней политикой ведал сам хан со своими ближайшими советниками, а также беклярибек. Золотая Орда долгое время была самым сильным государством Центральной Азии и Восточной Европы. Помимо просторов Казахстана среди ее владений были Русь, Хорезм, Крым, Северный Кавказ, Западная Сибирь. С золотоордынским двором пытались поддерживать дружеские связи европейские короли и папы римские, византийские императоры и турецкие султаны Османской империи. Свидетельством этого являются жалованные грамоты золотоордынских ханов Тохтамыша польскому королю Ягайле, Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II, сохранившиеся до нашего времени⁴.

Интересно, что главными внешними врагами Золотой Орды стали не соседние чуждые державы, а такие же бывшие улусы некогда единой Монгольской империи - государство монголов Хулагуидов в Иране и государство монголов Чагатайдов в Средней Азии. В войнах с улусом Хулагуидов Золотая Орда, уже подвергшаяся тюркизации, чье основное население составляли кыпчаки - половцы, заручилась поддержкой своих соплеменников - мамлюкских султанов Египта, выходцев из кыпчаков. Почти полтора столетия тюркские повелители Египта - султаны мамлюков были верными союзниками наследников Бату⁵. Периодически золотоордынские "тумы" вторгались в Польшу, Литву, на Балканы. Целью этих походов было не завоевание, а ограбление соседей. Огромная территория, многочисленное население, сильная центральная власть, большое боеспособное войско, умелое использование торговых караванных путей, выколачивание дани с покоренных народов, все это создавало мощь ордынской империи. Она крепла и усиливалась и в первой половине XIV в. пережила пик своего могущества. Расцвет государственности и культуры Золотой Орды связаны с именами ханов Узбека (1312-1342 гг. правления) и его сына Джанибека (1342-1357 гг.) Важной мерой усиления Золотой Орды стало ее обращение в ислам⁶.

Еще Чингиз-хан завещал терпимо относиться к представителям разных вероисповеданий. Его потомки старались выполнять этот завет. Так, в землях, подвластных Золотой Орде, духовенству всех религий был создан льготный режим. Русская православная церковь и армяно-грегорианская, например, были освобождены от выплаты дани и получали специальные ярлыки, которые защищали церковное имущество от произвола ордынцев. В столице Золотой Орды Сарая открывались храмы разных конфессий. В 1261 году там возникла православная епархия⁷.

Но сами ордынцы в большинстве своем оставались язычниками-шаманистами. Но были среди правящей ордынской элиты, в том числе и Чингизидов, приверженцы Христа, Мухаммада и Будды.

Но в начале XIV в. ситуация в Золотой Орде изменилась. Наиболее дальновидные представители правящих кругов чувствовали, что регулировать жизнь огромной империи по старым традициям уже невозможно. Слишком сложным становилось управление страной. Необходимо было привлечь грамотных и образованных людей, были мусульмане, чиновники - выходцы из Средней Азии, Восточного Туркестана и оседлых районов юга Казахстана. К тому же торговля Золотой Орды была в руках мусульманских купцов. Да и интенсивные отношения с Ираном и Египтом требовали привлечения людей, знающих фарси и арабский языки. Кроме того, общая для всей империи религия помогла бы объединить подданных вокруг государя-единоверца. В 1313 году, воцарившись на золотоордынском троне, юный Узбек-хан с фанатизмом новообращенного мусульманина и с пылом молодости, подогреваемой наветами и проповедью своего мусульманского окружения, провозгласил ислам господствующей религией и истребил своих знатных родичей, пытавшихся воспротивиться столь вопиющему нарушению старомонгольских обычаев. Об этом Узбек-хан известил личным письмом, написанным по-тюркски, мамлюкского султана Египта - Ан-Насира в 1314 году⁸. Эпоха Узбек-хана отмечена культурным подъемом и широким городским строительством. К середине XIV в. в Золотой Орде существовало более 100 городов. Многие из них были основаны ордынцами. К их числу относятся столицы Золотой Орды - Сарай и новый Сарай в Нижнем Поволжье, Сарайчик в Западном Казахстане, где были захоронения ханов. При Узбеке и Джанибеке города Золотой Орды переживали расцвет. Возведенные трудами сотен тысяч невольников дворцы, мечети, караван-сарай, богатые кварталы знати и купечества, все более многолюдные поселения ремесленников превращали их в средоточие экономической и культурной жизни. Сарай и Новый Сарай были крупнейшими городами мира⁹.

Т.о. Золотая Орда не оставалась неизменной, многое заимствуя у мусульманского Востока: ремесла, архитектуру, баню, изразцы, орнаментальный декор, расписную посуду, персидские стихи, арабскую геометрию и астролябии, нравы и вкусы, более изощренные, чем у простых кочевников. Имея широкие связи с Анатолией, Сирией и Египтом, Орда пополняла тюркскими и кавказскими рабами армию мамлюкских султанов, "а ордынская культура приобрела определенный мусульманско-средиземноморский отпечаток" как считает ученый-востоковед К.Босворт¹⁰.

Процветание империи пошло на убыль после смерти Джанибека из-за междоусобиц удельных владетелей, боровшихся за сарайский престол. Трон переходил из рук в руки. Крайние владения стали отпадать от державы. В конце XIV в. лет на пятнадцать ее вновь сумел объединить энергичный хан Тохтамыш, взявший реванш за поражение ордынцев Мамай на Куликовом поле от коалиции русских княжеств во главе с Москвой. В 1381 году, через год после Куликовской битвы, Тохтамыш взял и разрушил Москву. Но именно с правлением Тохтамыша связаны события, оказавшиеся роковыми для Золотой Орды. Три похода правителя Самарканда, основателя мировой империи от Малой Азии до границ Китая, Тимура сокрушили улус Джучи, были разрушены города, караванные пути переместились на юг, во владения Тимура. От этих потрясений Золотая Орда уже не смогла оправиться и в первой половине XV в. распалась на отдельные ханства. Среди наследников Золотой Орды были как тюркские государства - Крымское, Казанское, Астраханское ханства, так и Русское государство, где по ордынским образцам функционировала военная организация, фискальная система, посольский обычай, протокольная традиция государственных канцелярий, ценилось ханское звание и принадлежность к роду Чингизидов. Русская знать легко находила соответствия своей титулатуре в золотоордынской системе и устойчиво вписывалась в ордынские порядки¹¹.

К положительным последствиям золотоордынского владычества для Руси, замалчиваемых рядом российских и советских историков можно отнести то обстоятельство, что напряженность духовной атмосферы общества привела к созданию высоких художественных образцов во всех областях религиозного искусства (иконописи, церковной музыке, религиозной литературе). Олицетворением этих достижений можно считать творчество художника-иконописца Андрея Рублева. Чувство национального унижения сменялось в народе благородным чувством преданности национальному идеалу. Религиозно-национальный подъем той эпохи на Руси стал мощным фактором национального самосознания и культуры, чему в немалой степени объективно способствовала веротерпимость ордынской элиты. По мнению российских историков, сторонников теории евразийства (П.Н.Савицкого, Г.В.Вернадского, Л.Н.Гумилева), русские были

спасены от физического истребления и культурной ассимиляции Запада лишь благодаря включенности в Монгольский улус. По мнению Савицкого, ордынцы - нейтральная культурная среда, принимавшая "всяческих богов" в отличие от католической Европы". Русь стала платить дань сарайским ханам, за что имела торговый флот на Волге, религиозную резиденцию в Сарае, освобождение русской православной церкви от всех видов налогов. Со своей стороны, Русь имела в лице метрополии, каковой была для нее Золотая Орда, духовную и военную поддержку в многочисленных войнах со своими северо-западными соседями, такими как Шведское Королевство и немецкий Тевтонский орден, Польша и Великое княжество литовское, Венгерское Королевство. Галицкая Русь, Волынь, Черниговское и другие княжества, бывшие вне покровительства Золотой Орды, стали жертвой католической Европы, объявившей крестовый поход против Руси и ордынцев. Т.О. выбор князя Александра Невского, победителя шведов и тевтонцев, был, видимо, сделан исходя из, разумеется, сомнительной теории "наименьшего зла" в пользу симбиоза с Золотой Ордой. И этот выбор был одобрен народом и освящен русской православной церковью и причисление Александра Невского к лику святых - наглядное тому подтверждение.

Заметно было золотоордынское влияние на русский язык, что нашло свое отражение в современном русском языке, где пятая-шестая часть словарного запаса тюркского происхождения.

Именно золотоордынская государственная система сделалась прообразом российской имперской государственности, частью которой впоследствии, в XVIII-XX вв. стал в течение более чем двух с половиной столетий и Казахстан. Это проявилось в установлении авторитарной традиции правления, в жестко централизованной общественной системе, дисциплины в военном деле и веротерпимости". Хотя, конечно, были и отклонения от этих принципов в определенные периоды российской истории. Помимо этого, средневековый Казахстан, Русь, Крым, Кавказ, Западная Сибирь, Хорезм и другие подвластные ордынам земли, были вовлечены в находящуюся на более высоком уровне финансовую систему золотоордынской империи; завоеватели создали эффективную, пережившую века, ямскую систему путей сообщения и сеть почтовых организаций на значительной части Евразии, в том числе на территории Казахстана и России. Наследием Золотой Орды стало обыкновение (хотя и не всегда на всем протяжении истории России) не ассимилировать новые, завоеванные земли, не изменять жизнь, религию и язык подвластных народов". На территории Казахстана после распада Золотой Орды образовались сначала Кок-Орда и Ак-Орда, а затем Узбекский улус, непосредственный предшественник Казахского ханства, где наследие империи Чингиз-хана проявилось в общественно-политическом

устройстве казахского общества, высшее сословие которого составляли потомки Чингиз-хана по мужской линии - Чингизиды, а Яса Чингиз-хана - свод монгольских законов XIII в., возможно, стала частью "Жеты-Жаргы" - памятника права казахов XVII века.

Истоки возникновения института Чингизидов ведут в XIII век в Великий Монгольский улус, созданный Чингиз-ханом и повторивший ситуацию рождения новой властной элиты своего предшественника - Тюркского Каганата VI века, когда появилось правящее сословие, уже не связанное с каким-либо одним племенем. В Великой степи в империи Чингиз-хана и государствах его наследников на много веков вперед возобладали устойчивая традиция наследования верховной власти. На самом верху оказались те группы военной знати, которые были генеалогически связаны с "Золотым родом". Чингизиды представляли собой надплеменную группировку высшей аристократии, регулировавшую систему властных отношений внутри государств-наследников Монгольской империи. Одним из новых этнополитических сообществ стали казахи, чье рождение как народа неразрывно связано с эпохой распада степной империи, заключительным аккордом существования которой стало падение Золотой орды. Сохранив многие принципы политической и идеологической организации империи, казахское общество развивалось тем не менее под воздействием иных импульсов, порожденных изменившимися условиями геополитической среды, о чем речь пойдет ниже.

История этого решающего этапа, когда из массы раздробленных кыпчакских племен формировались казахский, ногайский, крымско-татарский и в определенной степени другие тюркские этносы Поволжья, Центральной Азии и Кавказа, а также их государства, эта история не может быть познана, понята и оценена без знания структуры и того властного ядра, каким было сословие Чингизидов не только в Казахском ханстве, но и в других государствах-наследниках Золотой Орды. Стремясь организовать свои собственные запросы и интересы, силой исторической необходимости Чингизиды - степная элита тех времен, стала мощным фактором консолидации раздробленного кочевого мира, сопровождавшейся разделом и переделом золотоордынского наследия, определившим на столетия политическую и этническую судьбу постордынского пространства. Как и в Казахском ханстве, так и в других государствах-наследниках Золотой Орды правом на престол обладали потомки Чингиз-хана. В Крымском ханстве все столетия его существования правили Чингизиды - Гирейи, ту же картину можно наблюдать в Казанском, Астраханском, Сибирском (на Тоболе) ханствах, а также в Хиве. Ногайцы, кара-калпаки, башкиры и кыргызы не имели своих Чингизидов и приглашали на княжение, например, казахских Чингизидов. Этническое или, говоря современным языком

“национальное” лицо Чингизидов не играло заметной роли. Такова была сила традиции на огромных пространствах Евразии, некогда входивших в состав огромной монгольской империи.

Казахское ханство представляло собой типичное кочевническое государство, в котором продолжали жить традиции Монгольской империи. Государство казахов рассматривалось в качестве собственности всей царствующей фамилий и распадалось на множество крупных и мелких владений. Управление находилось в руках Чингизидов для обозначения которых употребляется термин “султан”. Султаны-Чингизиды составляли высшее сословие социальной иерархии - ак-суйек (белая кость); только султана можно было провозгласить ханом.

Традиционный десятичный военно-организационный принцип разделения вооруженных сил кочевников, зародившийся еще у сюнну и гуннов, распространенный у древних тюрков и в улусах найманов и кирейтов XII-начала XIII вв., достигший расцвета в военной организации Чингиз-хана и его первых наследников, неоднократно фиксируется и в военной структуре казахов в периоды их военной консолидации и усиления центральной власти в казахском обществе, хотя и носил, как представляется, эпизодический характер¹⁴.

Казахская позднесредневековая государственность, несомненно, развилась на собственной основе и явилась плодом возрожденных традиций древнетюркской государственности, оказавших огромное влияние на создание империи Чингиз-хана и его наследников, а Золотая Орда или Улус Джучи - наглядное тому подтверждение.

Оказавшись в составе Золотой Орды, подвластные этой империи народы не остановились в своем развитии. Были радикально изменены пути этого развития, что в итоге привело Русь, например, к принятию от Золотой Орды эстафеты гегемонии в евразийской державе, когда к концу XV века Русь в лице Московского государства становилась решающей силой в великом состязании “царств-наследников” Золотой Орды, к коим наряду с упомянутыми выше тюркскими государствами, среди которых наиболее грозным соперником Москвы был Крымский юрт, относилось и Казахское ханство.

В XVI в. хотя и происходило неуклонное наращивание мощи московских государей, силой оружия поглотивших такие осколки Золотой Орды, как Казанское, Астраханское, Сибирское (на Тоболе) ханства, Московское государство испытало сильнейший натиск со стороны Крымского ханства, за которым стояла могущественная тогда Османская империя. Крымско-татарские орды доходили до предместий Москвы и даже захватывали Александровскую слободу - резиденцию победителя Казани, Астрахани и Сибирского ханства на Тоболе - первого русского царя Ивана IV Грозного. Эта борьба за гегемонию в евразийском наследии Золотой Орды затянулась до

конца XVII столетия, когда Московское государство прекратило выплату дани, правда нерегулярную, так называемых “поминок”, Крымскому ханству. И произошло это в правление царя Петра I, преобразовавшего Московское государство в Российскую империю.

Став частью исторического прошлого, это соперничество оставило о себе память и в виде многочисленных российских княжеских родов тюркского происхождения, истоки формирования которых относятся как ко времени Золотой Орды, так и к более поздней эпохе, когда после ее распада в течение XV-XVII в. на постордынском пространстве складывался новый баланс политических сил в борьбе за наследие Улуса Джучи в виде двух основных “полюсов” этой борьбы - Русского государства, эволюционировавшего в течение трех веков от Великого княжества Московского до Российской империи, и Крымского юрта (чья мощь во многом обуславливалась поддержкой и союзническими отношениями с Османской империей), к которым, так или иначе, тяготели Ногайская Орда, Казанское, Астраханское, Сибирское (на Тоболе) и Казахское ханства¹⁶.

Одной из форм тяготения были так называемые отъезды тюркских аристократов соответственно в московские или крымские владения. Московские государи предоставляли выходцам с Востока города в кормление и требовали исполнения воинской службы. При тюркских вельможах оставались их дружины, в их уделах дозволялось селиться неродовитым эмигрантам из степи. В разное время татарам отводились Кашира и Серпухов, Звенигород и Юрьев-Польский; выходцам из Ногайской Орды был выделен Романов, а выходцам из ханств, управлявшихся Джучидами, к которым можно отнести Казахское ханство, - городец-Мещерский или Касимов с прилегающими землями. Длительное подчинение Золотой Орде выработало на Руси стойкое почитание Джучидов - династии, правившей в Орде и большинстве наследных ханств. Знатность тюркских мигрантов позволяла им претендовать на высочайшие места в структуре Русского государства, считаться “честью бояр выше”. В “Разрядах” (росписях воевод по полкам) “служилые цари” и “царевичи” всегда упоминаются после русского государя и его сыновей и перед (или наряду) с высшими представителями московской знати.

Влияние служилой тюркской знати на историю России трудно переоценить. Выходцы из ее среды даже становились “государями всея Руси”, как номинальными, так и реальными. К первому случаю можно отнести так называемое “отречение” от русского престола Ивана Грозного в пользу крещеного татарского царевича Чингизида Симеона Бекбулатовича, ставшего на короткий период времени номинальным правителем Московии без реальной власти. Но были и подлинные властелины. Такие, как потомок ордынца Чет-мурзы - русский царь Борис Годунов - “татарин, нехристь, зять Малюты”, - как писал о нем А.С.Пушкин. А царь Иван Грозный был Чингизидом

“национальное” лицо Чингизидов не играло заметной роли. Такова была сила традиции на огромных пространствах Евразии, некогда входивших в состав огромной монгольской империи.

Казахское ханство представляло собой типичное кочевническое государство, в котором продолжали жить традиции Монгольской империи. Государство казахов рассматривалось в качестве собственности всей царствующей фамилий и распадалось на множество крупных и мелких владений. Управление находилось в руках Чингизидов для обозначения которых употребляется термин “султан”. Султаны-Чингизиды составляли высшее сословие социальной иерархии - ак-суйек (белая кость); только султана можно было провозгласить ханом.

Традиционный десятичный военно-организационный принцип разделения вооруженных сил кочевников, зародившийся еще у сюнну и гуннов, распространенный у древних тюрков и в улусах найманов и кирейтов XII-начала XIII вв., достигший расцвета в военной организации Чингиз-хана и его первых наследников, неоднократно фиксируется и в военной структуре казахов в периоды их военной консолидации и усиления центральной власти в казахском обществе, хотя и носил, как представляется, эпизодический характер¹⁴.

Казахская позднесредневековая государственность, несомненно, развилась на собственной основе и явилась плодом возрожденных традиций древнетюркской государственности, оказавших огромное влияние на создание империи Чингиз-хана и его наследников, а Золотая Орда или Улус Джучи - наглядное тому подтверждение.

Оказавшись в составе Золотой Орды, подвластные этой империи народы не остановились в своем развитии. Были радикально изменены пути этого развития, что в итоге привело Русь, например, к принятию от Золотой Орды эстафеты гегемонии в евразийской державе, когда к концу XV века Русь в лице Московского государства становилась решающей силой в великом состязании “царств-наследников” Золотой Орды, к коим наряду с упомянутыми выше тюркскими государствами, среди которых наиболее грозным соперником Москвы был Крымский юрт, относилось и Казахское ханство.

В XVI в. хотя и происходило неуклонное наращивание мощи московских государей, силой оружия поглотивших такие осколки Золотой Орды, как Казанское, Астраханское, Сибирское (на Тоболе) ханства, Московское государство испытало сильнейший натиск со стороны Крымского ханства, за которым стояла могущественная тогда Османская империя. Крымско-татарские орды доходили до предместий Москвы и даже захватывали Александровскую слободу - резиденцию победителя Казани, Астрахани и Сибирского ханства на Тоболе - первого русского царя Ивана IV Грозного. Эта борьба за гегемонию в евразийском наследии Золотой Орды затянулась до

конца XVII столетия, когда Московское государство прекратило выплату дани, правда нерегулярную, так называемых “поминок”, Крымскому ханству. И произошло это в правление царя Петра I, преобразовавшего Московское государство в Российскую империю.

Став частью исторического прошлого, это соперничество оставило о себе память и в виде многочисленных российских княжеских родов тюркского происхождения, истоки формирования которых относятся как ко времени Золотой Орды, так и к более поздней эпохе, когда после ее распада в течение XV-XVII в. на постордынском пространстве складывался новый баланс политических сил в борьбе за наследие Улуса Джучи в виде двух основных “полюсов” этой борьбы - Русского государства, эволюционировавшего в течение трех веков от Великого княжества Московского до Российской империи, и Крымского юрта (чья мощь во многом обуславливалась поддержкой и союзническими отношениями с Османской империей), к которым, так или иначе, тяготели Ногайская Орда, Казанское, Астраханское, Сибирское (на Тоболе) и Казахское ханства¹⁶.

Одной из форм тяготения были так называемые отъезды тюркских аристократов соответственно в московские или крымские владения. Московские государи предоставляли выходцам с Востока города в кормление и требовали исполнения воинской службы. При тюркских вельможах оставались их дружины, в их уделах дозволялось селиться неродовитым эмигрантам из степи. В разное время татарам отводились Кашира и Серпухов, Звенигород и Юрьев-Польский; выходцам из Ногайской Орды был выделен Романов, а выходцам из ханств, управлявшихся Джучидами, к которым можно отнести Казахское ханство, - городец-Мещерский или Касимов с прилегающими землями. Длительное подчинение Золотой Орде выработало на Руси стойкое почитание Джучидов - династии, правившей в Орде и большинстве наследных ханств. Знатность тюркских мигрантов позволяла им претендовать на высочайшие места в структуре Русского государства, считаться “честью бояр выше”. В “Разрядах” (росписях воевод по полкам) “служилые цари” и “царевичи” всегда упоминаются после русского государя и его сыновей и перед (или наряду) с высшими представителями московской знати.

Влияние служилой тюркской знати на историю России трудно переоценить. Выходцы из ее среды даже становились “государями всея Руси”, как номинальными, так и реальными. К первому случаю можно отнести так называемое “отречение” от русского престола Ивана Грозного в пользу крещеного татарского царевича Чингизида Симеона Бекбулатовича, ставшего на короткий период времени номинальным правителем Московии без реальной власти. Но были и подлинные властелины. Такие, как потомок ордынца Чет-мурзы - русский царь Борис Годунов - “татарин, нехристь, зять Малюты”, - как писал о нем А.С.Пушкин. А царь Иван Грозный был Чингизидом

по матери, крещеной татарке Елене Глинской, и данное обстоятельство использовалось им при покорении Казани, в борьбе за казанский престол.

Полки служилых татар сыграли решающую роль в победе московского государя Ивана III над Новгородом, последним соперником Москвы в борьбе за главенство над Русью. Немало было крещеных татар в ближайшем окружении Ивана Грозного, ревностно служивших русскому трону. Предполагается, что к их числу относились влиятельные фавориты Грозного и видные политические деятели той эпохи, отец и сын - Алексей и Федор Басмановы, упомянутый выше глава опричнины и "правая рука" царя Малюта Скуратов, "заплечных дел мастер", один из самых зловещих персонажей русской истории. Важные услуги русской монархии оказали потомки ногайских биев - князья Урусовы и Юсуповы. Князь Петр Урусов, сын мурзы Исмаила, возглавил заговор и убил царя - самозванца Лжедмитрия II, а князь Феликс Юсупов участвовал в убийстве фаворита царя Николая II и его жены - Григория Распутина. Казахский султан Ораз-Мухаммед получил за службу русскому престолу от Бориса Годунова Касимов с округой и сполна разделил судьбу России в "смутную годину" ее истории, пав от руки Лжедмитрия II. Известным персонажем русской истории является завоеватель Сибири Ермак, о котором есть мнение как о ногайском казаке на русской службе¹⁶.

Политика Российской империи в отношении кочевых народов и государств-наследников Золотой Орды, до тех пор, пока они еще не стали подданными российской короны, в частности башкир, ногайцев, казахов, крымских татар, во многом несла на себе печать страха, во всяком случае до начала XIX века, еще со времен золотоордынского владычества перед возможным объединением этих народов. Окончательная точка в этом многовековом состязании в пользу Российского государства была поставлена в конце XVIII века, когда последние тюркские государства - наследники Золотой Орды - Ногайская Орда, Казахское и Крымское ханства стали частью Российской империи. За пределами российского управления оставалось лишь Хивинское ханство на территории Хорезмского оазиса. Но во второй половине XIX века Хива была завоевана русскими войсками и Хивинское ханство стало вассальным княжеством в составе России. История совершила очередной виток по спирали - все вернулось на круги своя. Евразийская держава возродилась, хотя и в ином обличье.

¹⁶ В.В.Бартольд. Соч. Т. 1-9, М., 1963-1977.

¹⁷ Л.Н.Гумилев. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.

¹⁸ Г.Ф.Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

¹⁹ В.В.Трепавлов. Государственный строй Монгольской империи. М., 1991.

²⁰ Т.И.Султанов. Письма золотоордынских ханов. Тюркологический сборник. М., 1973. С. 234-285.

- А.П.Григорьев. Монгольская дипломатика XIII-XIV вв. Л., 1978. М.А.Усманов. О тугре в официальных актах и посланиях Джучидов. Бартольдские чтения. М., 1990. С. 70.
- ²¹ А.Ш.Кадырбаев. За пределами Великой степи. А., 1997. С. 104, 106, 108.
- ²² Р.Г.Ланда. Ислам в истории России. М., 1995. С. 44-67.
- ²³ М.Д.Полубояринова. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 24, 28, 33-34.
- ²⁴ Л.В.Черепнин. Монголы-татары на Руси (XIII в.) Сб.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 186-206.
- ²⁵ В.Г.Тизенгаузен. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1.
- ²⁶ Г.Ф.Федоров-Давыдов. Курганы, идолы, монеты. М., 1968. С. 9-15.
- ²⁷ К.Э.Босворт. Мусульманские династии. М., 1971. С. 191, 203-296.
- ²⁸ Р.Г.Ланда. Ислам в истории России. С. 67.
- ²⁹ В.В.Трепавлов. Статус "Белого царя". Москва и татарские ханства в XV-XVI вв. - Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. С. 306-308.
- ³⁰ И.В.Вилента. Идея самобытности России в исторической концепции евразийцев. Вестник МГУ, серия 8, история, №1. 1988. С. 38-40.
- ³¹ А.К.Кушкумбаев. История военного дела казахов XVII-XVIII вв. - Автореферат дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. А., 1998. С.20.
- ³² В.В.Трепавлов. Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) - Вестник Евразии, №1-2 (4-5), М. 1998. С. 101-114.
- ³³ Н.А.Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1980; Т.И.Султанов. Правители первого казахского государства (1470-1718) - Астана, Издат. Дом., Алматы, 1993; В.Л.Егоров. Государственное и административное устройство Золотой Орды. - Вопросы истории. 1972. №1. С. 33-34; И.Березин. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб. 1863. С. 25-31; П.Н.Савицкий. Евразийство - Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 100-101; Н.С.Трубецкой. О туранском элементе в русской культуре. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 59; Ю.А.Зуев. По поводу личности Ермака. - В кн.: А.Ш.Кадырбаев и др. Страна в сердце Евразии., А., Издат. "Казах Университеті". 1998. С. 141-145.

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ: СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ (с выводом для Казахстана)

Чжан Вон Чан

В период коренных структурных преобразований в экономике и политической жизни казахстанского общества одной из важнейших задач социально-политических наук является разработка моделей переходных политических процессов на основе анализа и критического переосмысления имеющегося в мире опыта реформирования государств транзитного типа. На эту задачу еще раз обратил внимание ученых-обществоведов Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своем послании "Казахстан - 2030": "Теперь важно глубоко осмыслить ситуацию, проанализировать наше развитие с точки зрения мирового опыта и сравнить степень реализации наших реформ и формирования новых институтов с лучшим мировым опытом"¹.

В этом смысле обращение к опыту Кореи обусловлено наличием общих закономерностей, свойственных странам, находящимся на стадии переходного периода от тоталитаризма или авторитаризма к демократии, а с другой стороны, наличием социально-экономических и политических различий между изучаемыми регионами. Тем не менее, представляется, что опыт Республики Корея в определенной степени позволит увидеть специфику развития азиатской страны, стремящейся найти ориентиры для осуществления успешного перехода к демократии. В этой связи особо хотелось бы остановиться не только на конкретных политических фактах, но и на принципах стратегии экономического роста Южной Кореи, оказывающих значительное влияние на демократизацию общества, имея в виду прежде всего корейскую модель развития как составную часть мирового опыта.

Следует отметить, что опыт послевоенного социально-экономического и политического развития Южной Кореи указывает на то, что не существует какой-то застывшей "южнокорейской модели": сформировавшись в начале 60-х годов, она постоянно развивалась и модифицировалась. В отличие от классического западного варианта общественно-политического развития южнокорейская модель формировалась не столько на основе естественно-исторической эволюции, сколько субъективным фактором - правящими кругами государства, нацеливших страну на путь "догоняющего развития" на основе выработки правительством соответствующей стратегии и ее реализации.

Государственное устройство корейского общества после второй мировой войны представляло собой сильную бюрократическую систему управления с ориентацией на антикоммунизм и идеологию безопасности, гарантированных США. Поэтому игнорировались идеи многопартийности, а партии коммунистического толка были ликвидированы или ушли в подполье.

С экономической точки зрения Корея во второй половине 40-х годов считалась отсталой страной, находящейся на стадии доиндустриального развития. 80 % населения занимались возделыванием сельскохозяйственных культур; уровень образования был на низком уровне; в политической жизни господствовала авторитарная культура, сформированная в системе традиционного конфуцианства эпохи Чосон и наследия японского колониального режима.

В целом историю государственного управления в Корее новейшего времени можно разделить на 6 этапов:

1. правительство Ли Сын Мана при президентской системе правления (Первая республика, 1948-1960);
2. правительство Демократической партии, возглавляемое Чан Меном, при парламентской системе (Вторая республика, 1960-1961);
3. правительство Третьей республики (1962-1972) и Четвертой республики (1972-1980) во главе с Пак Чжон Хи, а после его смерти - Чхве Гю Ха;
4. правительство Пятой республики (1980-1988) во главе с Чон Ду Хваном;
5. правительство Шестой республики во главе с Ро Тхэ У (1988-1993) и Ким Ен Самом (1993-1998);
6. период администрации Ким Дэ Чжуна (с февраля 1998).

Первый этап политической модернизации, связанный с созданием 1-ой Республики во главе с первым президентом Республики Корея Ли Сын Маном, ознаменовался началом реорганизации структуры правительства по западному образцу. Так, определенные элементы политической системы в 1-й Республике придавали ей некоторую схожесть с западной демократией: представительное правительство, разделение властей, децентрализованная администрация, защита прав человека, местное самоуправление. Важно отметить также, что избирательная система впервые была установлена в стране в 1948 году и позволила расширить участие масс, хотя политическая элита не была склонна к соблюдению легитимности оппозиции, к открытой конкуренции, разделению власти и ответственности за нее. Политические преобразования оказали положительное воздействие на активизацию экономической жизни страны. В частности, правительство инициировало идею накопления предпринимательского капитала и "импортзамещения" с целью создания национальной промышленной базы.

Следует признать, что как развитие демократии, хотя и формальное, так и развитие экономики осуществлялось благодаря поддержке США. Однако несмотря на существенную финансово-экономическую помощь США (Корея ежегодно предоставлялась свыше 200 млн. долларов), экономика страны не получила ожидаемого высокого развития вследствие коррумпированности госаппарата, предоставлявшего промышленным капиталистам на особых условиях льготы на распределение иностранной валюты, на предоставление кредита в банке, а также на ввоз зарубежной продукции. В конечном результате это привело к политическому кризису и вызвало студенческие выступления, инициировавшие первую в истории Кореи демократическую революцию, которая в конечном результате привела к образованию 2-ой республики. Правящая демократическая партия установила схожую с британской парламентарно-кабинетную систему. Власть президента приобрела чисто символический характер, а реальной исполнительной властью наделялся кабинет во главе с премьер-министром, коллективно подотчетный парламенту. Местная администрация была реорганизована с целью децентрализации многих ее функций.

Новое законодательство обеспечивало самостоятельность каждого органа местной администрации и созыв представительной ассамблеи, избираемой на основе всеобщих выборов. В этой связи можно сказать, что 2-я республика носила наиболее демократический характер по сравнению с другими республиками. С другой стороны, правительство, не имея опыта в управлении, не только не смогло добиться поддержки населения в решении экономических, политических и социальных проблем, но и беспомощно наблюдало за демонстрациями студентов и выступлениями масс. В условиях такого острейшего политического кризиса положение правительства Демократической партии было весьма нестабильным, что привело к военному перевороту 16 мая 1961 г., в результате которого функции законодательной, исполнительной и судебной власти захватил Высший совет национальной реконструкции во главе с генералом Пак Чжон Хи.

Пак Чжон Хи, избранный президентом 3-ей Республики, прежде всего инициировал психологический перелом в сознании правящих кругов своей страны, провозгласив движущей силой процесса модернизации централизованную государственную политику на основе развития предпринимательства с использованием западного опыта. В результате государственная система стала базироваться на централизованном управлении с опорой на военную бюрократию и национальную технократию. По Конституции 3-ей республики, исполнительные функции были сосредоточены в руках президента, который в качестве высшего исполнительного лица возглавлял Государственный совет.

Приступая к реализации пятилетних планов экономического строительства, правительство ставило своей целью не столько фундаментальное изменение прежней экономической структуры, сколько обеспечение резкого повышения темпов экономического роста в стране. Следуя такой стратегии, режим Пак Чжон Хи существенно изменил все предшествующие тенденции в политической и экономической жизни Кореи, где ранее правящие круги основное внимание уделяли вопросам национального согласия, социальным вопросам, но только не ускорению экономического роста. Новое же правительство полагалось прежде всего на реорганизацию системы управления, повышение ее эффективности с тем, чтобы обеспечить достижение поставленной цели. Поэтому правительство сразу же приступило к необходимым и интенсивным преобразованиям. Так, первый пятилетний план, охватывавший период с 1962 г. по 1966 г., был нацелен на развитие собственной индустрии и создание технической базы промышленности; второй пятилетний план (1967-1971) - на развитие легкой промышленности; третий план (1972-1976) - на планирование внедрения экспортно-ориентированной индустрии; и, наконец, в четвертом плане (1976-1981) предусматривалось развитие тяжелой и химической промышленности.

Однако из-за сокращения финансовой помощи США необходимые источники дохода складывались из внутренних накоплений страны, прямых инвестиций других стран, внешних займов. Стратегией экономического роста была избрана политика, нацеленная на отказ от импортзамещения и переход к экспортноориентированной индустриализации. В целях увеличения объемов экспорта правительство Южной Кореи предоставляло экспортноориентированным предприятиям дотации, особые финансовые привилегии и поощряло их деятельность налоговыми льготами. Тем не менее, стремительные изменения во внутренней и внешне-политической ситуации имели свои противоречия. Централизованное управление отраслями крупного предпринимательства, политика экспортной индустрии создали коррумпированную структуру, приведшую к усилению власти бюрократии и слиянию интересов государства и бизнеса, что прежде всего нашло воплощение в создании так называемых "чеболов" - крупных финансово-промышленных групп.

С политической точки зрения в 3-ей Республике внешне поддерживалась демократическая система. Стремясь к усилению власти, Президент Пак провел в 1972 году референдум, в результате которого была принята Конституция реформ обновления, так называемая Юсин Хонпоп, ознаменовавшая начало 4-ой республики. Конституция была нацелена на обеспечение политической стабильности и завершение реализации исторической задачи национального возрождения за счет социально-экономического

прогресса при сильной президентской власти, которая по сути привела к трансформации формально демократической системы в антидемократическую диктатуру.

Военное правительство создало усиленную авторитарную систему, контрольные позиции всех сфер занимали военные и технократы. По существу, сама система Юсин явилась попыткой установления военного диктаторского режима. Так, 1/3 депутатов парламента была назначена Пак Чжон Хи; свобода слова и печати, права на создание общественных объединений были значительно ограничены, что свидетельствовало об утверждении абсолютной власти Пака. Тем не менее, данный факт не препятствовал дальнейшему экономическому развитию страны: уровень национального дохода на душу населения возрос с 319 долларов в 1972 году до 1,644 долларов в 1979 году. Общая сумма экспортно-импортных операций соответственно возросла от 3900 млн. долларов до 34800 млн. долларов².

Казалось бы, такой экономический рост, прогресс промышленной индустрии и урбанизация, повышение уровня образования должны обосновать необходимость демократизации южнокорейского общества, если следовать утверждению теоретиков-эволюционистов (Г.Алмонд, Л.Пай, С.Хантингтон, Д.Ростов), согласно которому, с повышением экономического уровня возрастают шансы на пути к демократии. Однако, несмотря на экономические успехи, достигнутые в период процветания 3 и 4 республик, политическое развитие страны уступало показателям экономического прогресса. В этом смысле можно говорить о так называемом "авторитаризме развития"³, свойственном многим странам "догоняющего" развития.

В политической системе 5-й республики, образованной Чон Ду Хваном, как впрочем и 4-й республики, отсутствовала легитимность, о чем свидетельствовало жестокое подавление демократического восстания против военной диктатуры в мае 1980 г. в г. Кванчжу. Правительство Чон Ду Хвана сохраняло тот же диктаторский режим правления, что и предыдущее правительство Пак Чжон Хи. Поэтому в обществе наиболее остро поднималась проблема законности правительства, выдвигались настоятельные требования о прямых президентских выборах. В сущности, государственность в период системы 4 и 5 республик была создана насильственным военным путем, и чтобы преодолеть кризис легитимности, государство усиливало контроль не только в гражданском обществе, но и в политической сфере через технократов и военную бюрократию. В результате бюрократическая система Кореи функционировала как главный фактор политического развития с начального момента становления государственности до образования в 1993 году гражданского правительства и выполняла не только административные, но и политические функции.

В соответствии с новой Конституцией 1980 года предусматривался единовременный семилетний срок полномочий президента, что, по мнению президента Чона, могло стать базой для установления демократии⁴. Однако главным недостатком этой Конституции было то, что устанавливаемый ею порядок выборов президента, то есть непрямым путем, придавал ей авторитарный характер.

В период вхождения в 6-ю республику в Корею начинаются демократические преобразования и ликвидация авторитарного бюрократизма. В этой связи можно констатировать, что в Республике Корея процесс демократизации наблюдается сравнительно недавно. Официально трансформация авторитарного режима началась летом 1987 года в результате так называемого "массового восстания 10 июня", спровоцированного решением президента Чон Ду Хвана приостановить реформу конституционной системы. Последовавшая за этим Декларация о политических реформах от 29 июня, выдвинутая председателем правящей Демократической партии справедливости (ДПС) Ро Тхэ У на основе учета требований оппозиции о выборах президента прямым путем, реформе конституции и амнистии политическим заключенным, явилась важным свидетельством наличия реальных возможностей достижения стабильной демократии в стране. Оппозиционные партии согласились на его предложение, и в результате был достигнут серьезный компромисс между оппозицией и правящей партией, приведший к заключению межпартийного соглашения о пересмотре Конституции.

В сущности, в Декларации будущий президент страны, избранный впоследствии демократическим путем, выразил свое согласие со всеми требованиями оппозиции, смягчив тем самым остроту политического кризиса и обеспечив возможность проведения прямых выборов. Более того, провозглашение Декларации ознаменовалось реформированием Конституции, нацеленным на поддержку демократической политической системы. Так, в ней были зафиксированы такие важные вопросы, как усиление роли Национальной ассамблеи (парламента); пересмотр судебной системы с целью обеспечения ее независимости от исполнительного контроля; ограничение полномочий президента страны одним пятилетним сроком; отстранение правительственных структур от активного вмешательства в социально-экономическую сферу; предоставление СМИ больших свобод; деполитизация армии и полиции.

Как политические предпосылки, так и истинная природа реформ, проведенных Ро Тхэ У в период 6-ой Республики, все еще вызывает дискуссии среди политологов. Однако существует единое мнение о том, что уступки, предпринятые Ро Тхэ У в Декларации 1987 года, подтвердили осознание правительством необходимости осуществления демократических преобразований в значительной мере обусловленных следующими факторами⁵:

а) на протяжении вышеисследованных периодов сохранялся затяжной кризис легитимности и непрекращающаяся конфронтация власти и народа;

б) девять раз, в течение 40 лет, со времени основания республики вносятся поправки в Конституцию, связанные с пролонгацией властных полномочий и получения легитимности в оправдание своих действий, в связи с чем не приходится говорить об институализации власти;

в) политический процесс был недемократичным и несправедливым в силу дискриминации прав личности. Политика, экономика и общество в целом жестко контролировались государством;

г) государство, имея относительную самостоятельность от капитала, взяло на себя инициативу в развитии индустриализации общества. Государство осуществляло контроль за предприятиями, что можно охарактеризовать как государственный капитализм;

д) жесткая цензура СМИ, которые становятся средством оправдания господствующей антикоммунистической идеологии.

Несмотря на позитивные признаки демократического прогресса, между правительством, возглавляемым Президентом Ро, и гражданским обществом все еще сохранялась отдаленность, обусловленная не только характером правительства, определяемым как "жесткое, полудемократическое", но и наследием прошлого социального поведения и авторитарной политической культуры.

В течение пяти лет правления Ро Тхэ У корейская экономика переживала период стагнации, что объяснялось главным образом ослаблением конкурентоспособности, вызванным широкой волной забастовок, стремительным повышением заработной платы и растущим протекционизмом со стороны других государств. Особо следует отметить нарастающее давление западных партнеров Кореи, которые настаивали на большей открытости ее рынка. Под влиянием этих факторов корейское руководство, начиная с Чон Ду Хвана, начало поэтапную и весьма осторожную модификацию экономической политики.

Приход к власти Ким Ён Сама (1993 г.) мирным путем (впервые в истории политической власти Кореи) не только ознаменовал собой смену военно-авторитарной власти гражданским правлением, но и существенно ускорил темпы демократических перемен и институциональных реформ. Среди экстренных реформаторских мер, предпринятых администрацией Ким Ён Сама, следует выделить наиболее важные:

а) принятие решительных мер по публичному оглашению состояния собственности всех крупных правительственных чиновников, политических деятелей и военных;

б) снижение военного контроля и военного бюджета. Военные чиновники, принимавшие участие в вооруженных восстаниях, путчах, были решительно отстранены от власти;

в) контроль за потоком денежного обращения в теневой экономике, которая составляла 40 % производства ВНП государства;

г) осуществление деполютизации аппарата национальной безопасности, который подавлял права личности;

д) изменение закона о политических деятелях, предотвращение избирательной коррупции и минимизация расходов на выборы;

е) восстановление исторической истины: если раньше, чтобы оправдать свои неправомерные действия, Чон Ду Хван и Ро Тхэ У говорили о "революции" в обществе, то Ким Ён Сам оценил их приход к власти как военный путч, предъявил им обвинения в совершении государственных преступлений, что привело к аресту двух бывших президентов Кореи.

Бесспорно, такие реформы оказали положительное влияние на изменение политического климата в стране. Однако несмотря на высокий уровень экономического развития Кореи, приближенность страны к развитым капиталистическим странам Запада и Японии, одним из существенных факторов, препятствующих успеху демократических преобразований, остаётся консерватизм бюрократического аппарата. Тем не менее, начавшаяся демократизация явилась немаловажным фактором, подтолкнувшим руководство страны к модификации стратегии развития. Самое главное изменение заключается в том, что новый этап "дуалистического развития экономики" в Кореи характеризуется переплетением двух процессов: завершением индустриализации традиционного типа и стремлением к формированию постиндустриальных производительных сил.

Политические изменения, переход от власти военного авторитаризма к системе прямых гражданских конституционных выборов вывели Корею в разряд лидирующих членов "третьей волны демократизации XX века" (С. Хантингтон). Согласно Хантингтону, Корея соответствует модели компромиссной демократизации, где гражданское сопротивление, идущее "снизу" против давления "сверху", требует изменения политической системы. С точки зрения Хантингтона, корейская форма демократизации - это пример "переговорных замен" (transplacements), суть которых заключалась в том, что правительство, стремясь сохранить свою власть, пошло на определенные уступки, а оппозиционные группировки, стремясь избежать всеобщей катастрофы, признали этот факт как компромисс. Внутри самого правительства доминировала реформаторская группировка, которая считала демократию не только правильной формой правления, но и единственным способом избежания кризиса. Эти факторы и обусловили необходимость поиска консенсуса между обеими сторонами.

Такой тип перехода отличается от "замены" (replacement), в процессе которой "демократизация происходит в результате возрастания силы оппозиции и потери правительством своего влияния вплоть до его развала или даже свержения"⁸. Что касается корейского переходного периода, то здесь государство не только выдержало такие изменения, но и сохранило господствующую роль в процессе создания и консолидации демократических институтов. При этом корейская форма "переговорных замен" имеет свои отличительные черты. Во-первых, при переходе от военно-авторитарного правления к гражданско-демократическому не произошла замена правящей элиты. Оппозиционные силы не смогли достичь договоренности в вопросе выдвижения единой президентской кандидатуры. Кроме того, среди них не оказалось достаточно сильной партии, способной результативно провести избирательную кампанию. С другой стороны, правящая партия оставалась относительно влиятельной даже после перехода к процессу демократизации. Поэтому неудивительно, что в такой ситуации как Ро Тхэ У, так и Ким Ен Сам, выдвигавшиеся от правящей партии, были избраны президентами страны.

Во-вторых, в "переговорных заменах" политические и экономические инициативы по консолидации демократических преобразований носили постепенный характер и осуществлялись "сверху". Реформаторы внутри правительства оказались в весьма противоречивом положении: с одной стороны, их позиции упрочились вследствие достижения ими численного превосходства, но с другой стороны, они оказались под давлением двух сил, выступавших против реформ. Одна из них - это оппозиционные и популистские группировки, обвинявшие реформаторов в причастности к прошлому режиму, который должен нести ответственность за свои ошибки, а другая - консерваторы как внутри, так и вне правительства, которые утверждали, что программа демократизации была проведена без должного контроля, а сами реформы внесли хаос в общество⁹.

В такой ситуации требуется постепенный, поэтапный процесс использования компромиссов и уступок. Тем не менее следует признать, что наследие прошлого, традиции сильного государства, подавлявшего относительно слабое гражданское общество, слабость социальных групп, раздробленность оппозиции сдерживали демократические реформы. Более того, преобразования, произошедшие в Корее в переходный период, вряд ли можно назвать радикальным переворотом, поскольку государственная форма правления, равно как и экономическая структура не подверглись кардинальным изменениям. Вместо этого произошла постепенная реорганизация институциональной структуры, а также изменились приоритеты в политике в соответствии с требованиями демократии.

Третья отличительная черта южнокорейского переходного периода заключается в несоответствии факторов, ведущих к политической демократизации, факторам реформирования и роста экономики, поскольку в экономическом отношении страна развивалась значительно быстрее, чем в политическом. Даже после обнародования Декларации 1987 года рабочие, крестьяне и средние слои населения чаще выступали за проведение более радикальных экономических реформ. В такой ситуации демократическое правительство оказалось в менее выгодном положении по сравнению с авторитарным, способствовавшим ускоренному процессу экономического реформирования. В этом смысле опыт Кореи, на наш взгляд, показывает, что экономическое развитие еще не является гарантом широких демократических преобразований.

Можно констатировать, что социально-экономический прогресс явился главным фактором, предоставившим корейскому обществу возможности для демократизации. Признавая данное положение, не следует игнорировать значимость и такого фактора, как культурные элементы, которые, по мнению многих западных исследователей (Л.Пай, Р.Ингелхарт), являются решающими в установлении курса политического развития. Так, Люсьен Пай подчеркивал существенное отличие азиатской политической культуры от политической культуры других стран. Азиатским культурам характерны "идеализация благожелательности, патерналистское лидерство, легитимизация зависимости", подавление личных интересов ради групповой солидарности, в то время как на Западе доминируют ценности индивидуализма. Такие культурные ценности могут повлиять на политическую мысль и поведение¹⁰.

Многие исследователи утверждают, что в корейской культуре отсутствуют ценности, необходимые для стабильной демократии, поскольку традиционная корейская культура во многом противоположна западной демократии. Некоторые видят в этом заключении объяснение замедленной демократизации. Например, Дэвид Штенберг придерживается мнения, что два культурных компонента препятствуют Корее на пути к трансформации общества: это - конфуцианская культура и персонализация власти. Он отмечает, что следуя конфуцианской аналогии, государство следует рассматривать как патриархальный авторитет отца над детьми. Такие общества обычно имеют сильное централизованное, патерналистское правительство. "Когда эти аспекты политической культуры сочетаются с концепцией персонализации власти, то появляются проблемы, связанные с развитием демократических ценностей"¹¹.

Корейские исследователи отмечают, что в поведении и ориентирах современных корейцев до сих пор доминирует традиционный стиль, местнические и субъективные ценности, не совместимые с современной демократией и индустриальной эпохой /64/. Такие факторы

значительно снижают уровень политической активности масс. Своеобразие исторического развития страны оказало огромное воздействие на создание общества, где все отношения построены на бюрократическом управлении и подчинении, усилившем вмешательство государственной бюрократии в гражданскую сферу. Под влиянием традиционного поклонения чиновникам, правителям, унижения достоинства простых людей, а также под воздействием японского управления в Корее сложилась авторитарная политическая культура, когда народ является не субъектом общества, а объектом контроля и управления. Известно, что для успешного развития демократии между государством и гражданским обществом должна существовать гармоничная связь. Опыт Кореи в этом смысле демонстрирует, как чрезмерное расширение государственной бюрократии в процессе модернизации тормозит становление гражданского общества.

Учитывая ту роль, которую играло и играет государство в экономическом развитии страны, Н. Симония выделяет следующие характерные черты современной южнокорейской бюрократии: во-первых, профессионализм и исключительно экономическую ориентированность; во-вторых, ее не идеологизированность, но ориентированность на осуществление общенациональных задач и экономических реформ; в-третьих, относительную материальную независимость от бизнеса, поскольку в Корее отношения между бюрократией и бизнесом строятся на принципе отношений руководителя и подчиненного, основывающихся на патерналистских традициях.

Четвертая черта, по мнению исследователя, заключается в том, что бизнес практически не участвовал в политике и не служил каналом продвижения в государственный аппарат. Но, на наш взгляд, в последнее время наблюдается обратная тенденция, к примеру - выдвижение в 1992 году кандидатом на пост президента Чон Чжу Ен - основателя Хендэ, одного из крупнейших концернов в стране. И наконец, Н.Симония отмечает относительно низкий по сравнению с другими развивающимися странами уровень коррумпированности корейской государственной бюрократии¹². В этом отношении имеет смысл напомнить о судебном процессе над бывшими президентами страны Чон Ду Хваном и Ро Тхэ У, а также сыном Ким Ен Сама.

Говоря о специфике политической культуры Кореи, следует обратить особое внимание на достижения страны в сфере образования, в значительной степени сыгравших важную роль как в экономическом развитии, так и в процессе социально-политической демократизации общества. Примечательно то, что планы развития образования, науки и техники государство с начала 60-х годов стало приводить в соответствие с экономическими планами. С 1945 по 1992 год число

университетов и колледжей в стране увеличилось с 19 до 121; в 80-90-х годах расходы на образование составляли 22,8 % государственного бюджета, или 3,2 - 3,4 % от ВВП¹³.

Стратегический план развития науки и техники сосредоточен на следующих направлениях:

а) правительство придает науке и технике ведущую роль в социально-экономическом прогрессе страны, поэтому уделяет особое внимание подготовке ученых и квалифицированных специалистов в целях удовлетворения быстро растущей потребности в научных исследованиях и разработках как в государственном, так и в частном секторе экономики;

б) в последнее время правительственные ассигнования на научные программы увеличиваются ежегодно на 15%. В результате общие затраты на научные исследования и разработки повысились с 418 млн. долларов в 1981 году (0,64 % ВВП) до 5,46 млрд. долларов в 1991 году (2,02 % ВВП). Министерство науки и техники подготовило план, предусматривающий увеличение этих расходов к 2001 году до 5%, что в случае реализации укрепит Южную Корею среди лидеров в области высоких технологий¹⁴. Следует подчеркнуть, что капиталовложения частного сектора, включая чеболи, в научные исследования возросли примерно на 20% в год. Становится очевидным, что страна основательно готовится к завершению процесса формирования современной национальной экономики и ее полноценной интеграции "на равных" в мировую экономику.

В целом важно отметить, что в последние годы изменения в системе правления страной, связанные с демократизацией, хоть и носили позитивный характер, все же происходили медленнее и болезненнее, чем преобразования социально-экономической сферы, в развитии которой существенную роль играл внешний фактор и внешнее финансирование. Прежде всего осуществление правительством жесткого контроля за притоком иностранного капитала было обусловлено стремлением привлечь не любые иностранные ресурсы, а только те, которые вписывались в его общую стратегию развития.

Со времен Ли Сын Мана правительства опасались засилия иностранного капитала, практически не допуская его в страну. При Пак Чжон Хи ситуация начала медленно изменяться, и иностранные вливания постепенно становились существенным компонентом внутреннего развития Кореи. В марте 1995 года Южная Корея получила свой последний заем от МБРР и была переведена в категорию доноров. В последние годы при возрастании внутренних накоплений в стране роль внешнего фактора и особенно технологического заимствования оставалась значительной, без чего как дальнейшее углубление экспортной ориентации, так и волны импортзамещения вряд ли бы оказались возможными и успешными.

Однако сегодняшний экономический кризис, возникший в результате неэффективных инвестиций, широкого запуска экономически необоснованных проектов, концентрации экономики в руках могущественных конгломератов - чеболов, поддерживаемых банками и тесно связанных с правящей верхушкой, привел к упадку конкурентоспособности страны, подавшей в 1997 году в МВФ заявку на предоставление ей внешнего займа в размере 57 млрд. долларов¹⁵.

Представляется, что рациональный выбор политических лидеров является, пожалуй, самым лучшим выходом в решении вопроса ускорения демократии и успешном проведении политических реформ в Корее. В этой связи президентские выборы 1997 года, приведшие к победе Ким Дэ Чжуна - лидера оппозиционной партии Национальный конгресс за новую политику, явились реальным подтверждением стремления широких масс к дальнейшему совершенствованию демократической системы в Южной Корее. Вместе с тем, принятие им президентских полномочий в сложный для страны период очень важно, поскольку требует концентрации усилий для преодоления последствий упадка экономики, что прежде всего, по мнению президента, предполагает отделение государства от управления экономикой. Новым президентом страны уже разработана конкретная программа оздоровления экономики, направленная прежде всего на перестройку чеболов с целью улучшения состояния их финансового учета. Кроме того, президентом делается все возможное для получения от развитых стран мирового сообщества кредитов для восстановления разлаженного механизма¹⁶. Насколько успешными будут шаги нового президента Кореи, покажут его дальнейшие действия: меры по реконструкции экономических устоев, допуск в страну зарубежного капитала, диалог или же противостояние с КНДР и другие.

Хотелось бы выделить ряд позитивных аспектов южнокорейской модели, которые могут иметь, на наш взгляд, принципиальное значение для стратегического развития Казахстана, находящегося в настоящее время на стадии переходного периода:

а) идея интеграции в мировое хозяйство, равного партнерства с развитыми странами основывалась прежде всего на основе поэтапного создания прочного фундамента национальной экономики (сначала - осуществление стратегии дуалистической индустриализации, затем - макростабилизация, либерализация иностранной финансовой деятельности);

б) идея государственного регулирования рынка, осуществление правительством контроля над созданием новых отраслей производства;

в) идея отделения принятия экономических решений от политических процессов, что явилось гарантией четкого выполнения всех пятилетних планов;

г) идея развития и ускорения темпов развития на основе существенной поддержки научно-технического и общеобразовательного потенциала страны и восприятия передовых наукоемких отраслей современного производства;

д) успешное экономическое развитие привело к значительным сдвигам в социальной структуре и политическом сознании общества, что способствовало началу процесса демократизации.

¹ Назарбаев Н. А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994-1997. М., 1997. С. 390.

² Ли Чонг Бок. Политико-экономический анализ политики Республики Корея // Ким Ун Те (под ред.). Введение в корейскую политику. Сеул, 1994. С. 808 (на корейском яз.)

³ Хорос В., Чешков М. Авторитаризм и демократия в Третьем мире // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 7. С. 36-37.

⁴ Справочник Республики Корея. Сеул: Самхва. 1993. С. 307.

⁵ Ahn, Chung-Si, Democratization and Political Reform in Korea: Development, Culture, Leadership and Institutional Change // Shin Doh Chull, Zoh Myeong-han, Chey Myung. ed. Korea in the Global Wave of Democratization. Seoul: Seoul. Press. 1994. P. 161-163.

⁶ Ibid. P. 171-173.

⁷ Чой Кенг Хван. Проблемы трансформации к демократизации в бывших советских социалистических системах (Диссертация на соискание доктора пед. наук). Сеул, 1994. С. 13 (на корейском яз.).

⁸ Huntington S. P. The Third Wave: Democratization in the late Twenties Century. Norman: University of Oklahoma press. 1991.- P. 142.

⁹ Ahn, Chung-Si. op. cit. P. 163-165.

¹⁰ Pye, L. Asian Power and Politics: the Cultural Dimension of Authority. Camb., 1985. P. 26-28.

¹¹ Ahn, Chung-Si. op. cit. P. 172-173.

¹² Симония Н. Уроки китайских и южнокорейских реформ // Свободная мысль, 1996. № 9. С. 43-44.

¹³ Справочник Республики Корея. Сеул, 1993. С. 532-533.

¹⁴ Там же. С. 504-505.

¹⁵ Известия. 20. 12. 1997.

¹⁶ News Review. Seoul, 1998, vol. 27, No. 6-8.

РЕЦЕНЗИИ

Ufer H., Meimberg R., Poser J.A., Schonherr S.
Theuringer M. Kasachstan 1997
Konsolidierung auf noch Schmalere Basis.
Regionale Stmkturbildungsprozesse.

München, Köln, London: Weltforum Verlag, 1998. -160 S.
(IFO Studien zur Osteuropa und Transformationsforschung-31)

В серии публикаций ИФО-Института в Мюнхене увидела свет новая крупная публикация, посвященная экономике Казахстана - "Казахстан в 1997 г.: консолидация на все еще слабой базе". Это не первая работа указанных авторов (Х.Уфер, Р.Меймберг, Й.Позер, З.Шёнхерр, М.Тейрингер), посвященная экономике республики; в течение нескольких лет, начиная с 1992 г., эти сотрудники ИФО-Института опубликовали семь исследований, в центре которых всегда оставался ход реформ в Казахстане.

Самым важным событием последних двух лет авторы считают макроэкономическую стабилизацию экономики Казахстана. Она отразилась в снижении уровня инфляции с 39% в 1996 г. до 17,4% в 1997 г., которая происходила на фоне небольшого (2%) экономического роста. Однако при бюджетном дефиците в 3,4% ВВП ситуация в 1997 г. не могла существенно улучшиться по сравнению с предыдущем годом. В большинстве отраслей народного хозяйства продолжался спад, в том числе в строительной индустрии, на которую возлагались надежды в связи с активизацией строительства в Акмоле (Астане). Не удалось, считают авторы, преодолеть негативную тенденцию в развитии сельского хозяйства.

Наиболее важные события в процессе реализации реформ происходили в сфере приватизации, которая охватила социальную сферу и наиболее важные части инфраструктуры. Успешно была осуществлена консолидация банковского сектора, что авторы также относят к важным достижениям казахстанских реформ. И самое главное, как отмечается в издании, была наконец приведена в действие концепция развития регионов республики. Именно на этом сюжете - региональная политика в Казахстане - сосредоточили внимание авторы нового экономического обзора. К наиболее сложным текущим проблемам в социально-экономической жизни Казахстана авторы относят следующие: задолженности между предприятиями, дефицит налоговой базы и недобор налогов, задержки в выплате заработной

платы и пенсий. Эти вполне объективные проблемы, указывают авторы, можно будет решить уже на следующей стадии реформ, когда они коснутся микроуровня экономики.

Книга состоит из четырех глав, которые охватывают в совокупности все основные процессы в развитии экономики Казахстана, как в целом, так и на региональном и отраслевом уровне. Это безусловно строго экономическое издание, поэтому важные с точки зрения взаимосвязи социальные и политические проблемы остаются вне книги, однако они фигурируют местами в качестве подтекста.

Первая глава издания посвящена общеэкономической ситуации в Казахстане, охватывая промышленное и сельскохозяйственное производство, соотношение в развитии цен и инфляции, заработной платы и рынка труда, а также внешнеэкономическую сферу и движение капиталов. Представляют интерес данные, приводимые авторами в связи с ролью т.н. шоп-туризма, или шоп-торговли: с 1993 по 1997 г. экспорт из республики в рамках этого вида торговли увеличился с 33 до 395 млн. долл.; импорт - с 466 до 3 552 млн. долл., что в процентном соотношении к общему импорту республики составило 12,1% (в 1993 г.) и 83,1% (в 1997 г.).

Это и другие любопытные наблюдения в экономике Казахстана после распада единого советского экономического пространства авторы связывают с тем, что Казахстан стремился, и достиг этого, стать самостоятельным субъектом на мировом рынке. Это, по-видимому, главный вывод, который можно сделать после изучения развития экономики республики в эпоху независимости. Внушает надежду и тот факт, подчеркивают авторы, что по мировым масштабам Казахстан является страной с низким уровнем внешней задолженности: на конец 1997 г. она составила 5,7 млрд. долл., что равно 26% ВВП. В ближайшие годы, когда резко возрастет поток инвестиций в экономику страны, первоочередной задачей станет наиболее проблема эффективно распорядиться этими средствами, чтобы они не увеличили прямую задолженность Казахстана, делают вывод авторы.

Вторая глава освещает взаимосвязь экономической политики и реформ. Она охватывает такие важные аспекты как стабилизационная политика, приватизация и развитие частного предпринимательства, либерализация и реформы различных секторов экономики и финансовой системы. Несущей осью этого процесса авторы считают последовательный, несмотря не на какую критику, курс Нацбанка РК на стабилизацию национальной валюты. Важно то, что проходил в полном соответствии с условиями МВФ, что, по мнению некоторых, обеспечило его успех. Немаловажное место в этой политике занимала предпринятая правительством и Нацбанком программа размещения т.н. голубых фишек, т.е. участие казахстанских ценных бумаг в международных аукционах с целью привлечения зарубежных инвестиций.

Как отмечают авторы, проблема иностранных инвестиций наиболее остро стоит в Казахстане по сравнению с его соседями по региону. Безусловно, Казахстан лидирует в Центральной Азии по объемам инвестиций; на его долю приходится 80% всех прямых иностранных капиталовложений в регионе, из них 75% приходится на нефтегазовый сектор. Однако проблема инвестиций, особенно в этот сектор, давно перешла из экономической в разряд политических. Это привело, как пишут авторы, к открытому столкновению с МВФ, который критиковал казахстанскую политику предоставлять высокие налоговые послабления нефтегазовым инвесторам. Как дали понять в МВФ правительству Казахстана, такая практика приводит к эрозии налоговой базы и неизбежно скажется негативным образом на бюджете. В конечном итоге, МВФ охарактеризовал налоговый климат в Казахстане как чрезвычайно либеральный. В целях привлечения максимального количества инвестиций правительство прибегло к политическим мерам, подчеркивают авторы. Они приняли форму девяти прямых законодательных регулирований.

В сфере массовой приватизации процесс перешел в финальную фазу; в социальной сфере и сельском хозяйстве государство уступило место частным владельцам; практически этот процесс стал необратимым. Однако процесс реальной юридической передачи земли в частную собственность получил свое развитие только в 1997 г. с первых аукционов в Талды-Курганской области. Однако финансовая система Казахстана, как считают авторы, находится во власти нерешенных и взаимосвязанных проблем: не решается вопрос задолженностей со стороны предприятий в пенсионный фонд, что в свою очередь вызывает задержки в выплатах пенсий и тормозит пенсионную реформу. Это грозит финансовой системе новыми потрясениями в недалеком будущем.

Авторы выделяют региональную политику в Казахстане в качестве самостоятельной и наиболее важной главы. Для этого, как они отмечают, существует ряд важных предпосылок: 1) чрезвычайные размеры Казахстана; 2) зависимость отдельных регионов от соседних государств (Северный и Северо-Восточный Казахстан); 3) необходимость переориентации экономики республики после распада СССР; 4) преодоление последствий узко экономической специализации хозяйства Казахстана во времена советского планового хозяйства и чрезмерной роли центра в ущерб региональным интересам; 5) тяжелые экологические проблемы как следствие плановой экономики и военно-стратегических программ бывшего СССР.

Наиболее важной чертой в состоянии различных регионов Казахстан авторы считают диспаритет в их развитии. В этой связи все области республики делятся авторами на три группы - благополучные, среднеразвитые и наиболее плохие с точки зрения доходов на душу населения. Авторы считают, что наиболее быстрыми

темпами разрыв в уровнях регионального развития происходил в 1993-94 гг., затем этот процесс замедлился с тенденцией к консервации ситуации. Таким образом, диспаритет в социально-экономическом развитии различных регионов республики получил долговременный характер, что несомненно окажет влияние на экономическое развитие Казахстана в ближайшее десятилетие.

С точки зрения новой региональной политики авторы предлагают разделить области Казахстана на четыре группы: 1) области с обширными и стратегически важными минеральными ресурсами (Атырау, Магыстау, Актюбинск, Западный Казахстан, Джекказганская и Джамбулская); 2) области с относительно ограниченными ресурсами, но с большой перерабатывающей инфраструктурой (Карагандинская, Павлодарская, Северо-Восточный Казахстан и Алматы); 3) области с развитым сельскохозяйственным сектором (Кустанайская, Южно-Казахстанская, Акмолинская, Кокчетавская, Тургайская, Талды-Курганская и Алматинская); 4) области с большим количеством депрессивных районов (Семипалатинская, Кызыл-Ординская, Тургайская).

Большое внимание авторы в связи с этим уделяют концепции региональной политики в Казахстане, которая была принята 09.09.1996. Они считают ее непосредственной реакцией на острое ухудшение социально-экономического положения в областях. Ее реализация потребует прохождения трех этапов вплоть до 2010 г. Такая долгосрочная программа, делают вывод авторы, доказывает, что правительство ясно осознает, насколько длительным и сложным будет этот процесс. Одним из первых следствий новой концепции была проведенная в 1997 г. реорганизация административного деления Казахстана и упразднение ряда областей. К числу наиболее острого выражения кризиса на региональном уровне, по мнению авторов, следует отнести упадок малых и средних городов. Выход из этого кризиса авторы видят в переориентации экономической специализации большей части таких городов на переработку сельскохозяйственной продукции, строительство и развитие малых и средних форм бизнеса. Авторы выделяют в отдельную категорию на экономической карте Казахстана специальные экономические зоны, которые представляют собой важный инструмент по улучшению тяжелого экономического положения отдельных регионов. Дополнительным негативным фактором регионального, а зачастую и общенационального масштаба, являются экологические проблемы. Однако и здесь существуют возможности для их решения, в первую очередь за счет проведения национальной программы экологических действий. Большое значение приобретают совместные с зарубежными партнерами проекты в рамках программ ТАСИС, Мирового Банка, ЕС и др.

Таким образом, авторы этого последнего крупного исследования по экономике Казахстана связывают дальнейшее поступательное развитие республики в первую очередь с решением региональных проблем, от которых зависит во многом судьба всех реформ. Казахстан уже прошел фазы макроэкономической стабилизации, создания финансовой системы и приватизации в основных секторах экономики; следующий важный этап - стабилизация на микроэкономическом уровне - это и есть, заключают авторы, осуществление эффективной региональной политики.

Мурат Лаумулин

Галиев А. А. Традиционное мировоззрение казахов
Фонд Евразии. Алматы, 1998. 167 стр.

Проблеме изучения истории казахского народа, его традиционного мировоззрения или отдельным ее аспектам, посвящено немало работ. Особенно много появилось их в последнее время, что связано, прежде всего, с обретением государственности и как следствием этого - ростом национального самосознания.

Монография А. Галиева выделяется в этом отношении из этого ряда публикаций тем, что в изучении проблемы использовались методы семиотики. Иными словами, автор рассматривает традиционное мировоззрение казахов не как набор случайных фактов, а как целостный текст, образуемый взаимосвязанными и взаимодополняющими друг друга элементами. Прежде всего, автор реконструирует модель мироздания при помощи которой происходило объяснение и освоение окружающего мира и приходит к тому, что у казахов и их предков существовало несколько подобных моделей - Мировая река, Мировая гора, Мировое дерево (*Arbor Mundi*) и антропоморфная модель. Объединяет их то, что все трехчастны, так как образуются из трех уровней - верха, середины и низа. Эта трехчастная модель служит своего рода матрицей, калькой всех явлений культуры казахов. Но кроме того, эта модель служит и для структурирования общественной системы казахского общества - его трехжужовой организации.

На основании сравнения этногенетических преданий казахов, различных тюрко-монгольских и индоевропейских народов, А. Галиев приходит к неожиданному на первый взгляд выводу - жузы казахов являются наследием восточноиранских племен - саков, аланов, обитавших некогда на территории нашего государства. Действительно, сравнение систем организации тюрков и индоевропейцев показывает, что в их основе были заложены различные идеи об устройстве общества. Если индоевропейские (в том числе и индоиранские) народы считали, что общество имеет три функционально различимые группы (жрецы, производители материальных благ и воины), причем каждая страта связана с тем или иным уровнем мироздания (верхом, серединой, низом), то тюрко-монгольские народы считали, что в обществе, как и в устройстве мира наряду с вертикальными характеристиками присутствуют и горизонтальные. Данное понимание обусловило то, что тюрко-монгольские этносы делились на левое крыло - центр - правое крыло.

Как было отмечено выше, вывод о индоиранских истоках трехжужовой организации был сделан на основании этногенетических преданий, к числу которых прежде всего относится легенда об Алашхане, мифическом первопредке казахов. Исследования, проведенные

осетинским ученым В. Уарзиати, показали, что Алаш-хан, как символ единства трех жузов и трех функций общества имеет своего осетинского двойника - Алгуза, мифического первопредка осетин. Тем самым, "встречные" исследования показывают правильность направления исследований и выводы А. Галиева. Сам автор подкрепляет их анализом различных ритуалов казахов, осетин (восточных иранцев) и тюрко-монголов. Прежде всего, это так называемые "ритуалы архетипа" (М. Элиаде) - то есть ритуалы, имеющие самое большое жизненное значение для общества, и призванные поддерживать в нем гармоническое начало.

В монографии сравниваются ритуальная совместная трапеза, обряды местничества, представления о жилище и ритуалы принятые при его возведении, правила принятые при выборах хана и другие. На наш взгляд, анализ их подкрепляет основную идею автора.

Как представляется, выводы А. Галиева достаточно убедительны, так как монография написана с использованием очень большого этнографического материала, во-первых, и, во-вторых, весь этот материал, его изложение обладают внутренней логикой, связывающей воедино все, казалось бы, разрозненные факты.

Алма Султангалиева

Европейская интеграция и права человека (сборник статей)

"Комплекс". Алматы, 1998. 192 стр.

Интеграционные процессы в Европе и проблемы, связанные со становлением и развитием Европейского Союза, привлекают всё большее внимание исследователей Казахстана. И это не случайно. Республика Казахстан связана с Европейским Сообществом договорно-правовой основой двусторонних и коллективных взаимоотношений, требующей соблюдения общепринятых международных норм.

Опыт строительства "общеевропейского дома", в котором совместно проживают многие большие и малые народы, имеющие равные права на жизнь, труд, отдых, образование, язык, свободное перемещение и т. д., полезен и необходим в условиях переходного периода и строительства государственности Казахстана. Европейский опыт важен для нас и по той причине, что большинство прав, в том числе права человека, приобретались гражданами Европы не в результате одноактного действия, а в течение продолжительного времени и не без трудностей входили в практику и сознание европейцев.

Казахстанскому обществу предстоит пережить ещё немало трудных моментов в процессе осмысления необходимости жить и работать достойно, не испытывая униженности своего состояния. Права человека - вот та цель, к которой стремились обновляющиеся общества ещё с 18 века, тот барьер, через который перешагивало и о который спотыкалось не одно поколение европейцев. Информационное пространство, распространяющееся и на наше общество является возможно более быстрым способом влияния на мировоззрение и воспитания политической культуры казахстанцев.

В настоящее время вопросы развития и защиты основных прав и свобод человека приобретают важное значение в развитии Европейского Союза. Ожидается, что в перечень условий для вступления новых государств в Европейский Союз будут включены жесткие требования соблюдения стандартов Совета Европы в отношении прав и свобод человека.

Республика Казахстан, к сожалению, не является ни членом Совета Европы, ни даже наблюдателем в этом органе. Имея партнёрские отношения с ЕС, нашей республике необходимо учитывать и общепринятые в мировом сообществе стандарты соблюдения прав человека, учитывать накопленный позитивный опыт с тем, чтобы совершенствовать отношения внутри своего общества.

Обратиться к политико-правовому опыту формирования и обеспечения прав человека в странах Европейского Союза попытались сотрудники факультета международных отношений КазГУ им. Аль-Фараби на организованной совместно с Представительством Комиссии Европейского Союза в РК международной конференции "Европейская интеграция и права человека" в мае 1998 г. Конференция была посвящена 50-летию принятия Всеобщей декларации прав человека, по итогам которой недавно вышел из печати сборник статей. В нём представлены также материалы предшествующей конференции "Европейский Союз и Казахстан: пять лет сотрудничества" (ноябрь 1997 г.).

Сборник статей открывается выступлениями двух Первых Советников Представительства Комиссии ЕС в РК, Нынешнего - Филиппа Бурреля де ля Ронсьер и предшествующего - Оно Симонса. В них прослеживаются, с одной стороны, основные этапы политики защиты прав человека от Рима до Маастрихта, с другой, подведены итоги сотрудничества Европейского Союза с Республикой Казахстан.

Права человека как проблема коллективной дипломатии, вопрос обсуждающийся на различного уровня форумах таких организаций как Совет Европы, ОБСЕ и вопрос, по аспектам которого принимаются основополагающие документы - Маастрихтский и Амстердамский договоры, Парижская хартия для новой Европы, а также конкретные политические и правовые решения, - стал темой многих статей.

Целый блок исследовательского характера посвящён проблеме разрешения конфликтов, связанных с вопросами национальных меньшинств, предоставления им статуса, социальных, политических, прав, решения языковой проблемы и т.д.

Предметом внимания и рассмотрения авторами вышедшего сборника статей является деятельность Европейского Союза в Казахстане, участие и возможности привлечения более широких кругов казахстанцев к программам ТАСИС и ТЕМПУС, каково общественное мнение республики в отношении перспектив для РК сотрудничества как с институтами, программами ЕС, так и с отдельными странами Сообщества.

В целом, статьи и выступления, опубликованные в недавно вышедшем сборнике "Европейская интеграция и права человека" являются актуальными, современными и представляют интерес практический с точки зрения восприятия положительного опыта в принятии решений, функционирования создаваемых политических институтов на интеграционном пространстве СНГ и в нашей республике.

*М. Губайдуллина,
доцент кафедры международных отношений и
внешней политики РК КазГУ им. Аль-Фараби*

Джунусова Ж. Проблемы коммунистических и посткоммунистических обществ*

7 - 10 июля 1998 г. в Мельбурне (Австралия) состоялась международная конференция по изучению коммунистических и посткоммунистических обществ. Организаторами выступили Австралийская Ассоциация по изучению коммунистических и посткоммунистических обществ и Австралийско-Новозеландская Славистская Ассоциация.

Работа конференции проходила в 78 секциях, рассматривавших исторические, экономические, политические проблемы коммунистических и посткоммунистических обществ Центральной и Восточной Европы, бывшего Советского Союза, Китая, Вьетнама и других. Четыре секции были посвящены региону Центральной Азии: "Политика в Центральной Азии", "Центральная Азия: исламистское и неисламистское влияние", "Казахстан в переходный период: современные проблемы", "Центральная Азия: международный аспект".

Большую часть выступавших на конференции представляли ученые Австралии, многочисленной была делегация из КНР, с докладами выступили представители Восточной и Центральной Европы, России, США. Наш регион представляли профессор Б. Исламов и автор статьи.

На заседании секции "Политика в Центральной Азии" (руководитель секции - Джон Миллер, Университет Ла Тробе, Австралия) были заслушаны выступления Бахтиора Исламова (Узбекистан) "Сравнительные исследования экономик Центрально-Азиатских республик"; Славы Амирова (Институт Ориенталистики РАН, Москва) "Отношение России к Центральной Азии"; Эрхана Буюкакинчи (Университет Галатасарай, Стамбул) "Системные постоянные во внешней политике трех тюркских республик бывшего СССР: Азербайджан, Казахстан и Узбекистан".

Внимание западных исследователей привлекла секция "Центральная Азия: исламистское и неисламистское влияние" (руководитель секции - Джеффри Джакс, Австралийский Национальный университет), составленная из следующих докладов. Шахрам Акбарзаде (Университет Ла Тробе, Австралия) "Ислам и региональная стабильность в Центральной Азии"; Ли Жен Сен (Институт Восточноевропейских, Российских и Центральноазиатских исследований, Пекин) "Исламский фундаментализм и региональная

* Автор выражает глубокую признательность Фонду Сорос Казахстан, предоставившему автору грант для поездки и участия в данной конференции.

стабильность в Центральной Азии"; Кирилл Нуржанов (Австралийский Национальный университет) "Политика полевых командиров в Таджикистане".

Дефицит узких специалистов по Центральной Азии в Австралии и Новой Зеландии вызвал большой интерес к секции "Казахстан в переходный период: современные проблемы" (руководитель секции - проф. Манабу Шимизу, Университет Утсунумия, Япония). Выступления автора данной статьи на тему "Казахстан: модель демократизации и современная политическая ситуация" и Манабу Шимизу (Университет Утсунумия, Япония) "Переходный период: сравнительный подход" сопровождалось многочисленными вопросами.

Участие в подобного рода международных форумах трудно переоценить, поскольку это дает возможность приобщения к последним достижениям науки и практики, изучения опыта государств, осуществляющих переход к демократии и рыночной экономике.

Коллапс государственного социализма в России и Восточной Европе способствовал появлению такой дисциплины как посткоммунистические исследования, которая перекликается с давно существующими на Западе исследованиями третьего мира и так называемыми исследованиями развития (development studies). На конференции обсуждались теоретические проблемы предмета новой дисциплины. Отмечалось, что в Центральной и Восточной Европе, а также на территории бывшего Советского Союза существуют страны, являющиеся посткоммунистическими в буквальном смысле слова. Однако, вопрос в том, представляют ли эти страны и в какой степени феномен изучения дисциплины "посткоммунистические исследования"? Учеными анализировалось, почему термин "посткоммунизм" более точен, чем термин "переход" (transition), "развивающиеся страны" или просто "новые капиталистические страны". Смысл посткоммунистических исследований как компаративной дисциплины в том, чтобы исследовать масштабы, типы и согласованность институциональных изменений в плане эффективности системной трансформации, изучать преемственность культур и их изменение.

"Демократическая консолидация" остается центральной концепцией в спорах о демократизации. На конференции подчеркивалось, что в противоположность понятию "переход от авторитарного правления", сущность демократической консолидации составляет более широкий и сложный процесс, который ассоциируется с институционализацией демократического набора правил политической игры, экономическими и другими социо-структурными факторами. Особенностью демократической консолидации в посткоммунистических обществах является то, что ее сдерживала

необходимость улучшить экономическую политику вследствие продолжительного экономического кризиса. Кроме того, эти общества имеют могущественные бизнес элиты, появившиеся в постпереходных условиях.

Неоднократно отмечалось, что принципиальным в изучении демократической консолидации является деятельность политических элит и создание политических институтов. Этому посвящена огромная литература. Однако, в свете такого подхода нельзя однозначно сказать, что постсоветское развитие идет по пути демократической консолидации. Если определенные аспекты деятельности постсоветских элит соотносятся с консолидацией, то другие совершенно очевидно не соответствуют ей. Включение же иных факторов, кроме деятельности элит и институциональных форм, ведет к сомнениям относительно демократической консолидации, например, в России. Так, неожиданный рост бизнес элит в России возможно является одним из самых значительных последствий неолиберального подхода к системному изменению в посткоммунистических условиях.

Вне сомнения, вновь возникшая экономическая элита в России является важным действующим лицом в процессе демократической консолидации. Тем не менее, ее настоящая и будущая роли не исследованы, также как и различные конфигурации экономической и политической элит, соотношение между экономической элитой и процессом демократизации.

Посткоммунистические элиты играют сегодня ключевые властные роли и в Центральной и Восточной Европе. Но эти роли различаются в зависимости от структуры, поведенческих кодов, неформальных ориентаций элит. Хотя демократические институты и процедуры почти всегда присутствуют в этом регионе, властные игры элит различаются, а качество посткоммунистических демократий широко варьируется. Набор специфических особенностей - клиентелизм и патронаж, нарушение горизонтальной ответственности, манипуляция СМИ и судебной властью, подавление оппозиционных элит, личные вендетты, преследование меньшинств - определяют эти властные игры и зависят, в свою очередь, от структуры, дифференциации и циркуляции элит.

Общепринятым является утверждение, что для успешной демократической консолидации партийная система должна иметь сильные корни в обществе, быть структурированной таким образом, чтобы представлять его крупнейшие сегменты. Однако, на базе фактического материала по выборам в Польше, Венгрии, Чехии в 1990 - 1998 гг. на конференции прозвучало, что партийные системы, появившиеся в Восточной и Центральной Европе после 1989 г., остаются либо неструктурированными (и поэтому крайне изменчивыми), либо имеют признаки структурированности (с одним или двумя признаками политической конкуренции) и стабилизации

(с похожими структурами партийной поддержки, проявившимися во время выборов). Партийные системы в этих странах возникли на базе таких факторов как тяжелое экономическое положение, религиозность, социальный класс, различия между городом и деревней. Специфика перехода этих социо-экономических показателей в политическую конкуренцию различается в каждой стране, но внутри каждой страны структура остается постоянной от выборов к выборам.

Большое значение для посткоммунистических обществ, в том числе и для Казахстана, имеет опыт Китая. Конференция дала большой аналитический материал по использованию этого опыта, в частности по проблемам становления и развития гражданского общества.

Как отмечалось, организации гражданского общества в Китае начали быстро расти с начала 1980х гг. Эти новые типы организаций, участвуя в экономической и социальной жизни, разрушали старую форму правления, характеризовавшуюся унитарным государственным контролем, усиливали социальную координацию. Выполняя некоторые функции, ранее принадлежавшие правительству, способствовали улучшению деятельности правительства, стали связующим звеном между государством и гражданами.

Интересно, что с самого начала эры реформ в Китае социальная демаркация групп, отличающаяся от марксовской классификации - рабочие, крестьяне и интеллигенция - хорошо воспринималась как в политической сфере, так и широкими слоями общества. Профессиональные группы, например юристы, стали играть все возрастающую роль в обществе и получили более высокий социальный и экономический статус. Возрождение профессионализма и профессиональных групп в Китае, по мнению участников конференции, может быть понято в контексте деполитизированной номенклатуры, которая повышает статус юристов и бухгалтеров как профессионалов, считая их государственными кадрами, занятыми частной практикой.

Полезным было узнать позицию китайских ученых о влиянии изменений в постсоветской Центральной Азии на новые подходы во внешней политике этой державы. Так, по мнению Ни Сянкван (Институт Восточно-европейских, Российских и Центральноазиатских исследований, Пекин) на тему "Принципиальные изменения в Центральной Азии, которые влияют на Китай, и как эти изменения управляются" отмечалось, что с распадом Советского Союза советская военная угроза Китаю не существует более. Однако, в связи с отсутствием контроля из Москвы и изменением политической системы в Центральной Азии, силы исламистского экстремизма и национального сепаратизма в форме пантюркизма в этом регионе активизировались, что представляет новую угрозу стабильности и безопасности для китайского северо-западного региона, особенно для Синьцзян-Уйгурского автономного региона. С другой стороны,

независимость Центральноазиатских государств способствует развитию экономических и торговых отношений этих стран с Китаем и обеспечила беспрецедентную возможность для китайского северо-западного региона, включая Синьцзянь, расширить экономическое сотрудничество с внешним миром. Вследствие геополитических изменений в Центральной Азии Китай сегодня сталкивается с проблемой выработки новой внешней политики по поддержанию отношений как с государствами Центральной Азии, так и с Россией в этом регионе должным образом.

В целом, выступления носили объективный характер и, безусловно, конференция стала вкладом в дальнейшее исследование проблем коммунистических и посткоммунистических обществ как в теоретическом, так и практическом плане.

SUMMARY

"The Conception of the industrial policy in the Republic of Kazakhstan for the middle-term prosperity" *Sagadiev K.A., Isabekov B.N.*

The problems of the acceleration of the Kazakhstani industry are considered through the concepts presented of industrial policy in the mid-term. The authors consider the existing disproportions stated exist and offer a complex of measures having its aim the development of a high industrial level in the republic.

"Civilian indicators and the corruption phenomenon" *Ismagambetov T. T.*

This article is devoted to a consideration of the relationship of the phenomenon of corruption with indicators of civic mindedness. The author uses the concept of American political scientist R. Patnem, in which he takes as the main indicators of civil participation the distribution of public association's, fix of horizontal channels of the receipt and distribution of information through the press, and indicators of participation in voting, referendums and elections. The undeveloped state of the institutions of civil society and as a consequence insufficient information for Kazakhstani voters about candidates for deputies be is a factor which does not assist the weakening of corruption.

In the opinion of the author the overcoming of corruption if it is possible to find forms and mechanisms for the translation of public interests to a highest state level, additions and adjustments from initiatives "from above" with initiatives "from below", and the active participation of the public.

"The Talibs, Afghanistan and the Central Asia"

Kasenov U. T.

In this article the author analyses the position in Afghanistan from the period after the withdrawn of soviet troops from this country in 1989. The greatest attention is paid to the geopolitical questions arising from the civil war in Afghanistan has acquired an ethnically antagonistic character. The author emphasises that after departure of the soviet troops an obstacle to the development trade-economic relations of former soviet republics former USSR with foreign countries further to the south. The author pays greater attention to the Taliban movement and connected with its activity, the potential threat to the security of New Independent States of Central Asia.

"Finance crisis in South-East Asia: the issues and lessons"

Syroejkin K. L.

In this article the author analyses the main reasons underlying the origin and trends of the further development of the Asian financial crisis, which has struck the financial-economic systems of the leading countries of South East Asia and has brought about a negative influence on the situation in the world economy. The author considers the issues and regularities of the development of the phenomena which has subsequently been termed "Asian economic miracle". As well as attempt to identify a chain which has led to the total ruin of "Asian economic model" which has long served as an example for countries striving for economic progress and prosperity.

"UNICEF: in the name of the children future"

Arystanbekova A. H.

In the article of the permanent representative of the Republic of Kazakhstan at the UN and the Vice-President of Executive Advice of UNICEF, Miss Arystanbekova considers the activity of this international organisation and the participation of the Republic of Kazakhstan in this organisation. It is noted that needs to develop a strategy for the future, in which at this time would be taken into account the unresolved problems of finding which have existed for the last 100 years.

"The Golden Horde and its Eurasian heritage"

Kadyrbaev A. Sh.

This article considers the history of political relations and interactions in Central Eurasia through an analysis of the influence which was exerted on them by the Mongolian empire founded in XIII century by Genghis-khan. The author focuses his attention on the principles of political organisation of the largest state association - the Golden Horde of Central Eurasia. In the author opinion the Golden Horde has exerted the most direct influence upon the history and principles of modern state organisation throughout the territory of Eurasia, among them being included Russia and Kazakhstan.

"The Republic of Korea: the specific of the democratisation and modernisation processes drawing a conclusion for Kazakhstan" *Sjhan Von Shan*

The main features of societies undergoing a period of transition are analysed in the context of a comparison of the processes of democratisation and modernisation in the Republic of Korea and thus drawing a conclusion for Kazakhstan. The author analyses the principles of development and organisations the so-called "South Korean model" of transitional period to a democratic society.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арыстанбекова Акмарал Хайдаровна - Чрезвычайный и Полномочный Посол, Постоянный Представитель Республики Казахстан при ООН, Вице-Президент Исполнительного Совета ЮНИСЕФ

Исабеков Бауыржан Нарзулаевич - доцент, кандидат экономических наук

Исмагамбетов Талгат Танатарович - ведущий научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Касенов Умирсерик Тулешович - проректор Университета "Кайнар", кандидат исторических наук

Кадырбаев Александр Шайдатович - профессор КазГУ, доктор исторических наук

Сыроежкин Константин Львович - заместитель директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор политических наук

Сагадиев Кенжегали Абенович - научный руководитель академик НАН Республики Казахстан доктор экономических наук, профессор

Чжан Вон Чан - Сотрудник Корейского агентства по международному сотрудничеству

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

30 августа безвременно скончался один из ведущих казахстанских ученых и организаторов науки Умирсерик Тулешович Касенов.

Круг научных интересов У.Т. Касенова был очень широк и включал в себя вопросы внутренней и внешней политики Республики Казахстан, проблемы национальной безопасности, ядерного разоружения, интеграции на постсоветском пространстве, проблемы геополитики и т.д. У.Т. Касенов являлся ведущим специалистом в Казахстане по проблемам Каспийского моря, азиатской безопасности, нераспространения ядерного оружия и национальной безопасности. Заметный вклад в казахстанскую и мировую науку внесли его работы, касающиеся вопросов геополитики, формирования нового миропорядка и интеграции в Центральноазиатском регионе.

Талант У.Т. Касенова как ученого и организатора науки особо проявился на посту руководителя Центра стратегических исследований, а позднее - Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, которые были основаны благодаря его инициативе и директором которых он являлся на протяжении почти семи лет. Под его непосредственным руководством в период с 1993 г. по 1997 г. институтом были осуществлены крупные исследования по вопросам внутренней и внешней политики Республики Казахстан, проблемам национальной и ядерной безопасности, интеграции на постсоветском пространстве и т.д. У.Т. Касеновым был основан журнал "Казахстан и мировое сообщество", наследие которого перенял журнал "Казахстан - Спектр".

Всего себя У.Т. Касенов отдавал установлению и развитию научных связей с различными международными центрами и институтами стратегических исследований. В период его руководства институтом Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан установил связи с крупнейшими и авторитетнейшими зарубежными научно-исследовательскими учреждениями и зарубежными учеными.

Нельзя не вспомнить и о таланте У.Т. Касенова как педагога. Многие казахстанские ученые, работники органов государственного управления, Министерства иностранных дел, возглавляющие сегодня научно-исследовательские институты, отделы и департаменты, являются его учениками. Не одно поколение казахстанских студентов будет с благодарностью вспоминать его лекции, которые заставляли по-новому взглянуть на происходящие события и увидеть то многое, что скрывает официальная политика.

Безжалостная судьба слишком рано оборвала нить жизненного и творческого пути У.Т. Касенова, но память о нем навсегда останется в его делах и научных работах, в работах всех тех, кто считал его другом, коллегой и учителем.

Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан готовятся к изданию следующие книги:

Султангалиева А. К. "Ислам в Казахстане: история, этничность и общество";

Сыроежкин К. Л. "Эволюция формирования и основные черты национальной политики КПК";

Акимбеков С. М. "Афганистан и проблемы безопасности Центральной Азии";

Сыроежкин К. Л. "Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика".

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан создан Указом Президента
Республики Казахстан 16 июня 1993 года

Основные направления исследований Института:

1. Геополитическое окружение Республики Казахстан и основные стратегические аспекты внешней политики:
  - изучение проблем внутривнутриполитического, социально-экономического, военно-стратегического развития в странах по периметру Казахстана (Китай, Россия, Турция, Иран, Пакистан, Афганистан);
  - анализ двусторонних отношений Казахстана с Россией, Китаем, США, Турцией, странами ЕС, государствами СНГ;
  - внешнеполитический мониторинг общей ситуации в центральноазиатском регионе;
  - изучение особенностей региональной интеграции, проблем региональной безопасности.
2. Политические и социальные процессы в современном Казахстане:
  - социально-политический мониторинг Республики Казахстан: анализ и прогноз развития внутривнутриполитических и социальных процессов в Республике;
  - анализ демографической ситуации: миграционные процессы в Казахстане.
3. Экономическая безопасность:
  - анализ особенности экономического развития в контексте экономической безопасности Республики Казахстан;
  - исследование экономики транзитных обществ.